

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1889.

№ 2.

ЯНВАРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

- Рѣчь произнесенная Преосвященнымъ *Амеросіемъ* въ церкви Харьковскаго Университета, по случаю престольнаго праздника Св. Антонія Великаго, 17 января 77—84
- Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго Университета *В. Надлера* 85—105
- Справедливы-ли обвиненія, возводимыя гр. Львомъ Толстымъ на Православную Церковь въ его сочиненіи «Черновъ и государство» (продолженіе). *А. Рождествина* 106—134
- Русская и нѣмецкая школа (продолженіе). *Т. Бутневича* 135—149

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- По вопросу о свободѣ воли *Х.* 35—56
- «Теодицея» Лейбница. Разсужденіе о благодти Божіей, свободѣ человѣческой и началѣ зла (продолженіе). *Н. Истомина* 57—69

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1887—88 учебный годъ (окончаніе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1889.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Подухтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν,
Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Февраля 1 дня 1889 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ*

РѢЧЬ

произнесенная Преосвященнымъ Амвросіемъ Архіепископомъ Харьковскимъ
въ церкви харьковскаго университета,

по случаю престольнаго праздника Св. Антонія Великаго, 17 января.

Слово мое и проповѣдь моя не въ убѣдительныхъ челоуческихъ мудрости словесахъ, но въ явленіи духа и силы: да въпра ваша не въ мудрости челоучестный, но въ силу Божіей будетъ (1 Кор. 2, 4—5).

Сегодня исполнилось ровно три мѣсяца со времени совершенія дивнаго чуда спасенія Благочестивѣйшаго Государя нашего и Его Августѣйшаго Семейства отъ смертной опасности въ окрестностяхъ нашего города. Мы первые приняли на сердца наши тяжкій ударъ бѣдственнаго крушенія, мы же первые испытали и великую радость видѣть Царя и Его Семейство спасенными изъ челюстей смерти. Здѣсь, въ этомъ храмѣ мы Ихъ привѣтствовали, и вы, учащіеся здѣсь молодые люди, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ утѣшили сердце Царя выраженіями истиннаго, рѣдко виданнаго восторга. Что впечатлѣніе, произведенное на сердца всѣхъ русскихъ людей этимъ чуднымъ событіемъ, еще доселѣ сохра-

няетъ всю свою силу, это видно по тѣмъ заявленіямъ о разнообразныхъ учрежденіяхъ, которыя возникаютъ во всѣхъ концахъ Россіи для увѣковѣченія памяти о явленномъ Царю нашему знаменіи милости Божіей. И нашъ городъ, какъ вамъ извѣстно, преданъ той же заботѣ.

Нельзя не радоваться этому живому движенію любви нашего народа къ своему Государю: въ немъ такъ много нравственной силы и прочныхъ залоговъ нашего благоденствія. Въ этомъ смыслѣ дороги и всѣ учрежденія, сооружаемыя въ память великаго событія. Но справедливость требуетъ сказать, что самый лучшій и самый достойный памятникъ можетъ быть сооруженъ только въ умахъ и сердцахъ нашихъ, т. е. въ разумѣніи внутренняго значенія этого событія и въ расположеніи нашей жизни соотвѣтственно этому указанію, данному свыше.

Весь міръ признаетъ истиннымъ чудомъ спасеніе нашего Государя отъ неминуемой гибели со всѣмъ Его Семействомъ и со всѣмъ прямымъ Его потомствомъ. И маловѣры изумились и замолкли. А враги Бога и вѣры, глумящіеся надъ нашими воззрѣніями на это событіе, доказываютъ только то, что у нихъ въ рукахъ ничего не остается кромѣ оружія діавола, т. е. хулы на Бога въ сознаніи безсилія предъ непобѣдимой силою Божіею. И такъ, въ наше смутное время броженія умовъ, потрясенія нравственныхъ началъ и растлѣнія жизни, Самъ Богъ начинаетъ поучать насъ. и не словомъ, а явленіемъ Своей всемогущей силы. Это радостно,—потому что изъ этого видно, что Господь не оставляетъ нашего православнаго отечества. Но это и страшно,—такъ какъ исторія свидѣтельствуетъ, что такія знаменія совершаются большею частію тогда, когда обыкновенныя средства вразумленія теряютъ свою силу надъ

сердцами людей, и при томъ такъ, что за знаменіями милости, въ случаѣ ожесточенія людей, слѣдуютъ знаменія гнѣва Божія.

На кого же, можно думать, направляется эта дивная проповѣдь? По ученію слова Божія на всѣхъ грѣшниковъ беспечныхъ, нерадящихъ о своемъ спасеніи и погрязающихъ въ чувственности. Но, какъ молнія падаетъ преимущественно на возвышенныя мѣста: такъ и Божіе вразумленіе обращается наиболѣе къ тѣмъ, кто стоитъ во главѣ народовъ, кто подаетъ имъ примѣръ, кто ихъ учитъ, каковы—пастыри, учителя, правители. Это мы видимъ со всею ясностію въ писаніяхъ ветхозавѣтныхъ пророковъ. Итакъ, высокоуміе, гордыня, самомнѣніе, ослѣпленіе людей мнимою человѣческою мудростію,—вотъ тѣ вершины въ чловѣчествѣ, на которыя преимущественно падаетъ громъ небесный, какъ нѣкогда угрожалъ Господь чрезъ пророка Іеремію, знаменіями своего гнѣва славному представителю древней цивилизаціи, Вавилону: *се Азъ на тя, горде!* (Іер. 50, 31).

Чтобы обозначить однимъ словомъ всѣ виды современной гордыни, требующіе вразумленія, чтобы указать самый источникъ упорства и противленія волѣ Божіей, мы вынуждены сказать, что всему виною *ложно направленное современное знаніе*. Не обижайтесь этимъ словомъ нашимъ, служители науки. Вы знаете, что первый признакъ истинной любви къ наукѣ—это спокойное, разсудительное и безпристрастное отношеніе ко всякой мысли, имѣющей цѣлю указаніе истины, какъ бы она ни была тяжела для нашего сердца. Разсудите: откуда отрицаніе религіи, составляющей внутреннюю жизнь и силу всего чловѣчества? Откуда неустойчивость правительствъ и государственныхъ учрежденій? Откуда волненіе народовъ и ниспроверженіе

власти, подчиненности, порядка? Откуда этотъ разливъ чувственныхъ пороковъ и страстныхъ вождѣленій? Откуда разложеніе семейной жизни и всѣ эти язвы нашего времени, которыя и перечестъ трудно? Отъ ложно направленаго знанія. Вы сами подберете для каждаго вида этихъ печальныхъ современныхъ явленій особое ученіе, особую систему возрѣній, на которыхъ они утверждаются и изъ которыхъ исходятъ; намъ нѣтъ надобности здѣсь, въ ученюмъ обществѣ, перечислять ихъ. Но по требованіямъ самой науки мы должны найти для всѣхъ этихъ разнообразныхъ ученій одно объединяющее ихъ понятіе и одно названіе; оно и существуетъ въ наукѣ подъ именемъ *знанія*.

Для кого убѣдительно явленія жизни доказывающія ложное направленіе знанія, тотъ придетъ къ вопросу: какъ же знаніе получившее ложное направленіе можетъ быть возвращено на истинный путь? Здѣсь мы встрѣчаемся съ самымъ распространеннымъ убѣжденіемъ нашего времени, — именно, что знаніе направляется и руководится ни чѣмъ другимъ, какъ только знаніемъ же, т. е. одно направленіе знанія въ случаѣ его уклоненія отъ истины поправляется другимъ, — настояще будущимъ. Мысль вѣрная въ частностяхъ, но переходящая въ заблужденіе, когда обращается въ принципъ объемлющій всю, и особенно высшую, область человѣческаго знанія. Когда знаніе переходитъ въ чистую, отвлеченную область мысли, и когда его выводы не провѣряются шагъ за шагомъ опытами жизни, тогда оно становится мечтательнымъ, и борьба мнѣній и ученій становится безцѣльною и бесплодною. И сами люди преслѣдующіе подобное знаніе, по слову Апостола Петра, «произнося надутое пустословіе, становятся похожими на безводные источники, облака и мглы носимыя бурей». (2 Петр. 2, 17—18).

Итакъ, гдѣ же выходъ изъ этого труднаго положенія? Къ удивленію мудрецовъ вѣка — единственно въ простотѣ, столь пренебрегаемаго ими, ученія христіанскаго. Мы это можемъ видѣть даже изъ одного краткаго изреченія Апостола Павла нами приведеннаго: « слово мое и проповѣдь моя не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы, чтобы вѣра ваша утверждалась не на мудрости человѣческой, но на силѣ Божіей ».

Апостолъ жилъ во время совершенно похожее на наше по отношенію къ направленію знанія, когда въ мірѣ языческомъ философскія системы размножились до чрезвычайности, когда умы истощились въ изобрѣтательности, когда противорѣчащія одна другой школы изнемогали во взаимной борьбѣ и спорахъ за судьбу человѣчества, а человѣчество тлѣло и разлагалось нравственно безъ надежды возстанія и оживотворенія. Его оживили божественныя начала христіанства. Это историческая истина признанная наукою всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Въ чемъ же здѣсь заключается тайна возрожденія человѣчества? Именно въ томъ, что проповѣдь христіанская состоитъ не въ спорахъ людей ученыхъ, не въ построеніяхъ человѣческой мудрости, а въ явленіи духа и силы.

Духъ и сила, — вотъ великіе двигатели человѣческаго усовершенствованія, а не ученая только мысль и краснорѣчивое слово. Осмотритесь вокругъ себя и поищите этихъ великихъ свойствъ въ людяхъ современнаго образованія на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности: много-ли ихъ найдется? Кабинетная усидчивость ученыхъ? Дѣло почтенное, но оно нейдетъ далѣе книги и учительской кафедрѣ. Неутомимость въ изученіи природы, въ опытахъ и открытіяхъ? Дѣло полезное, но оно ограничивается матеріальными и житейскими ин-

тересами. Гигантскія работы въ усовершенствованіи общежитія? Но онѣ всѣ пропитаны духомъ временной выгоды и корысти. Неустанные труды писателей, юристовъ, общественныхъ дѣятелей? Но увы! Мы всѣ уже убѣдились, что здѣсь больше словъ, нежели дѣла. Удивительная энергія и настойчивость дѣятелей политическихъ руководимыхъ новыми ученіями? Но весь свѣтъ видитъ, что ихъ усилія и подвиги начинаютъ уже граничить съ выходками сумасшедшихъ. Дайте намъ мужей *духа и силы*, на которыхъ бы милліоны людей незнающіе науки смотрѣли съ благоговѣніемъ. какъ на людей, по Апостолу, *уготованныхъ на всякое дѣло благое* (2 Тим. 2, 21), какъ на образцы безукоризненной нравственности и чистоты душевной, неподкупной честности, искренней благожелательности, несокрушимой твердости; дайте намъ героевъ съ неутомимостію въ борьбѣ со зломъ и неправдою, съ терпѣніемъ лишеній, съ духомъ самопожертвованія. Вы сами знаете, какъ ваши лучшіе писатели горькими слезами оплакиваютъ современную скудость въ людяхъ духа и силы.

Если человѣческая наука въ нравственномъ воспитаніи людей оказывается бессильною, то безпристрастные ея служители въ странѣ христіанской по совѣсти должны призвать на своихъ питомцевъ полное и всестороннее вліяніе Церкви Христовой, въ теченіи вѣковъ доказавшей свою мощную силу въ воспитаніи подвижниковъ истины, добра и чести. Вотъ на это основанія.

Чтобы сообщить человѣку эти высокія свойства, нужно, во-первыхъ, собрать его разсѣявающійся духъ во едино, единствомъ пѣли и единообразіемъ направленія всѣхъ духовныхъ и тѣлесныхъ его силъ. Для этого бессильна измѣнчивая, неустойчивая, спорливая мудрость человѣческая; а это именно и даетъ божествен-

ное ученіе и руководство Церкви, указывая одну общую цѣль въ стремленіи къ Богу и направляя къ дѣятельности силы по неизмѣннымъ правиламъ христіанской жизни.

Чтобы человекъ пріобрѣталъ дѣйствительную силу для всякаго рода доброй дѣятельности, чтобы, по выраженію пророка, укрѣплялись его «разслабѣвшія руки и дрожащія колѣна» (Ис. 35, 3), онъ долженъ съ молодыхъ лѣтъ упражнять свои способности и преимущественно силу воли въ разборѣ своихъ помысловъ и влеченій, въ подавленіи страстныхъ вождѣленій, въ охраненіи чистоты совѣсти, въ покореніи плоти водительство духа, въ борьбѣ съ соблазнами и искушеніями, въ безропотномъ перенесеніи неизбѣжныхъ въ этомъ мірѣ страданій за вѣру и добродѣтель. Разошедшись съ Церковью, наука думаетъ воспитать сильныхъ духомъ людей одними мыслями и словами; отъ чего мы и встрѣчаемъ всюду только поклонниковъ мысли и героевъ слова.

Чтобы собранный въ свою цѣлость духъ проникался горячимъ желаніемъ дѣятельности и неустаннымъ стремленіемъ къ всестороннему совершенству, нужно, чтобы внутри его жило и возрастало радующее и возвышающее его чувство мира, счастья, довольства независимо отъ внѣшнихъ условій жизни; нужно, чтобы трудъ питалъ это чувство, борьба укрѣпляла, преодоленіе препятствій сопровождалось внутреннимъ торжествомъ превышающимъ всякую внѣшнюю награду и пріобрѣтеніе, чтобы въ сознаніи его восходила заря вѣчной жизни, гдѣ добро дѣлается безпрепятственно, гдѣ счастье ничѣмъ не возмущается. Всего этого не даетъ человѣческая наука; это дастъ наука внутренней подвижнической жизни, столь нынѣ презираемой и порицаемой мудрецами нашего времени.

Наконецъ, высшую силу и душу нравственной жизни, руководимой Церковію, составляетъ молитва, отъ которой такъ бѣгутъ воспитанники современной мудрости. Она привлекаетъ въ душу человѣка всеильную благодать Духа Божія просвѣщающую умы, очищающую сердца, укрѣпляющую волю и свободу и согревающую духъ радостию о Господѣ. Онъ, Духъ Божій, во всѣ времена воспитывалъ въ трудѣ и терпѣніи и высылалъ на всемірную дѣятельность этихъ людей *съ духомъ и силою Иліиною* (Лук. 1, 17), этихъ борцовъ удивлявшихъ міръ, *иже върою побѣдиша царствія, содѣяша правду, получиша обѣтованія* (Евр. 11, 33).

И такъ чудеснымъ спасеніемъ Государя нашего всемогущею силою Божіею, сколько мы можемъ понимать, Господь наставляетъ насъ, *да вѣра наша не въ мудрости человѣчествій, но въ силу Божіей будетъ*. Чудомъ спасенія Царя нашего Господь ниспослалъ благословеніе на Его теплую вѣру и любовь къ Церкви, на Его благочестіе, на Его попеченіе о христіанскомъ просвѣщеніи и благѣ народа. А для насъ русскихъ людей, кромѣ всѣхъ этихъ указаній, всѣмъ народамъ необходимыхъ,—въ виду броженія умовъ и заблужденій политическихъ,—еще въ лицѣ нашего Государя получила торжественное свидѣтельство свыше и новое освященіе Власть Самодержавная, составляющая основаніе нашего благосостоянія.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И

ИДЕЯ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Коленкуръ, стоявшій во главѣ посольства, долженъ бы былъ отвѣчать на рѣчь государя, но маршалъ Ней, нетерпѣливый и страстный, предупредилъ герцога. Онъ заговорилъ, и заговорилъ въ тонѣ, озадачившимъ его собственныхъ товарищей. «Мы», сказали онъ, «страдали болѣе нежели кто либо отъ этихъ непрерывныхъ войнъ, опустошавшихъ Европу. Мы не желаемъ признавать долѣе этого абсолютнаго владыку; мы были всегда его первыми жертвами, трупамъ нашихъ товарищей по оружію покрылъ онъ весь материкъ. Если кто либо, то именно мы желаемъ устранить его отъ престола. Но нѣтъ возможности замѣнить этого человѣка, осужденнаго самою судьбою, отрекшагося отъ престола, кѣмъ либо изъ среды военныхъ. Никто изъ насъ не достигъ до такой высоты, съ которой онъ могъ бы властвовать надъ народомъ. Развѣ одинъ, но онъ невозможенъ, онъ обрызганъ французскою кровью, его возвышеніе возмутитъ всѣ сердца. Только одинъ сынъ Наполеона подъ регентствомъ своей матери представляетъ собою правительство, наиболѣе подходящее для Франціи и для арміи».

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 24.

Рѣшительное слово было произнесено и уполномоченные Наполеона одинъ за другимъ выступили на защиту правъ короля Римскаго. Они говорили съ убѣжденіемъ и не безъ краснорѣчія. Въ одинъ голосъ протестовали они противъ возвращенія Бурбоновъ, чуждыхъ для этой новой Франціи, созданной революціею и императоромъ. Бурбоны не въ состояніи понять истинныхъ интересовъ и дѣйствительныхъ нуждъ французскаго народа; ихъ правленіе поведетъ неизбежно къ глубокому разладу между династіею и народомъ и создастъ новыя смуты, могущія нарушить вновь спокойствіе Европы. Несравненно лучше дать возможность новой Франціи жить подъ властью правительства, однороднаго съ нею по своей интурѣ, правительства, составленнаго изъ лицъ, завѣдующихъ уже въ теченіи 20 лѣтъ общественными дѣлами, лицъ, порицающихъ не менѣе остальной Европы систему постоянныхъ войнъ, лицъ, имѣющихъ во главѣ своей принцессу, которой не могутъ не довѣрять союзные государи, ибо она есть родная дочь одного изъ нихъ. Нельзя же, наконецъ, добавили маршалы, не обратить хотя нѣкоторое вниманіе на желанія арміи, на желанія этихъ воиновъ, проливавшихъ столько разъ свою кровь за Францію и готовыхъ проливать ее вновь, если этого потребуетъ необходимость. Они одни сдерживаютъ теперь безумное отчаяніе Наполеона. Невозможно павязывать арміи принцевъ, которые будутъ оскорблять ее, даже желая угодить ей. Необходимо дать ей удовлетвореніе, поставивъ во главѣ Франціи сына того генерала, который въ теченіи 20 лѣтъ водилъ ее отъ побѣды къ побѣдѣ.

Доводы маршаловъ, высказанные со всею силою и горячностью убѣжденія, произвели замѣтное впечатлѣніе на Императора Александра. Но государь, желая оставаться вполне безпристрастнымъ, не могъ опускать изъ виду и другой стороны. Желанія маршаловъ и арміи видимо противорѣчили желаніямъ значительной и притомъ наиболѣе вліятельной части парижскаго населенія, и Александръ не замедлилъ указать уполномоченнымъ Наполеона на это противорѣчіе. Онъ напомнилъ имъ, что сенатъ высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ императора и имперіи, что вопросъ о воз-

становленіи Бурбоновъ поставленъ уже на очередь, и что выдающіеся представители революціи и имперіи не замедлили подать свои голоса за старую династію ¹⁾.

Едва только Александръ упомянулъ о сенатѣ, какъ маршалъ Ней, не помня себя отъ гнѣва, разразился такими словами: «Этотъ презрѣнный сенатъ! какое право имѣеть онъ теперь выражать свое мнѣніе! Онъ могъ бы оградить насъ отъ великихъ несчастій, если бы противопоставилъ въ свое время хотя какое нибудь сопротивленіе страсти Наполеона къ завоеваніямъ, но онъ спѣшилъ всегда преклониться предъ волею того самого человѣка, котораго именуешь онъ теперь тиранномъ. Онъ молчалъ, когда ему слѣдовало говорить; какъ же осмѣливается онъ говорить теперь, когда все повелѣваетъ ему безмолвовать. Большинство г.г. сенаторовъ наслаждались спокойно своими богатствами въ то время, когда мы орошали Европу своею кровью. Не они, а мы солдаты, вынесшіе на себѣ всю тяжесть имперіи, имѣемъ теперь право жаловаться на нее! А если сенаторы забываются настолько, что осмѣливаются подымать свой голосъ, то поставьте ихъ, государь, лицомъ къ лицу съ нами, и вы увидите, осмѣлится ли ихъ нязость говорить въ нашемъ присутствіи».

Слова маршала задѣли за-живое генерала Дессоля, единственнаго представителя импровизированнаго правительства при этой аудіенціи. Онъ пытался возражать маршаламъ, и обращаясь къ императору Александру, замѣтилъ, что теперь поздно отказываться отъ возстановленія Бурбоновъ, въ пользу которыхъ сдѣлано уже такъ много; что это значило бы принести въ жертву массу честныхъ людей, высказавшихъ свое мнѣніе въ надеждѣ на слово союзныхъ государей ²⁾.

¹⁾ Тьеръ полагаетъ, что Александръ противорѣчилъ маршаламъ лишь для того, чтобы побудить ихъ высказать всѣ свои доводы въ пользу регентства; но съ такимъ мнѣніемъ едва ли возможно согласиться, если имѣть въ виду всѣ предшествующія дѣйствія императора. См. *Histoire du consulat et de l'empire*, T. XVII, стр. 729.

²⁾ «Cet argument vrai, mais un peu égoïste, et déjà allégué par M. de Talleyrand, n'allait guere au noble caractère du général. Des soles, qui n'était conduit en ceci que par des convictions désintéressées; il finit aussi par blesser l'empereur Alexandre». *Histoire du consulat et de l'empire*, T. XVII, стр. 731.

Это не совсѣмъ умѣстное замѣчаніе Дессоля имѣло неожиданнаго послѣдствія. Государь, видимо оскорбленный словами генерала, возразилъ ему съ живостью: «Ваши опасенія напрасны. Знайте, что никто изъ ввѣрившихъ себя мнѣ и моимъ союзникамъ не будетъ раскаиваться. Да впрочемъ, добавилъ государь, дѣло идетъ здѣсь вовсе не о частныхъ, а объ общихъ интересахъ, при разрѣшеніи которыхъ подобаетъ руководиться самыми возвышенными возрѣніями». Сказавъ эти слова, государь обратился къ маршаламъ и объявилъ имъ, что въ настоящее время онъ не можетъ дать имъ окончательнаго отвѣта, что ему необходимо посоветоваться предварительно съ королемъ прусскимъ, но что завтра утромъ они могутъ услышать отъ него послѣднее рѣшительное слово. Вслѣдъ за тѣмъ Александръ ласково распрощался съ уполномоченными. Они возвратились на свою квартиру совершенно очарованные любезностью русскаго монарха, полные надеждъ на успѣхъ своей миссіи.

На квартирѣ маршаловъ ожидала страшная новость. Не успѣли еще они войти въ комнату, какъ вбѣжалъ полковникъ Фавье, одинъ изъ адъютантовъ Мармона. Съ видомъ совершенно растеряннаго человѣка, онъ объявилъ, что случилось большое несчастіе, что войска шестого корпуса покинули свои позиціи на Ессонѣ и идутъ на Версаль черезъ линіи союзниковъ. На дальнѣйшіе разспросы, Фавье объяснилъ, что виновниками этого движенія были никто иные какъ старшій дивизионный генералъ Сугамъ и его товарищи, и что одинъ лишь генералъ Люкоттъ отказался послѣдовать ихъ примѣру и остался съ своею дивизіею на Ессонѣ.

«Что же побудило генераловъ», спросилъ одинъ изъ маршаловъ, «принять такое роковое рѣшеніе?».

«Страхъ за себя, боязнь передъ страшною местию Наполеона».

«А чѣмъ была вызвана эта боязнь, этотъ страхъ», продолжалъ спрашивать маршалъ.

«Дѣло происходило такимъ образомъ», отвѣчалъ Фавье. «Вскорѣ послѣ отъѣзда маршала Мармона въ Парижъ, въ Ессону явился полковникъ Гурго съ личными приказаніями

императора. Узнавъ, что маршалъ не находился на своемъ посту, полковникъ въ удивленномъ, почти въ угрожающемъ тонѣ, спросилъ, кто заступаетъ его мѣсто, и получивъ отвѣтъ, что маршалъ сдалъ команду генералу Сугаму, отправился къ этому послѣднему. Не входя ни въ какія объясненія, Гурго объявилъ Сугаму, что онъ долженъ тотчасъ-же отправиться въ Фонтенебло. Сугамъ былъ крайне смущенъ и озадаченъ какъ самимъ приказомъ, такъ и тономъ, въ которомъ онъ былъ переданъ. Ему представилось, что Наполеонъ узналъ о тайныхъ переговорахъ Мармона съ Шварценбергомъ, объ участіи, которое принимали въ этихъ переговорахъ генералы маршала и что онъ собирается теперь расправиться по своему съ измѣнниками. Смущеніе и страхъ Сугама возросли еще болѣе, когда спустя полчаса изъ Фонтенебло прискакалъ новый ординарецъ, съ письменнымъ приказаніемъ Наполеона, адресованнымъ на этотъ разъ на имя генерала Сугама, прибыть немедленно въ императорскую главную квартиру. Сугамъ никогда не отличался особенною проницательностью. Старый солдатъ, пережившій всѣ ужасы и насилія революціи, не предавший лично Наполеону, онъ считалъ императора способнымъ на самыя крайнія, насильственныя мѣры. Онъ поспѣшилъ сообщить свои опасенія остальнымъ дивизіоннымъ генераламъ, онъ сказалъ имъ, что Наполеонъ требуетъ его въ Фонтенебло лишь для того, чтобы предать его позорному наказанію, быть можетъ, смертной казни и что такая же участь ожидаетъ, безъ сомнѣнія, и ихъ, принимавшихъ такое же участіе въ рѣшеніяхъ маршала Мармона, какое принималъ и онъ самъ. Генералы, объятые страхомъ, не протпворѣчили Сугаму. «Лучше убить дьявола», объявили они единодушно, «нежели дожидаться, пока онъ убьетъ насъ самихъ». Рѣшено было тотчасъ отвести войска къ Версали за линіи союзниковъ и предоставить себя въ распоряженіе временнаго правительства. Я прибылъ, закончилъ Фавье свой рассказъ, въ Ессону, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда было принято это роковое рѣшеніе. Я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ генералъ Сугамъ отдалъ приказъ аванпостамъ, расположеннымъ по дорогѣ въ Фонтенебло, хватать всѣхъ орди-

нарцевъ. Бѣдующихъ изъ императорской главной квартиръ. Тщетно старался я убѣдить Сугама измѣнить свои рѣшенія, не предпринимать такого шага, который можетъ дѣйствительно навлечь на него ту страшную кару, предъ призракомъ которой трепещетъ онъ теперь безъ всякаго разумнаго основанія. Старый генералъ остался непоколебимъ. Страхъ окончательно ослѣпилъ его. На мопхъ глазахъ войска шестого корпуса снялись съ своихъ позицій и двинулись по направленію къ Версали¹⁾.

Разсказъ Фавье крайне изумилъ и озадачилъ всѣхъ маршаловъ. Они поняли, что поступокъ генераловъ шестого корпуса можетъ оказать самое губительное вліяніе на исходъ ихъ миссіи. Они только что заявили императору Александру о единодушномъ желаніи всей арміи не признавать другаго государя, кромѣ короля Римскаго, а тутъ цѣлый корпусъ становится подъ знамена временнаго правительства, открыто и торжественно отрекается отъ имперіи и династіи Наполеона. Взоры всѣхъ уполномоченныхъ невольно обратились на Мармона, перваго виновника этого неожиданнаго инцидента. Маршалъ былъ, повидимому, глубоко потрясенъ страшною новостью. «Я погибъ», восклицать онъ ломая руки, «я обезчещенъ навсегда». Но его дѣйствія очевидно противорѣчили его словамъ. Въмѣсто того, чтобы поспѣшить тотчасъ же къ своимъ войскамъ и во-время остановить начатое имъ движеніе, онъ терялъ время въ громкихъ, дѣланыхъ жалобахъ и въ совѣщаніяхъ съ своими товарищами²⁾. Часы проходили и настало, наконецъ, утро. Отъ императора Александра явл-

1) Подробности этого важнаго событія см., во-первыхъ, въ мемуарахъ маршала Мармона, который въ данномъ случаѣ отягчается, впрочемъ, большою сдержанностью, а затѣмъ у Коха и Тьера, пользовавшихся весьма доступными матеріалами.

2) Мармонъ не говоритъ въ своихъ мемуарахъ ни слова о впечатлѣніи, произведенномъ на него разсказомъ Фавье; но онъ утверждаетъ, что онъ хотѣлъ тотчасъ же отпрашиться къ своимъ войскамъ, когда явился иностранный (?) офицеръ, посланный къ императору Александру, съ извѣстіемъ, что въ эту минуту шестой корпусъ долженъ прибыть уже въ Версаль. Этотъ разсказъ Мармона совершенно опровергается показаніями его товарищей, какъ это видно изъ дальнѣйшаго изложенія нашего въ текстѣ.

ся адъютантъ; онъ пригласилъ маршаловъ прибыть немедленно къ государю. Мармонъ отправился съ своими товарищами. По дорогѣ онъ продолжалъ горько сѣтовать на свою судьбу, онъ повторялъ, что теперь все кончено, что все погибло какъ для него, такъ и для Наполеона и его династїи.

Императоръ Александръ, окруженный королемъ прусскимъ и министрами коалиціи, принялъ маршаловъ и на этотъ разъ съ такою же изысканною любезностью, какъ и въ минувшей вечеръ. Государь говорилъ отъ имени всѣхъ своихъ союзниковъ. Онъ объявилъ, что объ оставленіи Наполеона на престолѣ Франціи не можетъ быть и рѣчи, но онъ не отрицалъ возможности признанія короля римскаго и регентства Марїи-Луизы. Маршалы, обрадованные словами государя, поспѣшили повторить всѣ свои вчерашніе доводы. Они вновь высказались самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ реставраціи Бурбоновъ, говорили о тѣхъ значительныхъ силахъ, кои находятся въ распоряженіи Наполеона и еще разъ заявили о своей готовности отстаивать всѣми силами права короля Римскаго. Доводы маршаловъ не остались и на этотъ разъ безъ впечатлѣнія. Александръ видимо колебался въ своихъ рѣшеніяхъ. Онъ медлилъ отвѣтомъ и посматривалъ вопросительно то на своихъ союзниковъ, то на уполномоченныхъ Наполеона. Въ эту минуту государю доложили о прибытіи адъютанта изъ Версали съ важными донесеніями. То былъ русскій офицеръ, прибывшій съ депешою отъ князя Шварценберга. Подойдя къ государю, офицеръ подалъ ему письмо и сказалъ въ полголоса нѣсколько словъ. Государь пробѣжалъ депешу. «Весь корпусъ?» спросилъ онъ офицера по-русски. «Да, государь!» отвѣчалъ тотъ. Коленкуръ, понимавшій немного по-русски, понялъ, что рѣчь идетъ объ отложеніи корпуса Мармона. «Теперь все погибло», сказалъ онъ шопотомъ своимъ товарищамъ. Александръ помолчалъ съ минуту. «Господа я долженъ оставить васъ на короткое время», сказалъ онъ маршаламъ. «Мнѣ необходимо переговорить съ моими союзниками». Съ этими словами Александръ вышелъ изъ залы, сопровождаемый королемъ прусскимъ и министрами.

Уже черезъ нѣсколько минутъ государь возвратился къ

уполномоченнымъ. Твердая рѣшимость виднѣлась на челѣ его. «Слѣдуетъ отказаться отъ регентства», сказалъ онъ твердымъ голосомъ. «Одни Бурбоны могутъ удовлетворить рѣшеніямъ Франціи и Европы. Къ тому же настроеніе арміи вовсе не такъ единодушно, какъ вы только что утверждали. Одна часть ея не хочетъ знать Наполеона. Я сейчасъ получилъ извѣстіе, что весь корпусъ герцога Рагузскаго оставилъ императорское знамя и перешелъ на сторону временнаго правительства. Въ эту минуту, когда я говорю эти слова, войска шестого корпуса переходятъ черезъ нашу линію. По всей вѣроятности и прочія войска послѣдуютъ этому примѣру. Мы озаботимся о соблюденіи чести и выгодъ вашей арміи. Что же касается до Наполеона, то пусть онъ будетъ увѣренъ, что съ нимъ и съ его семействомъ поступятъ сообразно его высокому сану». Кто-то изъ маршаловъ отважился высказать сомнѣніе въ возможности пзмѣны корпуса Мармона, хотя каждому изъ нихъ извѣстна была уже истина изъ разсказа Фавье. «Прочитайте же сами господа!» сказалъ государь маршаламъ, передавая имъ депешу князя Шварценберга. Въ депешѣ значилось, что всѣ полки корпуса Мармона покинули свои позиціи и идутъ послѣшно къ Версали. Маршалы молчали. Они поняли, что всѣ дальнѣйшія возраженія невозможны; судьба Наполеонидовъ была рѣшена безповоротно ¹⁾.

Александръ снѣшилъ смягчить для уполномоченныхъ тяжесть только что пережитаго ими момента. Онъ обратился къ маршаламъ съ лестными для каждого изъ нихъ замѣчаніями. Онъ выразилъ свое глубокое уваженіе къ Макдональду и осыпалъ похвалами храбрѣйшаго изъ храбрыхъ. Ней былъ окончательно очарованъ любезностью Александра. Его преданность Наполеонидамъ, его готовность защищать права короля Римскаго растаяли какъ снѣгъ подъ лучами полуденнаго солнца.

¹⁾ Подробности всей этой сцены засвидѣтельствованы документально не только показаніями Наполеоновскихъ маршаловъ (см. Тьеръ, Т. XVII, стр. 739—740, при чемъ авторъ замѣчаетъ: *Je parle d'après le temoignage écrit des hommes les plus dignes de foi, et les moins hostiles au marechal Marmont et aux Bourbons*), но и показаніями оффиціальнаго свойства съ русской стороны. См. *Aperçu de la politique du cabinet de Russie*, стр. 408.

Забывъ все, только что сказанное имъ, онъ объявилъ, что онъ беретъ на себя объявить Наполеону рѣшеніе союзныхъ государей и убѣдить его отречься безусловно отъ престола. Отпустивъ остальныхъ маршаловъ, Александръ задержалъ на нѣсколько времени Коленкура. Въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ государь повторилъ еще разъ свои обѣщанія относительно Наполеона и его семейства. «Я поступилъ, быть можетъ, нѣсколько опрометчиво», сказалъ онъ, «обѣщавъ Наполеону островъ Эльбу, но теперь я долженъ сдержать свое обѣщаніе. Что касается до Маріи-Луизы и ея сына, то имъ предоставлено будетъ владѣтельное княжество въ Италіи. Французское правительство должно будетъ ассигновать на содержаніе Наполеона нѣсколько милліоновъ франковъ ежегодно». Прощаясь съ Коленкуромъ, государь просилъ его употребить все свое личное вліяніе на Наполеона и убѣдить его какъ можно скорѣе покориться необходимости ¹⁾.

По выходѣ отъ императора Александра Коленкуръ, Макдональдъ и Ней поспѣшили возвратиться къ Наполеону. Мармонъ же отправился къ Талейрану, гдѣ его ожидало самое отборное общество. Маршалъ явился, видимо смущенный, онъ ожидалъ встрѣтить здѣсь если и не упреки, то сомнительныя, колкія замѣчанія на счетъ своего образа дѣйствія. Онъ самъ не понималъ, какую громадную услугу оказалъ онъ сторонникамъ бурбонской реставраціи. Приемъ, сдѣланный ему въ салонѣ Талейрана, раскрылъ ему, наконецъ, глаза. Его встрѣтили какъ героя, какъ спасителя Франціи. Всѣ спѣшили протѣсниться къ нему, пожать его руку, поздравить его съ его спасительнымъ рѣшеніемъ. Мармонъ въ началѣ стѣснялся принимать эти поздравленія, эти комплименты; онъ готовъ былъ даже протестовать противъ заслугъ, приписываемыхъ ему; но мало по-малу онъ началъ входить въ свою новую роль. Онъ сталъ выслушивать сыпавшіяся на него со всѣхъ

¹⁾ «Preis il congédia M. de Caulaincourt en le pressant de revenir au plus tôt avec les pouvoirs de son maître afin d'achever cette négociation, car d'heure en heure la situation de Napoleon perdait ce que gagnait celle des Bourbons, et les dédommagemens, qu'on était disposé à lui accorder devaient en être fort amoindris» Тьеръ, Т. XVII, стр. 742.

сторонѣ льстивыя хвалы какъ должную дань, подобающую человѣку, принесшему въ жертву за спасаніе отечества всего себя, не исключая личной чести.

Веселое, праздничное настроеніе возрастало съ минуты на минуту въ пестрой толпѣ, наполнявшей салоны Талейрана, когда внезапно распространилось извѣстіе, омрачившее радость молодыхъ и старыхъ роялистовъ. Разнесся слухъ, что въ средѣ шестого корпуса вспыхнуло возмущеніе, что солдаты отказались повиноваться далѣе своимъ генераламъ, что они хотятъ возвратиться къ Наполеону. Слухъ этотъ не замедлилъ подтвердиться. Едва только солдаты увидѣли, что союзники пропустили ихъ безъ выстрѣла черезъ свои линіи, какъ въ средѣ ихъ поднялся сильный ропотъ, перешедшій вскорѣ въ открытый бунтъ. Солдаты кричали, что ихъ продали, что ихъ выдали непріятелямъ, они обвиняли въ измѣнѣ своихъ генераловъ и хотѣли расправиться съ ними по своему. Пораженные страхомъ, Сугамъ и его товарищи спѣшили спасаться бѣгствомъ. Движеніе охватило моментально всѣ полки; младшіе офицеры увлечены были всеобщимъ потокомъ мятежа. Войска повернули назадъ отъ Версаля и устремились безпорядочными толпами по направленію къ Ессонѣ.

Самъ по себѣ этотъ военный мятежъ не имѣлъ особеннаго значенія и не могъ оказать ни малѣйшаго вліянія на общій ходъ событій. Что могъ сдѣлать 12000 отрядъ, окруженный со всѣхъ сторонъ большими массами союзныхъ войскъ? Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что солдаты Мармона были бы истреблены до послѣдняго человѣка при первой же попыткѣ прорваться черезъ союзныя линіи. Князь Шварценбергъ принялъ уже на этотъ случай всѣ необходимыя мѣры. Корпусъ Мармона окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ страшнымъ желѣзнымъ кольцомъ, разорвать которое не было никакой возможности. Не было, слѣдовательно, надобности бояться мятежныхъ солдатъ 6-го корпуса и придавать ихъ безумной попыткѣ какое бы то ни было значеніе. Но не даромъ же говоритъ пословица, что у страха глаза велики и что на ворѣ шапка горитъ. Салонные политики и продажныя души, собравшіяся вокругъ Талейрана, перепугались до смерти, ус-

ыхавъ о солдатскомъ бунтѣ въ Версали. Имъ вдругъ начали представляться всевозможные ужасы. Они не сомнѣвались, что мятежники успѣютъ пробиться черезъ ряды союзныхъ войскъ, что они увлекутъ своимъ примѣромъ всю наполеоновскую армію, что они поднимутъ населеніе Парижа и погребутъ ихъ всѣхъ подъ развалинами столицы.

Ослѣпляемые такими нелѣпыми фантазіями, политики и роялисты обратились съ настоятельными просьбами къ Мармону спасти ихъ отъ неминуемой катастрофы и достойно завершить новымъ актомъ самоотверженія свои геройскіе гражданскіе подвиги. Мармонъ, какъ испытанный вождь, не раздѣлялъ преувеличенныхъ опасеній политиковъ ¹⁾, но онъ тотчасъ-же понялъ, что судьба посылаетъ ему неожиданный случай оказать дѣйствительную услугу Франціи и старой королевской династіи. Если кто либо, то только онъ одинъ могъ возстановить порядокъ и дисциплину въ рядахъ мятежныхъ солдатъ и тѣмъ самымъ спасти ихъ отъ вѣрной гибели. Не теряя ни минуты времени, маршалъ поспѣшилъ въ Версаль. У городской заставы онъ встрѣтилъ всѣхъ своихъ генераловъ, но войска уже были на походѣ по направленію къ Рамбулье. Мармонъ объявилъ генераламъ, что онъ намѣренъ догнать войска и возвратитъ ихъ къ порядку. Генералы предостерегали маршала. «Берегитесь», сказалъ ему генералъ Компанъ, «солдаты будутъ стрѣлять въ васъ». «Поступайте, какъ знаете», отвѣчалъ имъ маршалъ, «оставайтесь здѣсь, если находите это удобнымъ. Что же касается до меня, то мое рѣшеніе принято. Черезъ часъ, я или не буду существовать, или возстановлю мой авторитетъ».

Мармонъ дѣйствовалъ, однакоже, чрезвычайно осторожно. Онъ слѣдовалъ за колонною на почтительномъ разстояніи. «Я встрѣчалъ», говоритъ онъ, «по дорогѣ множество отсталыхъ, пьяныхъ солдатъ. Видно было, что войска находились въ край-

¹⁾ Мармонъ боялся только за свой корпусъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ его словъ: *La demarche, faite etait irrepensible, et le mal d'autant plus grand, qu, au cune convention n'avait été arrêtée, avec, le général ennemi. Les troupes se trouvaient ainsi a la merci des étrangers, et non—seulement celles qui s'étaient de tâchées, mais encore celles qui entouraient l'empereur, qui n'étaient plus convertes*. Marmont, *Memoires*, T. 6, стр. 265.

не возбужденномъ состояніи; надо было дать имъ время одуматься». Черезъ нѣсколько времени Мармонъ послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ съ приказаніемъ развѣдать настроеніе солдатъ. Адъютантъ возвратился съ донесеніемъ, что солдаты видимо успокоились, что въ средѣ ихъ не слышно болѣе мятежныхъ криковъ, что они идутъ впередъ, молча. Мармонъ отправилъ второго адъютанта, приказавъ ему объявлять повсюду о его скоромъ прибытіи. Спустя полчаса поскакалъ третій адъютантъ. Онъ привезъ войскамъ приказаніе Мармона немедленно остановиться, а офицерамъ собраться на лѣвомъ флангѣ. Войска повиновались. Подъѣхавъ къ колоннѣ, маршалъ собралъ вокругъ себя офицеровъ и обратился къ нимъ съ рѣчью. Онъ спросилъ ихъ, съ которыхъ поръ они перестали довѣрять ему? «Развѣ я не переносилъ вмѣстѣ съ вами всѣхъ лишеній и нуждъ, развѣ вы не видѣли меня впереди васъ всѣхъ въ бояхъ и опасностяхъ?» сказалъ онъ имъ. Онъ напомнилъ имъ о тѣхъ доказательствахъ взаимной преданности, которыя даны были ими другъ другу. Онъ говорилъ съ чувствомъ, съ одушевленіемъ. «Вамъ сказали, что вы преданы неприятелю, что васъ обезоружатъ. Но развѣ честь ваша и жизнь ваша не были для меня всегда столь-же дороги, какъ моя собственная честь и жизнь? Развѣ вы не составляли всегда мою семью, мою любимую семью?»

Слова Мармона произвели сильное впечатлѣніе на офицеровъ. Мармонъ пользовался дѣйствительно большою популярностью среди своего корпуса. Солдаты и офицеры довѣряли ему безусловно. Уже одно его появленіе произвело успокоивающее впечатлѣніе, а его слова, повторенныя нѣсколько разъ, сначала передъ различными группами офицеровъ, а потомъ и передъ рядами солдатъ, быстро измѣнили настроеніе всего корпуса. Съ криками: «да здравствуетъ маршалъ, да здравствуетъ герцогъ Рагузскій!» прошли всѣ полки передъ Мармономъ. Маршалъ тотчасъ же лично отвелъ ихъ на мѣста, назначенныя для ихъ расквартированія и довольный своимъ быстрымъ и полнымъ успѣхомъ, возвратился обратно въ Парижъ¹⁾. Онъ проѣхалъ

¹⁾ Всѣ подробности объ усмиреніи мятежа см. въ мемуарахъ Мармона, Т. VI, стр. 266—268.

прямо въ отель Талейрана, гдѣ его ожидали самыя восторженныя оваціи. «Всѣ поздравляли, всѣ превозносили меня», рассказываетъ онъ въ своихъ мемуарахъ, «всякій распрашивалъ меня о подробностяхъ случившагося»¹⁾. Однимъ словомъ восторгъ роялистовъ не зналъ предѣловъ. Мармонъ былъ въ ихъ глазахъ величайшимъ героемъ дня.

Уполномоченные Наполеона спѣшили между тѣмъ въ Фонтенебло съ роковою вѣстью. Императоръ не былъ окончательно подавленъ извѣстіемъ объ отложеніи корпуса Мармона, какъ казалось это въ первыя минуты. Онъ вскорѣ вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія и началъ составлять новыя планы. Ему должно было быть хорошо извѣстно, что въ его распоряженіи находится теперь всего лишь 22,000 ч., но онъ преувеличивалъ эти силы до 50 тысячъ, обманывалъ самого себя, толковалъ по прежнему о соединеніи съ Ожеро, Сюше, Сультомъ, о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Утромъ 5-го апрѣля онъ вдругъ остановился на новой мысли. Ему пришло въ голову броситься съ своими войсками въ Италію и соединиться тамъ съ вице-королемъ Евгениемъ, на вѣрность котораго онъ полагался безусловно. «Если я только захочу и явлюсь туда», говорилъ онъ, обращаясь къ герцогу Басіано, «то вся Италія признаетъ меня и послѣдуетъ за мною». Но явиться одному въ Италію Наполеонъ находилъ неудобнымъ, онъ хотѣлъ увлечь туда за собою и свои войска. «Позовите мнѣ маршала Удино», сказалъ онъ послѣ долгаго раздумья. Удино явился. «Какъ вы думаете, маршалъ», спросилъ его Наполеонъ, «послѣдуютъ ли за мною войска?» «Нѣтъ государь», отвѣчалъ маршалъ, «вѣдь вы отреклись отъ престола». — «Но я отрекся лишь подъ извѣстными условіями», возразилъ Наполеонъ. «Солдаты не дѣлаютъ такихъ различій», замѣтилъ маршалъ, «они полагаютъ, что вы не можете командовать ими болѣе». «Тогда здѣсь значитъ все кончено», сказалъ Наполеонъ, видимо смущенный. «Посмотримъ какія новости придутъ изъ Парижа»²⁾.

1) Мармонъ, Мемуары, Т. VI, стр. 269.

2) Окець, Т. II, стр. 808.

Новости эти не заставили ждать себя. Маршалъ Ней, уѣзжая изъ Парижа, далъ Талейрану слово, что онъ вернется изъ Фонтенебло на слѣдующій же день съ полнымъ и безусловнымъ отреченіемъ Наполеона. Горя нетерпѣніемъ сдержать какъ можно скорѣе обѣщаніе, Ней опередилъ на пути своихъ товарищей и первый явился въ Фонтенебло.

Наполеонъ принялъ маршала крайне холодно. «Что новаго», сказалъ онъ ему. «Имѣли ли вы успѣхъ?»

«Отчасти государь», отвѣчалъ Ней, «но только не по вопросу о регентствѣ. Революціи никогда не текутъ обратно; а эта пошла своимъ путемъ. Мы явились поздно; завтра сенатъ превозгласитъ Бурбоповъ». — И Ней распространился подробно о переговорахъ съ союзными государями, упомянулъ о блеснувшей было одно время надеждѣ на полный успѣхъ и добавилъ, что неожиданная измѣна шестого корпуса дала совершенно иной оборотъ дѣлу.

Наполеонъ какъ будто не слушалъ разсказа маршала. Лицо его оставалось спокойнымъ и неподвижнымъ, какъ мраморъ. Онъ сумѣлъ вполнѣ овладѣть собою въ эти минуты. Онъ не выдалъ себя ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ, въ присутствіи человѣка, къ которому онъ питалъ въ душѣ безграничное презрѣніе.

«А гдѣ же буду жить я съ моимъ семействомъ?» спросилъ онъ маршала съ тономъ холодной прощипы.

«Гдѣ вамъ будетъ угодно, государь», отвѣчалъ Ней, «напримѣръ на островѣ Эльбѣ. Вы будете получать шесть милліоновъ франковъ ежегодно».

«Шесть милліоновъ», возразилъ Наполеонъ, «о это слишкомъ много. Что я буду съ ними дѣлать? Я не пздерживаю и дундора въ день. Я опять простой солдатъ. Я прощаюсь съ моими товарищами по оружію. Желаю имъ всевозможнаго счастья. Я хотѣлъ сдѣлать Францію счастливою. Я вижу, что я ошибался» ¹⁾. Сказавъ эти послѣднія слова, Наполеонъ далъ Нейю

¹⁾ Этотъ разговоръ Наполеона съ Неемъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ онъ засвидѣтельствованъ источникомъ, вполне достовернымъ, почти официальнымъ. См. *Apercu de la politique du cabinet de la Russie*, стр. 408.

знакъ рукою, чтобы онъ оставилъ его одного. Маршалъ поспѣшилъ удалиться.

Отославъ Нея, Наполеонъ, утомленный страшными потрясеніями истекшаго дня, погрузился въ глубокой сонъ, но уже черезъ часъ его разбудили извѣстіемъ о пріѣздѣ Макдональда и Коленкура. Наполеонъ тотчасъ-же принялъ обоихъ маршаловъ. Въ почтительныхъ, мягкихъ выраженіяхъ сообщили они ему о результатахъ своей миссіи. Отреченіе и отреченіе безусловное было теперь, по ихъ словамъ, единственнымъ средствомъ обезпечить будущность какъ самого императора, такъ и его семейства.

«Но у меня остается еще такъ много «средствъ», возразилъ Наполеонъ, «неужели я долженъ принять это крайнее предложеніе? А Евгеній, продолжалъ онъ, возвышая голосъ, Ожеро, Сюше, Сульть, а пятьдесятъ тысячъ здѣсь, неужели, по вашему, все это ничего не значить? А впрочемъ, мы увидимъ, до завтра, господа. Теперь уже поздно».

Маршалы удалились, но уже черезъ нѣсколько минутъ Наполеонъ потребовалъ къ себѣ вновь Коленкура. Въ разговорѣ съ этимъ человѣкомъ, наиболѣе ему близкимъ, онъ далъ полную волю чувствамъ, накипѣвшимъ въ его груди. Онъ разсыпался въ рѣзкихъ укоризнахъ противъ своихъ маршаловъ. «О люди, люди», воскликнулъ онъ съ горечью. «Маршалы краснѣютъ, говоря о поступкѣ Мармона, а развѣ они поступили лучше?—Если бы эти презрѣнные не оставили меня, я измѣнилъ бы положеніе дѣлъ въ теченіи четырехъ часовъ, я поднялъ бы падшее величіе Франціи... А теперь что дѣлать? У меня остается еще 150,000 ч., но мнѣ пришлось бы отступить за Дуару, увлечь за собою непріятеля, про-

Тьерь въ этомъ случаѣ довольствуется общими фразами и замѣчаетъ о поведеніи Нея: «Однакоже онъ не удался отъ уваженія, къ которому онъ былъ обязанъ предъ повелителемъ, предъ коимъ онъ и его товарищи по оружію привыкли склонять голову». Тотчасъ же по уходѣ отъ Наполеона, Ней написалъ письмо Талейрану, въ которомъ выражался слѣдующимъ образомъ: «L'empereur Napoleon, convaincu de la position critique où il avait placé la France, et de l'impossibilité, où il se trouvait de la sauver lui-même, paraissait dès cide à donner son abdication pure et simple». Нельзя отрицать, что маршалъ имѣлъ право говорить такъ послѣ своей бесѣды съ Наполеономъ.

длѣть до безконечности страданія и разореніе Франціи, испытать вѣрность многихъ, которые можетъ быть выдержать испытаніе не лучше Мармона, и все это для того, чтобы продлѣть царствованіе, которое приблизилось къ своему концу. Нѣтъ; у меня нѣтъ болѣе силъ для этого! Есть, правда, возможность продлѣть борьбу. Я имѣю извѣстія, что крестьяне въ Лотарингіи, Шампани, Бургонн пзбиваютъ мелкіе отряды союзниковъ. Еще нѣсколько дней и весь народъ возстанетъ противъ иноземцевъ. Парижанамъ надоѣсть великодушіе Александра. Государь этотъ мастеръ соблазнять, онъ нравится женщинамъ, но столько милостей изъ рукъ побѣдителя возмутитъ, наконецъ, національное чувство. А затѣмъ придутъ Бурбоны и съ ними Богъ знаетъ что. Они принесутъ съ собою внѣшній миръ и внутреннюю войну. Посмотрите, что они сдѣлаютъ съ страпою черезъ годъ. Они не продержатъ Талейрана и шести мѣсяцевъ. Но въ настоящую минуту— мое имя, мой мечъ наводятъ на всѣхъ страхъ. Уступямъ необходимости. Я велю сейчасъ позвать маршаловъ. Посмотрите, какъ они обрадуются, узнавъ о моемъ отреченіи, узнавъ, что они получаютъ теперь возможность поступить подобно Мармону, не рискуя при этомъ своею честью».

Наполеонъ началъ говорить спокойнѣе. Онъ объявилъ, что для себя лично онъ готовъ принять островъ Эльбу, но что онъ желалъ бы, чтобы его сынъ и его жена получили, по крайней мѣрѣ, Тоскану. Коленкуръ возразилъ, что о Тосканѣ не можетъ быть и рѣчи, но что, благодаря великодушію Александра, король Римскій получитъ Парму. «Какъ?» прервалъ его Наполеонъ. «Неужели въ обмѣнъ за французскую имперію ему не дадутъ даже Тоскану?» — Но онъ не настаивалъ далѣе на этомъ требованіи. Онъ заговорилъ объ императрицѣ Іозефинѣ, Евгении Богарне, королевѣ Гортензій и выразилъ надежду, что участь ихъ будетъ обезпечена. Затѣмъ Наполеонъ обратился къ болѣе общимъ вопросамъ. Онъ замѣтилъ, что ему хотѣлось бы сдѣлать что нибудь для Франціи и для арміи. «Нельзя ли исправить напримѣръ хотя сколько нибудь границы Франціи» сказалъ онъ. «Нельзя ли гарантировать для арміи всѣ ея преимущества, какъ то чины, титу-

лы, пожалованія?» Коленкуръ возразилъ почтительно, что Наполеонъ, отрекаясь отъ престола, теряетъ съ тѣмъ вмѣстѣ право вести переговоры объ этихъ предметахъ, что онъ долженъ предоставить это дѣло временному правительству и Бурбонамъ.

«Но», замѣтилъ Наполеонъ, «развѣ это временное правительство располагаетъ какою нибудь иною силою кромѣ той, которую предоставляю я ему, удерживаясь здѣсь, въ Фонтенебло, съ остатками моей арміи? Если бы я сдался съ моею арміею, то правительство было бы осуждено на полнѣйшее безсиліе. Его не стали бы слушать; оно принуждено бы было покориться безусловно».

«Все это вѣрно, государь», отвѣчалъ Коленкуръ, «но положеніе ваше таково, что вамъ остается лишь хлопотать о самомъ себѣ и о своемъ семействѣ».

Наполеонъ вспыхнулъ! «И такъ, мнѣ предоставляютъ трактовать только о жалкихъ денежныхъ интересахъ», воскликнулъ онъ съ горечью.— «Но это недостойно меня! Коленкуръ, займитесь обезпеченіемъ моего семейства. Мнѣ лично, не нужно ничего! Пусть мнѣ назначутъ пенсію инвалида, этого будетъ достаточно!»¹⁾

Покончивъ бесѣду съ Коленкуромъ, Наполеонъ занялся составленіемъ акта своего безусловнаго отреченія, вслѣдъ за тѣмъ онъ велѣлъ позвать всѣхъ маршаловъ, находившихся въ Фонтенебло. Они явились, не подозрѣвая, что все уже кончено, что цѣль ихъ желаній достигнута. Наполеонъ не спѣшилъ вывести ихъ изъ заблужденія. Онъ далъ имъ высказать еще разъ свои столько разъ повторенные доводы и не безъ злорадства выслушивалъ ихъ заявленія объ утомленіи арміи, о желаніи ея проливать далѣе кровь за дѣло погибшее безповоротнo, о необходимости кончить и т. д.

«Успокойтесь господа», прервалъ ихъ вдругъ Наполеонъ. «Ни вамъ, ни арміи не придется болѣе проливать крови. Я

¹⁾ Весь этотъ разговоръ по Тьеру, который въ данномъ случаѣ пользовался не только рукописными замѣтками Коленкура, но и свидѣтельствами другихъ лицъ, стоявшихъ въ это время очень близко, къ Наполеону. См. Тьеръ, Т. XVII, стр. 750—756.

согласенъ на безусловное отреченіе. Я хотѣлъ обезпечить престолъ за своимъ сыномъ столько же ради васъ, сколько и ради моей семьи. Я полагалъ, что такое рѣшеніе было бы выгоднѣе для васъ, нежели для меня самого. Вамъ пришлось бы жить подъ властью правительства, вполне соответствующаго и вашему происхожденію, и вашимъ чувствамъ и вашимъ интересамъ. Это было возможно, но недостойная измѣна лишила васъ положенія, которое стремился я предоставить вамъ. Безъ отложенія 6-го корпуса мы добились бы этого, добились бы и многого другого, мы подняли бы Францію. Но суждено было иначе. Я покоряюсь моей судьбѣ, покоритесь вы своей. Примиритесь съ мыслью жить подъ властью Бурбоновъ и служите имъ вѣрно. Вы добивались покоя—вы будете имѣть его. Но смотрите! Дай Богъ, чтобы мои предчувствія обманывали меня. Наше поколѣніе не создано для отдыха! Миръ, котораго добиваетесь вы такъ страшно, можетъ оказаться для васъ гибельнѣе войны. Онъ будетъ пожирать васъ на мягкихъ пуховыхъ постеляхъ скорѣе и безпощаднѣе, нежели пожирала васъ война на нашихъ бивуакахъ.

Прознесши эти послѣднія слова печальнымъ, торжественнымъ тономъ, Наполеонъ твердымъ голосомъ прочелъ актъ своего безусловнаго отреченія. Онъ былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Союзныя державы объявили, что императоръ Наполеонъ составляетъ единственное препятствіе къ восстановленію мира въ Европѣ. Императоръ Наполеонъ, вѣрный даннымъ имъ обѣтамъ, объявляетъ, что онъ отрекается за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ престоловъ Франціи и Италіи, ибо нѣтъ той личной жертвы, не исключая и самой жизни, которую онъ не готовъ бы былъ принести для блага Франціи» ¹⁾.

Маршалы держали себя также безтактно при прочтеніи этого акта, какъ и въ первый разъ, когда Наполеонъ сообщилъ имъ о своемъ отреченіи въ пользу сына. И теперь зала огла-

¹⁾ Рѣчь Наполеона маршаламъ, и актъ безусловнаго отреченія у Тьера, Т. XVII, стр. 757.

силась шумными восклицаніями съ достаточною долею поддѣльнаго энтузіазма. И теперь люди, оставившіе съ такимъ легкимъ сердцемъ своего повелителя и благодѣтеля, люди, чуждые всякихъ нравственныхъ, чистыхъ побужденій, осмѣливались превозносить великодушіе Наполеона и объявлять ему въ глаза, что никогда не былъ онъ такъ великъ, какъ въ эту минуту своей жизни. Наполеонъ выслушалъ молча эти заявленія, хорошо понимая ихъ настоящій источникъ. Быть можетъ, онъ понялъ въ этотъ моментъ, что онъ не имѣлъ права ожидать чего либо лучшаго отъ своихъ слугъ. Величайшій эгоистъ въ мірѣ, онъ самъ воспиталъ этихъ людей въ низкомъ чувствѣ ограниченнаго себялюбія, онъ самъ своимъ примѣромъ искоренилъ въ нихъ всѣ зародыши болѣе чистаго, возвышеннаго чувства.

Наполеонъ превосходно выдержалъ до конца свою роль въ этотъ тяжелый для него день. Спокойно и холодно, не давая воли своему чувству, воздерживаясь отъ излишнихъ и недостойныхъ жалобъ или упрековъ, простился онъ съ маршалами, спокойно распорядился на счетъ дальнѣйшаго веденія переговоровъ и вручилъ актъ своего отреченія Коленкуру. Герцогъ долженъ былъ немедленно отправиться въ Парижъ въ сопровожденіи маршаловъ Макдональда и Нея. Онъ долженъ былъ явиться къ императору Александру, но не передавать ему акта до тѣхъ поръ, пока не будетъ составленъ и подписанъ трактатъ, обезпечивающій какъ личную судьбу самого императора, такъ и участь его семейства. При прощаньи Наполеонъ дружески пожалъ руку Коленкуру, онъ просилъ его еще разъ не щадить усилій только бы добиться лучшихъ условій для его сына, и для его близкихъ.

Въ Парижѣ Коленкура и Макдональда ожидалъ страшный сюрпризъ. Едва только уполномоченные вошли къ императору Александру, какъ государь быстрыми шагами подошелъ къ маршалу Нею, пожалъ ему руку и объявилъ ему, что услуга, оказанная имъ теперь отечеству, не менѣе велика, какъ и всѣ другіе подвиги его жизни ¹⁾. Коленкуръ и Макдо-

¹⁾ Тьеръ, Т. XVII, стр. 740.

нальдъ пораженъ были изумленіемъ. Они не подозрѣвали, что Нея успѣлъ уже написать письмо Талейрану тотчасъ же послѣ своей первой аудіенціи въ Фонтенебло, въ которомъ извѣщалъ, что онъ одинъ, безъ содѣйствія своихъ товарищей, успѣлъ добиться полнаго и безусловнаго отреченія Наполеона. Въ первый моментъ Коленкуръ и Макдональдъ рѣшительно не могли понять почему государь обратился прежде всего къ Нею, а не къ Коленкуру, первому уполномоченному Наполеона. Дѣло разъяснилось для нихъ лишь послѣ аудіенціи, когда они потребовали объясненій отъ Нея. Теперь въ присутствіи императора всероссійскаго было не время улаживать личныя недоразумѣнія. Государь съ своей стороны замѣтилъ смущеніе Коленкура и Макдональда. Онъ подошелъ къ нимъ и въ сердечныхъ выраженіяхъ благодарилъ ихъ за содѣйствіе, оказанное ими въ такомъ великомъ и серьезномъ вопросѣ. Ознакомившись съ актомъ отреченія и выслушавъ объясненія Коленкура объ условіяхъ, предъявленныхъ Наполеономъ, Александръ объявилъ, что ни одно изъ этихъ условій не можетъ возбудить серьезныхъ затрудненій. Что касается острова Эльбы, то союзники его, правда, встаютъ противъ такой уступки, но онъ считаетъ себя связаннымъ словомъ, даннымъ Коленкуру и во всякомъ случаѣ настоитъ на исполненіи своего обѣщанія. Королю римскому и его матери представлено будетъ самостоятельное княжество въ Италіи, тѣмъ болѣе, что Австрія пріобрѣтетъ такъ много земель въ Италіи, что навѣрное не станетъ торговаться съ своею собственною эрцгерцогинею. Братья Наполеона, его первая супруга, его пріемные дѣти, принцъ Евгений и королева Гортензія и вообще всѣ члены фамиліи Бонапарте будутъ обезпечены соотвѣтственно своему сану. «Я поручаю защиту интересовъ фамиліи Бонапарте, добавилъ государь, моему министру Нессельроде, а во всѣхъ важныхъ случаяхъ разрѣшаю обращаться лично ко мнѣ».

Отпустивъ маршаловъ, Александръ удержалъ у себя Коленкура и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ распространялся о положеніи Наполеона, говорилъ съ видимымъ участіемъ о его несчастіи и замѣтилъ, что слѣдуетъ поспѣшить заключеніемъ

трактата, ибо ничто не возрастаетъ такъ быстро въ эти дни, какъ низость бывшихъ слугъ Наполеона и самозабвеніе роялистовъ. Коснувшись этой послѣдней темы, Александръ заговорилъ о Бурбонахъ. Опъ выражалъ свое изумленіе по поводу недѣстойныхъ выходовъ роялистовъ и не скрывалъ своихъ опасеній на счетъ будущаго спокойствія Франціи и Европы. «До сихъ поръ», замѣтилъ онъ, «намъ приходилось бороться съ безумными завоевательными стремленіями Наполеона, теперь намъ предстоитъ новая тяжелая борьба съ сумасшедшими реакціонными стремленіями роялистовъ». Прощаясь съ Коленкурромъ, государь еще разъ увѣрилъ его въ своемъ неизмѣнномъ, личномъ расположеніи и вновь подтвердилъ обѣщаніе сдѣлать съ своей стороны все для облегченія участи Наполеона ¹⁾.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Тьеръ, Т. XVII, стр. 761.

Справедливы-ли обвиненія, возводимыя гр. Львомъ Толстымъ на Православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“.

(Продолженіе *).

I

Значеніе вѣры, понимаемой въ смыслѣ религіи, въ жизни человѣка. Почему люди стремятся научить другихъ своей вѣрѣ? Какъ пужно смотрѣть на тѣ ненормальныя средства, къ которымъ люди прибѣгаютъ иногда, при распространеніи своихъ вѣрованій? Все ли религія ложны? Целѣнность христіанской религіи. Безуспѣшность попытокъ нѣкоторыхъ естествоиспытателей извести христіанскую религію въ разрядъ естественныхъ религіи. Можетъ ли человѣкъ жить безъ религіи? Возможно ли запретить людямъ учительство? Взглядъ отцевъ и учителей Церкви на свободу совѣсти.—Что такое христіанская Церковь? Откуда она ведетъ свое начало? Что имѣлъ въ виду Иисусъ Христосъ, какъ Учитель? Можно ли ограничивать дѣятельность Иисуса Христа однимъ учительствомъ? Чего требовалъ Иисусъ Христосъ отъ своихъ послѣдователей? Почему онъ называлъ общество Своихъ послѣдователей «Церковію» (ἐκκλησία)? Обязанности, возложенныя Спасителемъ на Апостоловъ. Чему учить христіанъ пастыри Церкви?

Гр. Л. Толстой начинаеть свое сочиненіе «Церковь и государство» съ опредѣленія вѣры. «Вѣра, говоритъ онъ, есть смыслъ, даваемый жизни, есть то, что даетъ силу, направленіе жизни. Каждый живущій человѣкъ находитъ этотъ смыслъ и живетъ на основаніи его. Если не найдетъ, то онъ умираетъ». По поводу этихъ словъ мы должны сказать, что Толстой опредѣляетъ вѣру, понимаемую въ смыслѣ религіи, неправильно. Подъ именемъ вѣры у людей разумѣется обыкновенно взаимное единеніе человѣка съ Богомъ. Безъ представленія о личномъ Богѣ немислима и вѣра. Для того, что Толстой считаетъ вѣрой, есть другой, болѣе точный терминъ,—

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 1.

именно міросозерцаніе. Послѣднее, дѣйствительно, вырабатывается самимъ человѣкомъ. Вѣра же въ смыслъ религіознаго представленія о Богѣ зачинается въ душѣ человѣка очень рано,—когда онъ еще не задается вопросомъ о цѣли жизни; на первыхъ порахъ она является обыкновенно въ видѣ безотчетнаго чувства благоговѣнія предъ Творцемъ вселенной,—благоговѣнія, соединеннаго съ надеждою на помощь Божию. Это чувство благоговѣнія предъ Виновникомъ всего — Богомъ не исчезаетъ у человѣка и тогда, когда безотчетныя религіозныя представленія его получаютъ такое или иное разумное обоснованіе, и у него вырабатывается опредѣленное міросозерцаніе. Отсюда вѣра не есть нѣчто искомое, какъ думаетъ Толстой;—такимъ искомымъ является міросозерцаніе;—а есть нѣчто, такъ сказать, готовое, неизмѣнное въ человѣкѣ; послѣдній, можно сказать, рождается и умираетъ съ нею. Если же и случается иногда, что человѣкъ лишается вѣры въ Бога, то на это нужно смотрѣть, какъ на печальное исключеніе. Потеря вѣры отзывается самыми печальными слѣдствіями на духовной природѣ человѣка. За нею слѣдуетъ обыкновенно пессимистическое воззрѣніе на жизнь и разочарованіе въ послѣдней. По Толстому, разочарованіе въ жизни является результатомъ того, что человѣкъ не находитъ смысла жизни, или, выражаясь яснѣе, не составилъ своего опредѣленнаго міросозерцанія. Но съ такимъ мнѣніемъ мы не можемъ согласиться. Главная причина разочарованія всегда лежитъ въ потерѣ вѣры въ Бога. Человѣкъ, который имѣетъ вѣру въ Бога, но не успѣлъ выработать себѣ полное, опредѣленное міросозерцаніе, никогда не разочаруется въ жизни. Если онъ не сознаетъ ясно цѣли всего бытія, то онъ все-таки вѣрится, что эта цѣль есть, и эта вѣра поддерживааетъ его во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Вотъ почему между прочимъ среди простого народа, вѣрующаго въ простотѣ души, почти совсѣмъ не бываетъ людей, разочаровавшихся въ жизни. Послѣднее есть достояніе людей интеллигентныхъ, которые, потерявъ вѣру въ Бога, не могутъ выработать своего опредѣленнаго взгляда на конечную цѣль бытія. Не даромъ также философія пессимизма «призывающая, по справедливому замѣчанію

одного мыслителя, все человѣчество надѣтъ себѣ на шею петлю> есть порожденіе народа, достигшаго высшей степени умственнаго развитія. Философія Толстого, отрицая бытіе личнаго Бога, и не давая въ то же время яснаго представленія о цѣли жизни, также можетъ вести человѣка только къ разочарованію въ послѣдней.

Совершенно превратно Толстой понимаетъ и откровеніе. Сказавъ, что безуспѣшное исканіе смысла жизни влечетъ за собою смерть, онъ продолжаетъ: «Въ исканіи смысла человѣкъ пользуется всѣмъ тѣмъ, что выработало все человѣчество. Все это выработанное человѣчествомъ называется откровеніемъ. Откровеніе есть то, что помогаетъ человѣку понять смыслъ жизни. Вотъ отношеніе человѣка къ вѣрѣ». Самое слово «откровеніе» показываетъ уже, что подъ откровеніемъ люди разумѣютъ не то, что они выработали сами, а то, что открыто имъ кѣмъ-то другимъ. Это другое существо есть Богъ. Поэтому христіанская Церковь даетъ самое точное понятіе объ откровеніи, опредѣляя его, какъ «все то, что Богъ открылъ людямъ, дабы они могли право и спасительно вѣровать въ Него и достойно чтить Его». Смотри на вѣроученіе христіанской религіи, какъ на произведеніе человѣческаго ума,—притомъ ума извращеннаго,—Толстой ни въ какомъ случаѣ не долженъ бы былъ называть это вѣроученіе откровеніемъ. Такая неточность выраженія влечетъ за собою одни только недоразумѣнія, а не уясненіе сущности дѣла ¹⁾.

Послѣ предварительныхъ замѣчаній о вѣрѣ и откровеніи Толстой переходитъ къ изложенію своего взгляда на отношеніе однихъ людей къ вѣрованіямъ другихъ. «Что-же за удивительная вещь, пишетъ онъ, являются люди, которые пзъ кожи лѣзутъ вонъ для того, чтобы другіе люди пользовались непременно этой, а не той формой откровенія; не могутъ быть покойны, пока другіе не примутъ ихъ, именно ихъ формы откровенія; проклинаятъ, казнятъ, убиваютъ всѣхъ, кого могутъ, пзъ несогласныхъ. Другіе тоже самое дѣлаютъ: про-

¹⁾ О сверхъестественномъ происхожденіи христіанской религіи мы будемъ говорить въ особой статьѣ.

клинають, казнятъ, убиваютъ всѣхъ, кого могутъ, изъ несогласныхъ; третьи—тоже самое. И такъ всѣ другъ друга проклинають, казнятъ, убиваютъ, требуя, чтобы всѣ вѣрили, какъ они. И выходитъ, что ихъ сотни вѣръ, и всѣ проклинають, казнятъ и убиваютъ другъ друга». Въ желаніи людей научить другихъ своей вѣрѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Это—психическій законъ; и въ немъ открывается лучшая черта человѣческаго духа. Считаая свою вѣру истинной и дающей человѣку спасеніе, люди, въ силу присущаго имъ человѣколюбія, естественно должны стараться о томъ, чтобы научить другихъ своей вѣрѣ и тѣмъ самымъ доставить имъ блаженство. «Не стыжусь благовѣствованія Христова, пишетъ ап. Павелъ, въ своемъ посланіи къ Римлянамъ; потому что оно есть сила Божія, ко спасенію всякому вѣрующему, во-первыхъ Іудею, потомъ и Еллину» (Рим. I, 16). Эти слова ап. Павла можно приложить къ миссіонерамъ всѣхъ религій. У всѣхъ главнымъ мотивомъ къ проповѣди служитъ желаніе подѣлиться своимъ счастіемъ съ другими. Это стремленіе доставить другимъ спасеніе у нѣкоторыхъ людей бываетъ такъ сильно, что они не могутъ отказаться отъ него, если имъ угрожаетъ даже гибель. Когда одного діакона, проповѣдывавшаго христіанство въ Церсін, хотѣли сначала мучить, но потомъ рѣшили отпустить его, взявъ только съ него слово не проповѣдывать болѣе своей религій, то онъ отвѣтилъ: «Не могу! Я и другимъ долженъ сообщать тотъ свѣтъ истины, который самъ получилъ»¹⁾. Даже тогда, когда учителя той или другой религій средствомъ къ распространенію своей вѣры ставятъ самыя гнусныя дѣйствія, мысль о счастіи страждущаго человѣчества не покидаетъ ихъ. Лучшимъ примѣромъ тому служитъ средневѣковое католичество. Жестокое отношеніе его къ иновѣрцамъ было прямымъ слѣдствіемъ желанія спасти заблуждающихся. «Еретикъ, разсуждалъ одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ истолкователей папскихъ идей—Беллярминъ,—справедливо подвергаются экскоммуникаціи по суду церкви. Но нѣтъ наказанія тяжелѣйшаго

¹⁾ «О вѣротерпимости» В. Ѳ. Кипарсова.—Прав. Обзор. 1888 г. Май—Іюнь. Стр. 97.

экскоммуникаціи. Слѣдовательно еретиковъ тѣмъ естественнѣе осуждать на смерть, какъ на сравнительно легчайшее наказаніе, когда по отношенію къ нимъ допущено уже наказаніе сравнительно тяжелѣйшее! Смерть для еретиковъ есть даже благо, потому что, чѣмъ болѣе живутъ они, тѣмъ болѣе увеличиваютъ количество своихъ преступленій предъ церковію; слѣдовательно смерть только уменьшаетъ это количество преступленій, за которыя они имѣютъ въ свое время дать отвѣтъ Богу» 1). Государи, препятствующіе дѣйствіямъ инквизиціи, по мнѣнію одного папскаго канониста, побуждаются не гуманностію, а ненавистью къ вѣрѣ 2). Мы не имѣемъ никакихъ основаній отрицать искренность этихъ разсужденій. Имъ могутъ не вѣрить люди, привыкшіе только осуждать дурныя дѣйствія преступника, а не вникать въ ихъ причину.

Но если стремленіе къ учительству имѣетъ свою основу въ самой природѣ души человѣка, то тѣ ненормальныя средства, къ которымъ иногда прибѣгаютъ учителя для болѣе успѣльнаго распространенія своихъ воззрѣній, обусловливаются личными взглядами и убѣжденіями самихъ учителей. Считать эти ненормальности необходимою принадлежностью всѣхъ религій, какъ дѣлаетъ Толстой, по меньшей мѣрѣ странно. Мы знаемъ изъ исторіи, что къ проклятіямъ, казнямъ и убійствамъ прибѣгали часто такіе люди, которые открыто объявляли себя врагами всѣхъ религій, и девизомъ своей проповѣди ставили: «свобода и разумъ». Нагляднымъ примѣромъ въ данномъ случаѣ могутъ служить явленія, сопровождавшія первую французскую революцію. Было бы долго описывать всѣ тѣ ужасы, которыми сопровождалось тогда введеніе новаго евангелія, извѣстнаго подъ именемъ «декларации человѣческихъ правъ». Скажемъ только, что «богу свободы и разума» было въ то время принесено слишкомъ много человѣческихъ жертвъ... Неужели же на основаніи такихъ печальныхъ происшествій, ознаменовавшихъ первую французскую революцію, мы должны сказать, что главный корень этихъ происшествій заключается въ свободѣ и разумѣ?...

1) Opp. Controversiar. praefat. t. II, p. 220.—Пр. Об. 1881 г. Окт. стр. 268.

2) *Besmenes Haresretic.* p. 848, 870—2. Пр. Об. 1881 г. Окт. стр. 294.

Но Толстой, мало того, что въ самой религіи видитъ источникъ всѣхъ золъ, допускаемыхъ иногда вѣрующими людьми, онъ, на основаніи этихъ золъ, заключаетъ даже, что всякая религія есть обманъ. «Я сначала, говоритъ онъ, былъ пораженъ тѣмъ, какъ такая очевидная безсмыслица, такое очевидное противорѣчіе не уничтожаетъ самую вѣру, какъ могли оставаться люди, вѣрующіе въ этотъ обманъ. И дѣйствительно, съ общей точки зрѣнія это непостижимо, и неопровержимо доказываетъ, что всякая вѣра есть обманъ, и что все это есть суевѣріе, что и доказываетъ царствующая теперь философія. Глядя съ общей точки зрѣнія, и я неотразимо пришелъ къ признанію того, что всѣ вѣры—обманы людскіе». На сколько въ данномъ случаѣ сильна логика Толстого, объ этомъ пусть судитъ самъ читатель. Мы съ своей стороны только удивляемся, какъ могъ Толстой придти къ такому выводу. Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи того, что между послѣдователями религіи есть много обманщиковъ, онъ заключаетъ, что всѣ вѣры—обманъ. Это все равно, что изъ того, что во всѣхъ человѣческихъ расахъ есть идіоты, сдѣлать заключеніе, что всѣ человѣческія расы производятъ однихъ только идіотовъ. Сознывая, можетъ быть, слабость своихъ доводовъ, Толстой ссылается,—что съ нимъ бываетъ очень рѣдко,—на царствующую нынѣ философію, которая, будто-бы, доказала, что всѣ вѣры—обманъ. Не знаемъ, какую философію разумѣетъ Толстой. Намъ извѣстно одно, что никакая философская система не доказала, что вѣра въ личнаго Бога, а въ частности въ Божество Христа есть обманъ. Претензіи нѣкоторыхъ естествоиспытателей вывести происхожденіе всѣхъ религіи и въ частности христіанской изъ умственного невѣжества людей опровергаются многими другими, не менѣе ихъ извѣстными естествоиспытателями-же: «Мы всѣ, которые называемъ себя естествоиспытателями, говоритъ Вирховъ, владѣемъ только частями естествознанія, и никто не можетъ быть съ одинаковымъ правомъ представителемъ всѣхъ его отдѣловъ и принимать участіе въ спорѣ о какомъ угодно изъ нихъ. Всякая попытка выдать наши задачи за научныя истины и наши догадки сдѣлать основами преподаванія, а въ особенности

попытка лишить Церковь ея владѣній и не долго думая замѣнить ее догматами десценденцъ-религiи,—всякая такая попытка должна потерпѣть крушенiе и тѣмъ самымъ поставить въ крайне опасное положенiе науку вообще¹⁾. А вотъ что говорятъ покойный Н. И. Ппроговъ въ своемъ дневникѣ, напечатанномъ послѣ его смерти: «Изъ моего мiровоззрѣнiя, откровенно изложеннаго въ моемъ дневникѣ, я заключаю, что существованiе Верховнаго Разума, а слѣдовательно и Верховной Творческой Воли я считаю необходимымъ и немннуемымъ роковымъ требованiемъ (постулатомъ) моего собственнаго разума, такъ что, если бы я и хотѣлъ теперь не признавать существованiя Бога, то не могъ бы этого сдѣлать, не сойдя съ ума. Къ такому твердому убѣжденiю пришелъ мой семидесятилѣтнiй умъ послѣ разныхъ блужданiй, доходившихъ до полнаго отрицанiя... Юные и зрѣлые современники моей старости, живя и дѣйствуя въ эпоху лотерей, акiотата, рулетки и биржевой игры, прiучили себя видѣть въ случаѣ одинъ изъ главныхъ рычаговъ жизни. Не мудрено, что и основу всего мiроздачiя и исходную точку своихъ мiровоззрѣнiй современное поколѣнiе можетъ легко перенести на случай... Но я, принимая весьма хладнокровно взглядъ на происхожденiе мое отъ обезьяны, не могу слышать безъ отвращенiя и перенести ни малѣйшаго намека: объ отсутствiи творческаго плана и творческой цѣлесообразности въ мiроздачiи; а потому никогда не допущу, чтобы первобытная клѣтка и даже первобытная протоплазма не заключала въ себѣ творческой мысли о ея конечномъ назначенiи и творческое (цѣлесообразное) предопредѣленiе всѣхъ формъ, протипъ которыхъ долженъ былъ изъ нея развиваться... Могу ли я легко убѣдиться въ непогрѣшимости доктрины, увлекающiеся приверженцы которой готовы, пожалуй, поставить на пьедесталъ случай, замѣнивъ имъ Бога и отвергнувъ, какъ лишнiй хламъ, и планъ и цѣлесообразность въ мiроздачiи? По моему, это значило бы признать себя какими то бастар-

¹⁾ «Прав. Об.» 1879 г. июль. «Границы религiи, философiи и естествознанiя». А. Н. Цертелова, стр. 512 и 517.

дамп отъ случки случая съ случайною же природою» ¹⁾. Въ частности относительно христіанской религіи Н. И. Пироговъ замѣчаетъ: «На ней цѣлыя вѣка страстей и неистовствъ не оставили ни единого пятна; кровь и грязь, которыми міръ не разъ старался осквернить идеальную святость и чистоту христіанскаго ученія, стекали потоками назадъ на осквернителей» ²⁾. Уже мнѣній этихъ только ученыхъ достаточно ³⁾, чтобы видѣть, какъ смѣло поступаетъ Толстой, категорически утверждая, что царствующая философія доказала обманъ всѣхъ религій. Чтò составляетъ аксіому, то признается всѣми. Ученіе же матеріалистической философіи оспаривается не двумя, а цѣлыми тысячами ученыхъ. Толстой, выдавая за непреложную истину ученіе царствующей нынѣ философіи, критеріемъ истинности этой философіи ставить свои сужденія. Но такая оцѣнка той или другой философской системы далеко не можетъ считаться непогрѣшимой. Мы знаемъ, что нѣкоторые считаютъ часто основательнымъ то, что не только не основательно, а въ высшей степени нелѣпо.

Порѣшивъ такъ легко со всѣми религіями, но не будучи въ состояніи отвергнуть существованіе потребности въ вѣрѣ въ душѣ человѣка, Толстой естественно долженъ былъ задаться вопросомъ, чѣмъ же можетъ быть удовлетворена эта потребность. Затрудненіе это Толстой рѣшаетъ по обыкновенію очень скоро. Онъ считаетъ достаточнымъ для человѣка, если онъ имѣетъ одну субъективную вѣру. Вотъ какъ между прочимъ онъ разсуждаетъ объ этомъ: «Какъ, зачѣмъ, кому можетъ быть нужно, чтобы другой не только вѣрилъ, но и исповѣдывалъ бы свою вѣру такъ, какъ я? Человѣкъ живетъ, стало быть, знаетъ смыслъ жизни. Онъ установилъ свое отношеніе къ Богу, онъ знаетъ истину истинъ, и я знаю истину истинъ. Выраженіе ихъ можетъ быть различно, сущность должна быть одна и та же—мы оба люди. Какъ, зачѣмъ, что

1) «Русск. Стар.» 1884 г. № 12. «Посмертныя Записки». Гл. XXXII.

2) «Посмертн. Записки», «Русск. Стар.», 1884 г. № 12, стр. 467.

3) Изъ всѣхъ сужденій о такъ называемой научной философіи мы привели такіа, которыя отличаются большею ясностью и простотой.

можетъ меня заставить требовать отъ кого бы то ни было, чтобы онъ выражалъ свою истину, непременно такъ, какъ я? Заставить его измѣнить свою вѣру я не могу ни насиліемъ, ни хитростью, ни обманомъ (ложныя чудеса). Вѣра есть его жизнь; какъ же я могу отнять у него вѣру его и дать ему другую? Это все равно, что выпнуть изъ него сердце и вставить ему другое. Я могу сдѣлать это только тогда, когда вѣра и моя, и его—слова, а не то, чѣмъ онъ живетъ, наростъ, а не сердце. Этого нельзя сдѣлать и потому, что нельзя обмануть, или заставить вѣрить человѣка въ то, во-что онъ не вѣритъ, и нельзя потому, что тотъ, кто вѣритъ, то-есть установилъ свои отношенія къ Богу и потому знаетъ, что вѣра есть отношеніе человѣка къ Богу, не можетъ желать установить отношенія другаго человѣка съ Богомъ посредствомъ насилія или обмана. Это невозможно, но это дѣлается, дѣлалось вездѣ и всегда, то-есть дѣлаться это не могло, потому что это невозможно, но дѣлалось и дѣлается что-то такое, что очень похоже на это. Дѣлалось и дѣлается то, что люди навязываютъ другимъ подобіе вѣры, то-есть обманъ вѣры. Вѣра не можетъ себя навязывать и не можетъ быть принимаема ради чего нибудь: насилія, обмана или выгоды, а потому это не вѣра, а обманъ вѣры. И этотъ то обманъ вѣры есть старое условіе жизни человѣчества. Но не трудно видѣть, что Толстой въ сущности вовсе не рѣшаетъ вопроса относительно того, чѣмъ можетъ человѣкъ удовлетворить свою религіозную потребность. Личная вѣра, которую правильнѣе назвать міросозерцаніемъ, никогда не можетъ удовлетворить человѣка. У него всегда является стремленіе къ исповѣданію такой религіи, которая имѣла бы объективную истину. Въ случаѣ, если исповѣдуемая имъ религія кажется ему ложной, онъ не успокаивается тѣмъ, что только отвергаетъ ее, а ищетъ религіи истинной, религіи, могущей доставить ему спасеніе. Подтверждать эту неоспоримую истину примѣрами едва ли нужно. Исторія всего человѣчества, намъ думается, убѣдительнѣе частныхъ примѣровъ.

Невозможность (психическая) для человѣка отказаться отъ стремленія къ исповѣданію истинной религіи ясно уже сви-

дѣтельствуемъ намъ, какъ поверхностно рассуждаетъ Толстой, считая учительство вѣрѣ глупымъ и безнравственнымъ дѣломъ. Научающіе другихъ вѣрѣ являются не потому только, что это пріятно имъ самимъ, но и потому, что ихъ учительства желаютъ другіе. Доказывать глупость и безнравственность учительства, какъ дѣлаетъ Толстой тѣмъ, что «если человѣкъ живетъ, то, стало быть, онъ знаетъ смыслъ жизни» — это значитъ идти наперекоръ всякой здравой логикѣ. Мало ли между людьми есть такихъ, которые всю цѣль жизни полагаютъ въ самыхъ низменныхъ удовольствіяхъ? Неужели про нихъ можно сказать, что они знаютъ смыслъ жизни? И неужели всякая попытка научить ихъ добру будетъ нелѣпостію? Подобныхъ словъ не произносилъ еще ни одинъ человѣкъ. Да и слѣдуетъ ли этимъ словамъ самъ Толстой? Если всѣ живущіе люди знаютъ смыслъ жизни, то къ чему же всѣ его нападки на религію? Къ чему онъ такъ старается убѣдить другихъ въ истинности своихъ сужденій? Почему онъ хочетъ расположить всѣхъ жить по истолкованному имъ — Толстымъ — ученію Христа? Мы совсѣмъ отказываемся рѣшать эти вопросы, а поговоримъ лучше по поводу весьма пространныхъ сужденій Толстого относительно невозможности насильно навязать вѣру другому. Толстой, вѣроятно, предполагаетъ, что до этой свѣтлой идеи додумался только онъ одинъ, а что до него люди не сознавали ея. Но такое мнѣніе, если только его держится Толстой, ошибочно. О свободѣ совѣсти очень много говорили и писали отцы и учителя Православной Церкви, на которую такъ сильно нападаетъ Толстой. Мы не станемъ ссылаться на христіанскихъ апостоловъ, со всей полнотою и ясностію раскрывшихъ безсмысленность насилія человѣческой совѣсти: намъ могутъ возразить на это, что апологеты такъ учили изъ своихъ личныхъ интересовъ. Мы приведемъ мнѣнія тѣхъ представителей Церкви, которые жили въ то время, когда христіанская религія сдѣлалась господствующею. Изъ этихъ мнѣній ясно откроется, что христіанская религія сама по себѣ не только не служитъ источникомъ насилія совѣсти, какъ это утверждаетъ Толстой, а напротивъ научаетъ самому гуманному обращенію съ иновѣрцами. Императоръ Констан-

тнѣ, котораго Толстой величаетъ не иначе, какъ разбойникомъ, сдѣлавшись христіаниномъ, мало того, что объявилъ свободу исповѣданія для всякой религіи, но настойчиво защищать, какъ извѣстно, и самый принципъ вѣротерпимости. Вотъ какія мысли высказывалъ онъ въ своемъ знаменитомъ эдиктѣ «о заблужденіи многобожія», появившемся спустя десять лѣтъ послѣ того, какъ уже закономъ объявлено было, что каждому предоставляется держаться той религіи, къ какой кто самъ присоединится: «хочу—объявляетъ Константинъ,—чтобы для пользы мира и всѣхъ людей народъ наслаждался спокойствіемъ и безмятежностію, хочу, чтобы подобно вѣрующимъ пріятности мира и тишины вкушали и невѣрующіе; пусть никто не беспокоитъ другаго; пусть каждый дѣлаетъ то, чего хочетъ душа. Люди здравомыслящіе должны знать, продолжаетъ императоръ,—что только тѣ будутъ жить чисто и свято, кого самъ Богъ призоветъ почитать предъ Его святыми законами; а отвращающіеся пусть, если угодно, владѣютъ жребіемъ своего лжеученія... Удаляя совѣсть отъ всего противпаго, воспользуемся всѣмъ жребіемъ дарованнаго блага, то есть благомъ мира. Впрочемъ пытаюсь извѣстными мыслями самъ никто да не вредитъ ими другому: что одинъ узналъ и понялъ, то пусть употребитъ, если возможно, на пользу ближняго; а когда это невозможно, долженъ оставить его. Ибо иное дѣло добровольно принять борьбу за безсмертіе, а иное быть вынужденнымъ къ ней посредствомъ казни»¹⁾. Точно такихъ же взглядовъ на свободу убѣжденій держались и отцы и учителя Церкви. Смотря на распространеніе истиннаго Боговѣдѣнія, какъ на одну изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей, они средство къ этому распространенію видѣли не въ паслѣи, какого бы рода оно ни было, а въ исполненномъ любви убѣжденіи». Сила истины не нуждается ни въ какой помощи, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, хотя бы и тысячи людей старались заглушить ее, она не только не истребляется, но чрезъ самыхъ притѣснителей своихъ становится блистательнѣе и возвышеннѣе, посмѣиваясь надъ бѣснующи-

1) Евсевій. «Жизнь Константина» р. пер. стр. 148, 150.

мися и тщетно изнуряющими себя»¹⁾. Св. Григорій Богословъ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ пастырей Церкви, но и онъ однако же заявлялъ, что «тайнство спасенія для желающихъ, а не для насильствуемыхъ»²⁾. Размышляя о томъ, почему нѣкоторые люди только постепенно обращались къ христіанству, и вообще почему истинной религіи не сообщена принудительная очевидность, а для воспріятія ея требуется вѣра (вопросъ, которымъ занимались и въ первые три вѣка), Григорій Богословъ разсуждаетъ такимъ образомъ: «спросятъ, можетъ быть, для чего это такъ? Для того Богъ допускаетъ это, чтобы мы обращались не отъ насилія, а отъ убѣжденія. Ибо то, что недобровольно, то недолговѣчно, подобно тому, какъ это замѣчаютъ на потокѣ, когда силой преграждаютъ его теченіе, или на растеніи, когда ему даютъ направленіе, противное его природѣ. Напротивъ, что добровольно, то и надежнѣе и долговѣчнѣе. И эта то не долговѣчность бываетъ свойствомъ дѣла, исходящаго отъ принудителя, а послѣднѣе—свойство нашего дѣла (то-есть христіанскаго). Вотъ почему Богъ не хочетъ дѣлать блага (обладанія истинною религіей) тѣмъ, кои не хотятъ принимать его, но единственно только тѣмъ, кои желаютъ его»³⁾. То же убѣжденіе настойчиво проводится и св. Аѳанасіемъ Александрійскимъ, Исидоромъ Пелусіотомъ и др.

Не менѣе строго относились отцы и учителя Церкви и къ внѣшнимъ вспомогательнымъ средствамъ, къ которымъ иногда прибѣгаютъ не понимающіе духа христіанской религіи миссіонеры. Какъ извѣстно, въ древней Церкви взрослому человѣку нужно было искать крещенія, то есть домогаться его какъ такого предмета, который не подается безъ разбора. И вотъ, напримѣръ, какія предварительныя увѣщанія въ древней Церкви обращались къ ищущимъ крещенія. Св. Кирилль Іерусалимскій говорилъ къ таковымъ: «мы служители Христовы прие-

1) Слова на разн. случ. р. пер. I, 144.

2) Твор. рус. перев. т. I, стр. 312.

3) Прав. Обозр. 1883 г. Май—Іюнь. «О вѣротерпимости», Кипарисова; стр. 103—104.

млемъ всякаго, и какъ бы исправляя должность придверниковъ, оставляемъ двери незапертыми. Нѣтъ запрещенія войти тебѣ; но смотри, если уста твои скажутъ, что желаешь крещенія, а сердце не скажетъ: осудить тебя Сердцевѣдецъ..... Можетъ быть ты входилъ по другому побужденію: возможно и то, что мужъ хочетъ сдѣлать пріятное женѣ и потому приходитъ сюда... Нерѣдко рабъ желаетъ угодить своему господину и другъ своему другу: покушенія войти въ церковь по такимъ побужденіямъ были. Но, говоритъ Св. Киприллъ «если кто изъ васъ лицемѣръ, притворяется благоговѣйнымъ, таковой да услышитъ отъ Іоанна: «всяко древо, еже не творитъ плода, посѣкаемо бываетъ» (Мѡ. III, 10). Судія неумолимъ: отложи же лицемѣріе!»¹⁾ А вотъ еще какъ одинъ учитель Церкви совѣтовалъ обращаться съ ищущими христіанства: прежде всего, по совѣту этого учителя, нужно допытаться отъ прозелита: «Для земной ли какой выгоды, или для вѣчнаго покоя онъ желаетъ сдѣлаться христіанномъ?» Если будетъ основаніе думать, что прозелитъ обращается, по выраженію этого учителя, «изъ ожиданія отъ людей какой либо выгоды, или изъ опасенія навлечь нахъ непріязнь и нерасположеніе», то таковымъ внушить, что они все равно будутъ люди отверженные, хотя до времени и терпимы въ Церкви. Сужденія эти принадлежатъ бл. Августину²⁾. Было бы странно, конечно, съ нашей стороны утверждать, что всѣ пастыри и учителя христіанской Церкви смотрѣли на свободу убѣжденій глазами Іоанна Златоуста, Григорія Богослова и др. Мы знаемъ, что въ жизни христіанской церкви, какъ Восточной, такъ и Западной, были такія явленія, на которыя нельзя иначе смотрѣть, какъ съ сожалѣніемъ и Лютеръ немного преувеличивалъ дѣло, когда говорилъ, что въ римской церкви среднихъ вѣковъ палачи едва не замѣнили собой учителей церкви³⁾. Но мы далеки отъ того, чтобы вмѣстѣ съ Толстымъ

1) Прав. Обзор. 1883 г. Май—Іюнь. «О вѣротерпимости», В. О. Кипарисова. Стр. 106—107.

2) Прав. Обзор. 1883 г. Май—Іюнь «О вѣротерпимости» В. О. Кипарисова. Стр. 107.

3) Herzog. K. E. Bd. III. s. 540.

утверждать, что причина этихъ ненормальностей заключается въ самой христіанской религіи. Не религія христіанская, а люди, исповѣдующіе ее, дѣлаютъ зло...

Доказавъ, конечно по своему, что всѣ вѣры, или обманы, являются результатомъ любви нѣкоторыхъ лицъ къ учительству, Толстой задается такимъ вопросомъ: «Въ чемъ же состоитъ этотъ обманъ и на чемъ онъ основанъ? Чѣмъ вызванъ для обманывающихъ и чѣмъ держится для обманутыхъ? Не буду говорить, отвѣчаетъ на поставленные вопросы Толстой, о Брамизмъ, Буддизмъ, Конфуціанизмъ, Магометанствъ, въ которомъ были тѣ же явленія, не потому, чтобы было невозможно найти тоже самое; для каждаго читавшаго объ этихъ религіяхъ будетъ ясно, что тоже и въ тѣхъ вѣрахъ, что и въ христіанствѣ, но буду говорить исключительно о христіанствѣ, какъ о вѣрѣ намъ извѣстной, намъ нужной и дорогой. Въ христіанствѣ весь обманъ построенъ на фантастическомъ понятіи церкви, ни на чемъ не основанномъ и поражающемъ съ начала изученія христіанства своей неожиданной и бесполезной бессмыслицей. Изъ всѣхъ безбожныхъ понятій и словъ, нѣтъ слова и понятія, болѣе безбожнаго, чѣмъ понятія церкви. Нѣтъ понятія, породившаго болѣе зла, нѣтъ понятіе болѣе враждебнаго ученію Христа, какъ понятіе церкви». Но дѣйствительно ли понятіе Церкви есть понятіе фантастическое, безбожное и противное ученію Христа? По нашему искреннему убѣжденію, такой взглядъ Толстого на Церковь крайне неправильный. Онъ выработался у него подъ вліяніемъ самой сильной несправедливости къ христіанской религіи, какъ она есть въ настоящее время. Если бы Толстой рассуждалъ болѣе спокойно, то онъ увидѣлъ бы, что понятіе Церкви не только не враждебно ученію Христа, а напротивъ непосредственно вытекаетъ изъ него. Самый легкій способъ доказать необходимость Церкви состоитъ безъ сомнѣнія въ допущеніи той исповѣдуемой христіанами истины, что для спасенія человека необходима не одна только нравственная жизнь, которая зависитъ отъ самого человека, но и благодать, которую могутъ преподавать только пастыри Церкви. Для человека вѣрующаго такой способъ доказательства не представился бы

фантастичнымъ и паивнымъ. Въ ученіи о благодати нѣтъ ничего такого, чтобы противорѣчило здравому смыслу. Его принимаютъ даже такіе люди, которые на христіанскую религію смотрятъ глазами не богослова, а только серьезнаго мыслителя. Въ дневникѣ Н. И. Пирогова, напримѣръ, мы встрѣчаемъ слѣдующія разсужденія: «Всеобъемлющая любовь и благодать Св. Духа это два самые существенные элементы идеала вѣры Христовой, отличающей ее отъ морали, какъ небо отъ земли»¹⁾. «Я убѣдился на себѣ, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, что не отличая истину, добываемую путемъ анализа и разслѣдованія отъ другой, доставляемой намъ вѣрою, нельзя быть настоящимъ вѣрующимъ. И прежде всего нужно увѣривать въ высшую благодать»²⁾. Но какъ ученіе о благодати ни разумно, какъ оно для сердца человѣка ни дорого, доказывать на основаніи его необходимость Церкви такому человѣку, который смотритъ на него, какъ на измышленіе извращеннаго ума, совершенно излишне. Это значило бы только для собственнаго удовольствія упражняться въ краснорѣчіи. Если мы желаемъ уяснить Толстому, что понятіе Церкви неразрывно связано со всею земною дѣятельностью Спасителя, то мы должны смотрѣть на эту дѣятельность глазами его—Толстого: то есть видѣть въ ней дѣятельность не Богочеловѣка, а просто человѣка. Въ чемъ же состоитъ характерная черта дѣятельности Іисуса, какъ человѣка? Прежде всего въ учительствѣ. Главная цѣль, которую имѣлъ Іисусъ Христосъ, какъ Учитель, выступая на проповѣдь, состояла въ томъ, чтобы открыть людямъ смыслъ жизни и сообщить имъ тотъ идеалъ, слѣдуя которому они могли бы быть счастливы. Первая проповѣдь Его въ Назаретской синагогѣ была сказана, какъ извѣстно, на слѣдующій текстъ книги пророка Ісаіи: «Духъ Господень на Мнѣ; ибо Онъ помазалъ Меня благодѣствовать нищимъ, и послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу, проповѣдывать

1) Рус. Старина 1884 г. № 12. «Посмертныя записки Н. И. Пирогова».

2) Ibidem.

лѣто Господне благоприятное». (Ис. LXI, 1, 2). Какимъ же путемъ Иисусъ Христосъ могъ научить людей смыслу жизни? Какимъ способомъ Онъ могъ сообщить имъ тотъ идеаль, которому должны они слѣдовать? Если бы Иисусъ Христосъ задался цѣлю преподавать Свое ученіе только нѣкоторымъ лицамъ, какъ дѣлали это древніе философы, то сдѣлать это было бы легко. Стоило только открыть школу, пригласить слушателей, изложить имъ свое ученіе, и задача была бы выполнена. Но Христосъ имѣлъ цѣль несравненно болѣе широкую, чѣмъ древніе философы и другіе народныя учителя. Онъ хотѣлъ, чтобы Его ученіе легло въ основу жизни не отдѣльных только личностей, но всего человѣчества. «Прійдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя, и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко». (Мѡ. XI. 28 -- 30). Соотвѣтственно этой цѣли Христу естественно надлежало найти и средства къ ея осуществленію. Къ числу этихъ средствъ относится прежде всего внѣшній характеръ проповѣди Спасителя. Онъ преподавалъ Свое ученіе не избраннымъ только лицамъ, а всѣмъ безъ исключенія. Въ числѣ Его слушателей были и мужчины и женщины, и старцы и дѣти; люди книжныя и простые.

Училъ Онъ не въ одномъ какомъ-нибудь городѣ или селеніи, а въ разныхъ мѣстностяхъ. «И ходилъ Иисусъ, читаемъ въ Евангеліи, по городамъ и селеніямъ, проповѣдуя и благовѣствуя царствіе Божіе». (Мѡ. IX. 35. Лк. VIII, 1). Определеннаго мѣста для проповѣди въ городахъ и селеніяхъ, которыя Онъ посѣщалъ, у Него не было. Онъ училъ вездѣ, гдѣ только представлялся случай: училъ и въ синагогахъ (Мѡ. IV, 23; XIII, 54; Мр. I, 39; Лк. IV, 15), и въ частныхъ домахъ (Мр. II. 1; Лк. V, 18), и на берегу моря (Мр. II, 1; Лк. V, 18), и на равнинахъ (Мѡ. V, 1; Лк. VI, 17) и такъ далѣе. Когда приходилъ въ Иерусалимъ, то училъ и въ храмѣ (Іоан. VII, 14; VIII, 2; Лк. XXI, 37—38).

Но этого средства для распространенія ученія по всему міру и на всѣ вѣка было не достаточно. При такомъ условіи

ученіе могло распространяться только при жизни Христа. Со смертію Его оно должно было прекратиться. Для того, чтобы оно могло преподаваться людямъ до скончанія вѣка, Іисусу Христу нужно было избрать извѣстныхъ лицъ, которыя бы продолжали Его дѣло и передали бы потомъ Его власть другимъ людямъ. Спаситель, дѣйствительно, такъ и сдѣлалъ. При первомъ же вступленіи на проповѣдь Онъ избралъ Себѣ двѣнадцать учениковъ, которыхъ постепенно приготавлилъ къ продолженію начатаго Имъ дѣла. Судя по повѣствованію Евангелістовъ о призваніи Петра и Андрея, можно думать, что Іисусъ Христосъ открывалъ ученикамъ ихъ будущую дѣятельность при самомъ ихъ избраніи. Привлекая къ Себѣ упомянутыхъ нами апостоловъ, Онъ сказалъ имъ: «Идите за Мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами человековъ». (Мѡ. IV, 19).

Въ болѣе же частныхъ чертахъ Христосъ уяснилъ ученикамъ ихъ назначеніе во время своего трехлѣтняго служенія. Указавъ въ девяти блаженствахъ общій идеаль истиннаго послѣдователя Своего, каковы прежде всего должны быть апостолы, Іисусъ Христосъ характеризуетъ въ частности и ихъ значеніе собственно какъ апостоловъ. «Вы соль земли, говоритъ Онъ, если же соль потеряетъ силу; то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою. Она уже ни къ чему не годна, какъ развѣ выбросить ее вовнъ, на поираніе людямъ. Вы свѣтъ міра. Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы. И, зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтятъ всѣмъ въ домѣ. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославляли Отца вашего Небеснаго». (Мѡ. V, 13—16). Изъ этихъ словъ Спасителя ясно видно, что Онъ выдвигаетъ Своихъ учениковъ изъ числа другихъ Своихъ послѣдователей, и возлагаетъ на нихъ такія обязанности, которыхъ не возлагалъ на другихъ слушателей. Они мало того что должны быть сами истинно-правственными, но весь міръ просвѣтить своими дѣлами. Какъ же они могли выполнить столь высокое назначеніе? Спаситель преподать имъ по этому поводу много наставленій. Намъ нѣтъ надобности излагать послѣднія во всей ихъ

подробности. Для нашей цѣли достаточно будетъ, если мы укажемъ только на сущность ихъ. Считая главнѣйшимъ средствомъ къ просвѣщенію всего человѣчества проповѣдь, Иисусъ Христосъ говорилъ Своимъ ученикамъ: «Что говорю вамъ въ темнотѣ, говорите при свѣтѣ; и что на ухо слышите, проповѣдуйте на кровляхъ». (Мѡ. X, 27). По воскресеніи Своемъ изъ мертвыхъ Онъ повторилъ имъ эту заповѣдь: «Идите, скажите Онъ имъ, паучите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ». (Мѡ. XXVIII, 19—20). Это завѣщаніе Спасителя ученики должны выполнить во всей точности. Хотя во время проповѣди ихъ будутъ всячески преслѣдовать, они не должны все-таки оставлять свою дѣятельность, не должны бояться, что они не въ состояніи преодолѣть сильныхъ міра сего: «Когда будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой. (Мѡ. X, 23). И когда будутъ предавать васъ не заботьтесь, какъ или что сказать; ибо въ тотъ-часъ дано будетъ вамъ, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ». (Мѡ. X, 19—20).

Если-бы Христосъ, желающій основать всемірное духовное царство, ограничилъ какъ свою дѣятельность, такъ дѣятельность апостоловъ и всѣхъ будущихъ миссіонеровъ одною только учительскою дѣятельностью, то и тогда бы не могло не образоваться Церкви, на которую такъ нападаетъ Толстой. Въ самомъ дѣлѣ, что такое христіанская Церковь? Въ обширномъ смыслѣ это есть общество людей, объединенныхъ вѣрою въ Трїединого Бога. Но возможно ли предположить, чтобы люди, принявъ ученіе Иисуса Христа и увѣровавъ въ Трїединого Бога, не составили изъ себя духовнаго общества? Не знаемъ, какъ думаютъ объ этомъ читатели, а мы съ своей стороны этого и представить себѣ не можемъ. Коль скоро извѣстное число людей объединено одной и той же идеей, однимъ и тѣмъ же стремленіемъ, то они волею—не волею составляютъ изъ себя общество, или, говоря другими словами, Церковь—(конечно въ относительномъ смыслѣ).

Но дѣятельность Иисуса Христа не ограничивалась однимъ учительствомъ. Его цѣлію было не то только, чтобы открыть

людямъ идеаль жизни, по образованъ изъ нихъ общество, члены котораго были бы соединены между собою не однимъ желаніемъ внимать рѣчамъ учителя, не однимъ только сходствомъ своихъ воззрѣній, но болѣе тѣсными узами. Для этой цѣли Онъ отзываетъ людей отъ домашнихъ очаговъ, возлагаетъ на однихъ обязанность страннической жизни, на другихъ — жертвованіе имуществомъ, стремясь всѣми мѣрами освободить ихъ отъ прежнихъ связей, для того, чтобы они могли найти въ новомъ обществѣ новый для себя домъ. Для этой же цѣли Христосъ установилъ торжественный обрядъ вступленія въ общество и по этой же причинѣ Онъ не освобождалъ никого отъ обязанности исполненія означеннаго обряда ¹⁾. Въ четвертомъ Евангеліи заключается повѣствованіе, показывающее самымъ поразительнымъ образомъ, какую важность Христосъ придавалъ крещенію. Человѣкъ преклонныхъ лѣтъ и запимавшій важное положеніе въ обществѣ, по имени Никодимъ, посѣтилъ Христа, какъ сказано, ночью, то есть тайно, и вступилъ съ Нимъ въ разговоръ. Онъ началъ съ яснаго признанія своей вѣры въ Божественное посланничество Христа. Ночное, то есть, тайное, посѣщеніе, не смотря на вѣру въ Божественное посланничество Христа, даетъ намъ возможность съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ предположить, что онъ намѣревался сказать. Онъ, повидимому, надѣялся, что ему можно будетъ исполнить требованіе Христа относительно личной преданности и покорности Ему, и въ тоже время быть свободнымъ отъ обязанности публичнаго о томъ свидѣтельства ²⁾. Между тѣмъ Иисусъ Христосъ налагаетъ печать молчанія на уста просителя рѣшительнымъ объявленіемъ, что нѣтъ другого пути въ царство Христово, какъ чрезъ крещеніе.

1) Читатель долженъ помнить, что мы стоимъ на точкѣ зрѣнія Толстого, называя крещеніе обрядомъ.

2) Что Иисусъ Христосъ принималъ людей въ свое общество черезъ крещеніе, объ этомъ весьма ясное свидѣтельство находимъ въ Евангеліи Іоанна. «Когда, читаемъ мы здѣсь, узналъ Иисусъ о дошедшемъ до фарисеевъ слухѣ, что Онъ болѣе пріобрѣтаетъ учениковъ и креститъ, нежели Іоаннъ,—хотя Самъ Иисусъ не крестилъ, а ученики Его—то оставилъ Іудею и пошелъ опять въ Галилею». (Іоан. IV, 1—3).

«Истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ царствіе Божіе». (III—5)¹⁾ Съ цѣлію же соединить Своихъ послѣдователей самыми тѣсными узами Іисусъ Христосъ установилъ общественную вечерю, которая должна напоминать имъ о существующемъ между ними неразрывномъ единеніи. Такимъ образомъ, хотя Евангеліе и называетъ послѣдователей Христа учениками Его, но съ этимъ названіемъ мы не можемъ соединять представленіе о чемъ то похожемъ на школу. Они были, дѣйствительно, Его учениками, но они предпочитали называть себя подданными и даже рабами Христа; Онъ же увѣщевалъ ихъ пребывать между собою, «какъ братіямъ».

Какъ Самъ Іисусъ Христосъ принималъ въ число послѣдователей Своихъ чрезъ крещеніе, такъ и ученикамъ Своимъ заповѣдалъ дѣлать тоже. Повторивъ имъ, послѣ Своего воскресенія, что они должны идти и научить всѣ народы, Онъ добавилъ: «крестя ихъ, т. е. народы—во имя Отца и Сына и Св. Духа». (Мѣ. XXVIII, 19). И Апостолы въ точности исполняли это повелѣніе своего Учителя. Первая проповѣдь Апостола Петра, произнесенная имъ въ праздникъ Пятидесятницы, заканчивалась слѣдующими словами: «Покайтесь, и да крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа для прощенія грѣховъ; и получить даръ Святаго Духа; ибо вамъ принадлежитъ обѣтованіе и дѣтямъ вашимъ и всѣмъ дальнимъ, кого ни призоветъ Господь Богъ нашъ». (Дѣян. Апост. II, 38—39). И охотно принявшіе слово Апостола, замѣчаетъ писатель книги «Дѣяній Апостольскихъ», крѣстились; и присоединилось въ тотъ день душъ около трехъ тысячъ». (II, 41). Точно такимъ же путемъ Апостолы принимали въ Свое общество и въ послѣдующее время. (Дѣян. Апост. VIII, 36—38; X, 47—48; XIX, 4—5).

Заповѣдалъ Іисусъ Христосъ Своимъ послѣдователямъ совершать и установленную Имъ вечерю любви. Какъ собраніе,

¹⁾ Желающихъ имѣть болѣе полныя свѣдѣнія о крещеніи, установленномъ Іисусомъ Христомъ, посылаемъ къ прекрасной книгѣ неизвѣстнаго автора «Ессе ното», перев. съ англ. гл. VIII.

или общеніе вѣрующихъ, вечера любви должна уже служить выраженіемъ существованія нѣкотораго общничества между тѣми, которые участвуютъ въ ней (причастны къ ней). Но Христосъ прибавилъ нѣчто къ этому обряду. Онъ повелѣлъ Своимъ послѣдователямъ признавать хлѣбъ, который они ѣли, Его тѣломъ, и вино, которое они пили, Его кровію. И въ рѣчи, приведенной Евангелистомъ Іоанномъ, на которую мы можемъ сослаться безъ недовѣрія, потому что она такъ очевидно подтверждается рассказами прочихъ Евангелистовъ объ учрежденіи вечера, Онъ говоритъ: «Если не будете ѣсть плоти Сына человѣческаго и пить крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни». (Іоан. VI, 53). Какъ выполняли эту заповѣдь Спасителя Апостолы, объ этомъ едва ли нужно много говорить, достаточно только указать на Дѣянія Апостоловъ, и посланія Ап. Павла къ Коринѳянамъ. Изъ первыхъ мы узнаемъ, что присоединившіеся къ обществу Христову, послѣ первой проповѣди Ап. Петра, три тысячи человѣкъ постоянно пребывали въ ученіи Апостоловъ, въ общеніи и преломленіи хлѣба и въ молитвахъ» (II, 42). То же самое говорится далѣе и про всѣхъ вѣрующихъ «Всѣ же вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее. И продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго. И каждый день единодушно пребывали въ храмѣ и преломляя по домамъ хлѣбъ, принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца, хваля Бога, и находясь въ любви у всего народа» (II, 44—46). Въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ, Павелъ, убѣждая послѣднихъ воздерживаться отъ подожертвенныхъ яствъ, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «чаша благословенія, которую благословляемъ, не есть ли приобщеніе крови Христовой? Хлѣбъ, который преломляемъ, не есть ли приобщеніе тѣла Христова? Одинъ хлѣбъ, и мы многіе одно тѣло; ибо всѣ причащаемся отъ одного хлѣба» (X, 16—17). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Апостолъ, обличая Коринѳянъ за тѣ безпорядки, которые происходятъ у нихъ на вечерахъ любви, пишетъ: «Развѣ у васъ нѣтъ домовъ на то, чтобы ѣсть и пить. Или пренебрегаете Церковь Божию и унижаете немощныхъ? Что сказать вамъ? Похвалить ли васъ за это? не похвалю. Ибо я отъ Самого

Господа принялъ то, что и вамъ передалъ, что Господь Иисусъ въ ту ночь, въ которую преданъ былъ, взялъ хлѣбъ, и, возблагодаривъ, преломилъ и сказалъ: примите, ядите, сіе есть тѣло Мое, за васъ ломимое; сіе творите въ Мое воспоминаніе. Также и чашу послѣ вечера, и сказалъ: сія чаша есть новый завѣтъ въ Моей крови, сіе творите, когда только будете пить въ Мое воспоминаніе. Ибо всякій разъ, когда вы ѣдите хлѣбъ сей и пьете чашу сію, смерть Господню возвѣщаете, доколѣ Онъ прійдетъ. Посему, кто будетъ ѣсть хлѣбъ сей, или пить чашу Господню недостойно, виновенъ будетъ противъ тѣла и крови Господней. Да испытываетъ же человекъ себя, и такимъ образомъ пусть ѣсть отъ хлѣба сего и пьетъ изъ чаши сей. Ибо кто ѣсть и пьетъ недостойно, тотъ ѣсть и пьетъ осужденіе себѣ, не разсуждая о тѣлѣ Господнемъ. Отъ того многіе изъ васъ немощны и больны, и не мало умираетъ. Ибо если бы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся отъ Господа, чтобы не быть осужденными съ міромъ. Посему, братія мои, собираясь на вечерю, другъ друга ждите. А если кто голоденъ, пусть ѣсть дома, чтобы собираться вамъ не на осужденіе» (XI, 22—34).

Если къ упомянутымъ нами обычаямъ христіанъ присоединить еще ту дѣйственную любовь, которая связывала ихъ, какъ бы въ одну семью, то для насъ вполне будетъ ясно, почему за христіанскимъ обществомъ утвердилось названіе дома, Церкви. Это названіе христіанскому обществу далъ Самъ Христосъ, сказавши: «на семь камней Я создамъ Церковь Мою» (Мѡ. XVI, 18). Каждый членъ христіанскаго общества (Церкви)—камень строенія, и благосостояніе Церкви выражается распределеніемъ въ порядкѣ и связываніемъ крѣпкимъ цементомъ камней. Какъ же Толстой утверждаетъ, что понятіе Церкви есть понятіе фантастическое, понятіе, противное ученію Христа? И какія доказательства онъ приводитъ въ подтвержденіе своего взгляда!—Въ сущности слово «эклесія», говоритъ онъ, значитъ собраніе и больше ничего, и такъ употреблялось въ Евангеліяхъ. Въ языкахъ всѣхъ новыхъ народовъ слово «эклесія» означаетъ домъ молитвы. Дальше этихъ значеній, не

смотря на 1500 лѣтнее существованіе обмана церкви, слово это не проникло ни въ какой языкъ». Почему христіанское общество названо словомъ «домъ» или «церковь», мы уже сказали, а теперь разберемъ другіе доводы Толстого, направленные имъ противъ христіанской Церкви. «По опредѣленіямъ, читаемъ мы, которыя даютъ этому слову тѣ жрецы, которымъ нуженъ обманъ церкви, оно выходитъ не что иное какъ предисловіе, говорящее: все, что я теперь буду говорить, все истина, и если не повѣришь, то я тебя сожгу, или прокляну и всячески обижу. Понятіе это есть софизмъ, нужный для нѣкоторыхъ діалектическихъ цѣлей, и остается достояніемъ тѣхъ, которымъ оно нужно. Въ народѣ, не только въ народѣ, а въ обществѣ и въ средѣ образованныхъ людей, не смотря на то, что этому учатъ въ катехизисахъ, понятія этого совсѣмъ нѣтъ». Если понимать Церковь въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее Л. Толстой, то дѣйствительно можно согласиться, что опредѣленнаго представленія о ней никакъ нельзя составить. Мы долго размышляли надъ словами Толстого «церковь есть предисловіе, говорящее: все, что я теперь буду говорить, есть истина...», и все-таки не могли понять ихъ. Но христіане соединяютъ съ словомъ «Церковь» совсѣмъ другое представленіе. По опредѣленію, которое дается Церкви въ катехизисахъ, на которое ссылается Толстой; — «Церковь есть отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ: православною вѣрою, Закономъ Божиимъ, священноначаліемъ и таинствами» (Христ. Катхиз. Правосл. вѣры). Понимаемое въ этомъ смыслѣ слово «Церковь» вполне ясно для вѣрующаго. Въ самомъ дѣлѣ, неужели человѣкъ не въ состояніи представить себѣ такого общества, которое состоитъ изъ людей, объединенныхъ одною вѣрою? По нашему мнѣнію для человѣка, какъ бы онъ ни былъ мало образованъ, представленіе объ извѣстномъ обществѣ не труднѣе представленія о какомъ бы то ни было предметѣ. Не пускаясь въ слишкомъ длинныя разсужденія, мы укажемъ на общество трезвости, основанное самимъ Л. Толстымъ. Неужели, спросимъ мы Толстого, личности, входяція въ число членовъ общества трезвости, не имѣютъ никакого понятія о послѣднихъ? Неужели,

произнося слова «общество трезвости», они не соединяютъ съ этимъ никакого представленія? Мы думаемъ, Толстой едва ли станетъ утверждать это...

Послѣ того, какъ мы уяснили, что христіане разумѣютъ подъ словомъ «Церковь», для насъ дальнѣйшіе доводы Толстого, которые направлены имъ противъ Церкви, теряютъ свое значеніе. Вотъ эти доводы: «опредѣленіе это,—какъ ни совѣстно серьезно разбирать его, надо сдѣлать это, потому что столько людей выдаютъ его за что-то важное, — опредѣленіе это совершенно ложно. Когда говорятъ, что церковь есть собраніе истинно вѣрующихъ, то собственно ничего не говорятъ, потому что, если я скажу, что капелла есть собраніе всѣхъ истинныхъ музыкантовъ, то я ничего не сказалъ, что называю истинными музыкантами. Оказывается же, по богословію, что истинно вѣрующіе, тѣ, которые слѣдуютъ ученію церкви, не находятся въ церкви. Не говоря уже о томъ, что истинныхъ такихъ вѣрныхъ сотни, опредѣленіе это ничего не говоритъ и, казалось бы, даже бесполезно, какъ опредѣленіе капеллы — собраніе истинныхъ музыкантовъ, но тотчасъ же за этимъ виднѣется конецъ ушка. Церковь истинна и едина, и въ ней пастыри, Богомъ установленные, учатъ этому истинному и единому ученію, то-есть: ей Богу, все, что мы будемъ говорить, все истинная правда. Больше ничего нѣтъ». Если бы Толстой опредѣлялъ понятіе Церкви такъ, какъ оно опредѣляется въ катихизисѣ, то ему не пришлось бы разсуждать, что слова «церковь есть собраніе истинно вѣрующихъ» ничего не выражаютъ. Въ катихизисѣ ясно указано, кого нужно считать членомъ Православной Церкви.

Разобравъ понятіе Церкви, и найдя это понятіе лживымъ, безбожнымъ, бессмысленнымъ и противнымъ ученію Христову, Толстой обѣщаетъ далѣе выяснитъ тѣ причины, которыя способствовали образованію этого понятія. «Обманъ весь, говоритъ онъ, въ этомъ, въ словѣ и понятіи церкви. И смыслъ этого обмана только тотъ, что есть люди, которымъ безъ памяти хочется учить другихъ своей вѣрѣ. Для чего же имъ такъ хочется учить своей вѣрѣ другихъ людей? Если бы у нихъ была истинная вѣра, они бы знали, что вѣра есть

смыслъ жизни, отношеніе къ Богу, устанавливаемое каждымъ человѣкомъ, что потому учить нельзя вѣрѣ, а только обману вѣры. Но они хотятъ учить. Для чего? Самый простой отвѣтъ былъ бы въ томъ, что попу нужны лепешки и яйца, архіерею дворець и шелковая ряса. Но этотъ отвѣтъ недостаточенъ. Таковъ безъ сомнѣнія внутренній психологическій поводъ къ обману, поводъ, поддерживающій обманъ, но, такъ разбирая, какимъ образомъ могъ одинъ человѣкъ (палачъ) рѣшиться убивать другого человѣка, противъ котораго онъ не имѣетъ никакой злобы? Было бы недостаточно сказать, что палачъ убиваетъ потому, что ему даютъ водки, калача и красную рубаху; точно также недостаточно сказать, что кievскій митрополитъ съ монахами набиваетъ соломой мѣшки, называя ихъ мощами угодниковъ, только для того, чтобы имѣть 30 тысячъ дохода. И то, и другое дѣйствіе слишкомъ ужасно и противно человѣческой природѣ для того, чтобы такое простое, грубое объясненіе могло быть достаточно. Какъ палачъ, такъ и митрополитъ, объясняя свой поступокъ, приведутъ цѣлый рядъ доказательствъ, которыхъ главная основа будетъ историческое преданіе. Человѣка надо казнить, казнимъ съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ. Не я, такъ другой. Я сдѣлаю это, надѣюсь, съ Божьей помощью, лучше, чѣмъ другой. Такъ же скажетъ митрополитъ: вѣшнее богопочитаніе нужно; съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, почитали мощи угодниковъ. Пещерныя мощи почитаютъ, ходятъ сюда. Не я, такъ другой, будетъ хозяйничать надъ ними. Я, съ Божьей помощью, надѣюсь богоугодно употребить эти деньги, вырученныя кощунственнымъ обманомъ». Когда мы прочитали заявленіе Толстого, что онъ намѣренъ выяснитъ стремленіе людей къ учительству, приведшему ихъ въ концѣ концовъ къ нелѣпой вѣрѣ въ Церковь, путемъ психологическимъ, то мы отъ души порадовались этому заявленію. Намъ было очень пріятно услышать серьезныя разсужденія Толстого. Но каково же было наше разочарованіе, когда мы вмѣсто этого глубокаго психологическаго выясненія встрѣтили очень наивныя сужденія! Внутреннимъ психологическимъ мотивомъ, побуждающимъ іерархію къ учительству, служить, по Толстому, простое практи-

ческое соображеніе: «Не я, такъ другой будетъ хозяйничать надъ ними. Я съ Божьей помощью надѣюсь богоугоднѣе употребить эти деньги, вырученныя кощунственнымъ обманомъ». Что же въ этомъ отвѣтѣ Толстого новаго, сравнительно съ тѣмъ отвѣтомъ, который онъ раньше призналъ недостаточнымъ,—то есть, что «попу нужны лепешки и яйца, архіерею дворець, кулебяки и шелковая ряса?» Положительно ничего. Только выражено это, будто бы глубокое психологическое выясненіе въ другихъ словахъ. Прегній отвѣтъ, признаваемый недостаточнымъ, былъ таковъ «попу нужны лепешки...» А теперь Толстой влагаетъ этотъ же недостаточный отвѣтъ въ уста священника и придаетъ ему болѣе утонченную форму. «Не я, такъ другой будетъ хозяйничать надъ ними. Я съ Божьей помощью надѣюсь богоугоднѣе употребить эти деньги...» А между тѣмъ съ перваго раза громкое заявленіе Толстого, что нужно выяснитъ стремленіе людей къ учительству, поражаетъ, читателя. И послѣдній, если не привыкъ вдумываться въ прочитанное (а такихъ читателей между послѣдователями Толстого очень много, такъ какъ благоговѣніе предъ его авторитетомъ лишаетъ ихъ критической способности), повѣритъ Толстому, что онъ даетъ психологическое объясненіе. Чему же учать іерархи народъ? По Толстому, они учать только внѣшнему благочестію и почитанію мощей. Въ своемъ сочиненіи «Въ чемъ моя вѣра» Толстой развиваетъ эту мысль подробнѣе: «Всѣ религіи, кромѣ церкви христіанской, говоритъ онъ, требуютъ отъ исповѣдующихъ—ихъ, кромѣ обрядовъ, исполненіе еще извѣстныхъ хорошихъ поступковъ и воздержаніе отъ дурныхъ. Иуданзмъ требуетъ обрѣзанія, соблюденія субботы, милостыни, юбилейнаго года и еще многого другаго. Магометанство требуетъ обрѣзанія, ежедневной пятикратной молитвы, десятины бѣднымъ, поклоненія гробу пророка и многого другаго. То же и всѣ религіи. Хороши ли, дурны ли эти требованія, но это требованіе поступковъ. Только псевдо-христіанство не требуетъ ничего, чтобы обязательно долженъ былъ дѣлать христіанинъ и отъ чего онъ долженъ бы быть обязательно воздержаться, если не считать постовъ и молитвъ самой церковью признаваемыхъ не обязательными. Все что

нужно для псевдо-христіанина — это таинства. Но таинство не дѣлаетъ самъ вѣрующій, а надъ нимъ его производятъ другіе. Псевдо-христіанинъ ничего не обязанъ дѣлать и ни отъ чего не обязанъ воздерживаться, чтобы спастись, по надъ нимъ церковью совершается все, что для него нужно, — его окрестятъ, и помажутъ, и причастятъ, и особоруютъ, и исповѣдаютъ, даже глухою исповѣдью, и помолятся за него — и онъ спасенъ. Христіанская церковь со времени Константина не потребовала никакихъ поступковъ отъ своихъ членовъ. Она даже не заявила никакихъ требованій воздержанія отъ чего бы то ни было». Трудно рѣшить отъ искренняго сердца говорить это Толстой, или нѣтъ. Если онъ читалъ, какъ онъ заявляетъ самъ, творенія Св. Отцевъ и поученія пастырей Церкви, то онъ не могъ не знать, что исключительно однимъ только обрядамъ и внѣшнему богопочтенію не училъ ни одинъ изъ нихъ. Всѣ на первомъ планѣ ставили истинно-нравственную жизнь. Мы не станемъ дѣлать выдержки изъ твореній Св. Отцевъ и поученій пастырей Церкви ¹⁾. Это заняло бы слишкомъ много мѣста въ нашемъ сочиненіи. Да къ тому же считаемъ это излишнимъ. Кто хотя нѣсколько разъ слышалъ поученія нашихъ пастырей, тотъ ни въ какомъ случаѣ не повѣритъ Толстому, что будто бы христіанская Церковь не учитъ нравственной жизни. Что такое наше православное богослуженіе, какъ не наглядное преподаваніе вѣрующимъ нравственныхъ истинъ? Къ чему христіанская Церковь стала бы вводить въ богослуженіе чтеніе Евангелія, Апостольскихъ посланій и другихъ священныхъ книгъ, если бы она считала нравственную жизнь излишнею? Мы увѣрены, что Толстой не можетъ дать намъ удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы: его клевета на христіанскую Церковь въ данномъ случаѣ слишкомъ очевидна... Намъ думается, едва ли повѣрятъ ему и его сторонники. Вѣдь пельзя же представить себѣ человека, который бы совершенно не жилъ своимъ умомъ; а

¹⁾ Желаящіе могутъ найти это въ статьѣ Орфано «Въ чемъ должна заключаться истинная вѣра каждаго человека?» — Чт. въ Обществ. Любит. Дух. Просвѣщ. 1887 г. мартъ—апрѣль.

для того, чтобы повѣрить словамъ Толстого о христіанской Церкви, нужно именно быть такимъ человѣкомъ.

Что касается нападокъ Толстого на почитаніе мощей угодниковъ, то они представляются намъ въ высшей степени странными. Почему христіанинъ не имѣетъ права выражать свое почтеніе тѣмъ лицамъ, которыя оказали услугу христіанской Церкви? Толстой навѣрно не находитъ ничего нелѣпаго, видя почтительное отношеніе людей къ трупѣ близкаго и дорогаго для нихъ человѣка. Ему не представляется также, по всей вѣроятности, страннымъ обычаемъ украшать покойниковъ цвѣтами и говорить при ихъ гробахъ рѣчи. Почему же это вполне естественное чувство не должно проявляться у человѣка по отношенію къ христіанскимъ подвижникамъ?...

Но Толстой идетъ въ своихъ нападкахъ на почитаніе мощей дальше. Онъ не стѣсняется, по обыкновенію, возвести явную клевету на Церковь. «Кіевскіе митрополиты съ монахами, по его утвержденію, набиваютъ соломой мѣшки, называя ихъ мощами угодниковъ» ¹⁾. Что сказать на это голословное, ничѣмъ не подтверждаемое обвиненіе? Какими доказательствами можно убѣдить читателей въ лживости сужденій Толстого? Мы не находимъ въ данномъ случаѣ ничего лучшаго, какъ отвѣтить словами преосвященнаго Никанора, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго. «Подите, кто хочетъ, любопытствующіе изыскатели, посмотрѣть въ подземелья великой Церкви Святой Кіево-Печерской Лавры, честныя мощи почившаго въ прошломъ столѣтіи Святителя Павла, митрополита Тобольскаго, пока еще не причтеннаго къ лику Святыхъ. Подите въ разные концы Св. Руси, въ которыхъ почтительно хранятся мощи разныхъ Святителей, также пока еще не канонизованныхъ» ²⁾. Подумайте, съ какимъ тщательнымъ

¹⁾ Уясненію вопроса о нетлѣнии тѣлъ праведниковъ будетъ посвящена нами особая статья.

²⁾ Средство, предлагаемое преосвященнымъ Никаноромъ, для удостовѣренія въ истинности нетлѣній мощей самое лучшее и надежное. Въ статьѣ П. С. Казанскаго «Очеркъ жизни архимандрита Антопія, нагѣтника Свято-Троицкой Сергіевской Лавры», рассказанъ между прочимъ слѣдующій случай изъ жизни Антопія. Когда онъ былъ еще въ міру, то слышалъ, какъ раскольники упрекали Право-

опасеніемъ открывался св. мощи святителей Митрофана Воронежскаго въ зашлое и Тихона Задонскаго въ прошлое царствованіе. Подумайте, отчего это Богъ хранитъ десятки лѣтъ и вѣка въ нетлѣннѣи мощи больше монаховъ, всего чаще святителей, и непремѣнно высокой богоугодной жизни. И перестаньте хульнички хулить. Русскій народъ, въ милліонахъ своей непочатой, нерастлѣнной пока толстовскою культурою средѣ, чувствомъ чуетъ, куда ему идти на поклоненіе, для назиданія, для подражанія, къ Толстому ли, который ходитъ за сохою отъ нечего дѣлать, или же въ Кіевъ, въ Москву, въ Троице-Сергіеву Лавру, или на Соловки, гдѣ преподобные отцы спасали себя и другихъ, въ пустыняхъ *скитающаеся, и въ горахъ, и въ вертепахъ и въ протастяхъ земли, мучени, скорбяще, озлобленн, ихъ же не бы достоинъ весь міръ; гдѣ люди російскіе, а также простой черный народъ видитъ свой собственный идеалъ, чернаго снаружи, но ангельски свѣтлаго въ душѣ человѣка, видитъ звѣзду душевнаго счастья, упокоенія въ Богѣ и горней надежды, видитъ свою зарю обѣтованнаго вѣчнаго счастья въ небесахъ?!... 1).*

А. Рождественнѣ.

(Продолженіе будетъ).

славную Церковь за чествованіе ложныхъ будто-бы мощей, хотѣлъ самъ лично убѣдиться въ истинности послѣднихъ. Посѣтивъ при первомъ представившемся случаѣ Муромъ и Владиміръ, гдѣ были св. мощи, онъ возвратился вполне упокоенный: клевета раскольниковъ сдѣлалась для него вполне очевидною. Особенно сильно поразило его нетлѣніе мощей во Владиміръ.—Пр. Об. 1878 г. Февраль. Стр. 272.

Путемъ личнаго посѣщенія Кіево-Печерской Лавры убѣдился въ истинности нетлѣнія мощей и одинъ изъ теперешнихъ профессоровъ Казанскаго университета. На вопросъ одного изъ студентовъ, дѣйствительно ли почитаемыя христіанами мощи Кіево-Печерской Лавры—умершія тѣла, онъ отвѣтилъ: «въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Я убѣдился въ этомъ лично». Беседа профессора съ студентомъ происходила въ моемъ присутствіи. Авторъ.

1) Церк. Вѣдомостя 1888 г. № 3. «Церковь и государство». Стр. 58.

РУССКАЯ И НѢМЕЦКАЯ ШКОЛА.

(Продолженіе *).

Неблагопріятные результаты дала «реализація» того образованія, которое получали нѣмецкія дѣвицы въ низшихъ и высшихъ женскихъ школахъ. Такъ какъ практическое примѣненіе общеобразовательнаго курса школьныхъ наукъ непосредственно и прежде всего могло найти для себя мѣсто только въ школѣ, т. е., въ учительской и воспитательной дѣятельности, то было совершенно въ порядкѣ вещей появленіе женскихъ педагогическихъ семинарій, имѣвшихъ своею цѣлію подготовленіе будущихъ народныхъ учительницъ и школьныхъ воспитательницъ. Учрежденію такихъ семинарій особенно много содѣйствовало князь Оттопъ Викторъ *Шенбург-Валденбургскій*. Такъ,—онъ основалъ педагогическія женскія семинаріи въ *Валденбургѣ* и *Дройссингѣ*; затѣмъ въ 1856 году имъ открыта была еще одна женская педагогическая семинарія—въ небольшомъ городкѣ—въ *Кальнбергѣ*. Впрочемъ нужно сказать, что въ первое время нѣмки не съ особенною охотою рѣшались избирать для своей дѣятельности педагогическое поприще и новооткрытыя женскія семинаріи нѣкоторое время мало привлекали къ себѣ ученицъ. Такъ, напр., въ Кальнбергской семинаріи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ весь комплектъ учащихся состоялъ только изъ *двадцати* ученицъ, набранныхъ изъ разныхъ странъ—Пруссіи, Баваріи, Ганновера, Бернбурга, Детмольда и русскихъ остзейскихъ провинцій. Поло-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 21.

женіе дѣла измѣнилось съ 1873 года, когда «объединенная» Германія попала въ руки Бисмарка и ему на первое время необходимо было «заигрывать» съ національ-либералами и даже социалистами. Какъ мы указали уже при характеристикѣ нѣмецкихъ мужскихъ гимназій, министерство народнаго просвѣщенія вручено было Фальку. Фалькъ озпаменовалъ свое управленіе предоставленіемъ женщинамъ самыхъ широкыхъ правъ для педагогической дѣятельности. Такъ какъ дѣятельность Фалька отразилась и на положеніи женскаго образованія у насъ, въ Россіи, то мы обратимъ на нее здѣсь особенное вниманіе.

Въ 1873 году Фалькъ открылъ въ министерствѣ въ Берлинѣ совѣщанія относительно новой организаціи средних и высшихъ школъ для дѣвщцъ. На этихъ совѣщаніяхъ были выработаны типъ женскихъ учебныхъ заведеній, по которому поставлены и наши теперешнія женскія гимназіи. Чтобы доставить ученицамъ этихъ школъ удобство ознакомленія съ педагогическими методами и приѣмами преподаванія, рѣшено было съ женскими учебными заведеніями соединить и учительскія коллегіи. Это нанъ VIII или спеціальнѣй классъ при женскихъ гимназіяхъ, иначе называемый «педагогическими курсами» гимназіи. Далѣе на этихъ же совѣщаніяхъ Фалькомъ были выработаны проэктъ еще особыхъ педагогическихъ курсовъ, которые дозволено было открывать частнымъ лицамъ на собственные средства и отдѣльно отъ женскихъ гимназій. Какъ увидимъ въ свое время, и у насъ есть такіе курсы, — только, пожалуй, позамысловатѣе нѣмецкихъ. Наконецъ, Фалькъ выработалъ и новый проэктъ для преобразованія женскихъ учительскихъ семинарій.

О характерѣ и постановкѣ учебнаго дѣла въ нѣмецкихъ гимназіяхъ мы здѣсь не будемъ говорить, потому что все то, что должно быть отнесено къ достоинству или недостаткамъ этихъ учебныхъ заведеній, намъ еще придется разсматривать въ подробностяхъ, когда мы будемъ вести рѣчь о нашихъ женскихъ гимназіяхъ, которыя, какъ и мужскія, у насъ поставлены на началахъ нѣмецкихъ, — и — нужно отдать имъ справедливость — поставлены, по канцелярскому выраженію,

«съ подлиннымъ вѣрно». Что же касается семинарскаго образованія, то совѣтники нѣмецкаго министра народнаго просвѣщенія пришли къ слѣдующимъ рѣшеніямъ: «При поступленіи въ семинарію производится испытаніе. Къ нему допускаются дѣвушки 17-ти лѣтъ отъ роду, предъявившія свидѣтельства о здоровьѣ, о безупречномъ поведеніи и о средствахъ содержать себя въ теченіи двухъ лѣтъ. На испытаніи дѣвица должна обнаружить такія же познанія, какія требуются по окончаніи курса въ высшихъ женскихъ училищахъ, или гимназіяхъ. Сдавнія экзамень перваго (т. е. высшаго) класса вполнѣ организованной высшей школы для дѣвицъ освобождаются отъ экзамена по свидѣтельству отъ коллегіи учителей, если только послѣ этого прошло не болѣе одного года. Въ самой семинаріи, при трехгодичномъ курсѣ, число урочныхъ часовъ въ обоихъ низшихъ классахъ должно быть не свыше 28 въ недѣлю, а въ высшемъ, гдѣ прибавляются практическія упражненія, не свыше 20. При двухгодичномъ курсѣ число часовъ должно быть увеличено. Предметы преподаванія въ семинаріи тѣ же, что и въ высшихъ женскихъ училищахъ со включеніемъ рисованія, пѣнія, гимнастики и женскихъ рукодѣлій. Сверхъ того, присоединяются еще начальныя основанія психологіи и педагогики. Обученіе въ семинаріи обязательно по всѣмъ предметамъ. Факультативное преподаваніе допускается лишь тогда, когда обученіе музыкѣ выходитъ изъ предѣловъ пѣнія и теоріи послѣдняго. Обязательный характеръ преподаванія женскихъ рукодѣлій и рисованія касается лишь *методической* стороны предмета. Упражненія приготовляющихся учительницъ въ преподаваніи совершаются въ находящейся при семинаріи школѣ въ томъ же родѣ, какъ и въ семинаріи для учителей. Семинаріи для учительницъ должны быть устроены въ видѣ пансіоновъ, если нѣтъ возможности цѣлесообразно размѣстить ученицъ въ хорошихъ семействахъ»¹⁾. Что касается направленія и духа нѣмецкихъ женскихъ семинарій, то достаточно сказать, что это учебныя заведенія во 1) чисто *протестантскія* и во 2) исключительно *нѣмецкія*. Ка-

¹⁾ Срв. К. Шмидтъ, Ист. Педаг. т. IV. ч. I. стр. 564.

жется, только одни мы, русские, которыхъ нѣмцы обзываютъ и національными эгоистами, и фанатическими изуверами, можемъ равнодушно смотрѣть на наши школы, наполненныя сбродомъ всякихъ національностей—и нѣмцами, и поляками, и евреями,—только мы не хотимъ понять того, какой вредъ можетъ принести нашимъ дѣтямъ школа, представляющая собою «вавилонское смѣшеніе языковъ» и вѣроисповѣданій и подготовляющая самую удобную почву для насажденія всякаго рода космополитическихъ стремленій и религіознаго индифферентизма. Ничего подобнаго нѣмцы себѣ не дозволяютъ; если нѣмцы рѣшили затратить капиталъ на устройство у себя школы, такъ можно быть увѣреннымъ, что эта школа и будетъ 1) только *нѣмецкою*, а 2) исключительно *протестантскою* ¹⁾. Бывшій директоръ Кальнбергской семинаріи, д-ръ Э. Веберъ, вотъ что, напр., говоритъ о женской семинаріи, ввѣренной его управленію. «Князь—основатель Кальнбергской семинаріи, предпринимая это дѣло, особенно имѣлъ въ виду ту цѣль, чтобы вмѣстѣ съ иностранными языками не были также насаждены и чужестранные элементы въ нѣмецкихъ семействахъ и школахъ, что въ особенности опасно тогда, когда преподаватели, учительницы и воспитанницы принадлежатъ къ другому, напр., католическому вѣроисповѣданію... Но волѣ основателя все заведеніе должно было представлять *одну христіанскую семью*. Поэтому нельзя удовлетворяться тѣмъ, что воспитанницы полпцейски подчиняются соблюденію дома существующихъ правилъ, но чрезъ ежедневное личное участіе въ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ должна быть возбуждена искренняя вѣра, совѣсть предъ Богомъ, а родственно услуживающая любовь должна соединить воспитанницъ между собою, какъ живой союзъ совершенства всѣхъ учащихся и учащихся, воспитывающихъ и воспитываемыхъ. И мы не напрасно надѣялись, что такимъ образомъ устроится общеніе, которое не ограничится ни пространствомъ, ни временемъ и будетъ простираться даже того

¹⁾ Правда, какъ мы говорили уже, у нѣмцевъ есть нѣсколько *смѣшанныхъ* по вѣроисповѣданію школъ; но школы эти въ глазахъ нѣмцевъ крайне не симпатичны и существованіе ихъ обуславливается только нецѣлѣбною необходимостію.

краткаго времени, которое воспитанницы проводятъ здѣсь (въ семинаріи) вмѣстѣ другъ съ другомъ. Мы не напрасно надѣялись, что и впослѣдствіи духовное единеніе будетъ существовать между воспитателями и воспитанницами, когда мы, какъ воспитатели, послѣднимъ давнымъ-давно были бы уже ненужны¹⁾. Цѣль, указанная женскимъ семинаріямъ Оттономъ Шенбургъ-Вальденбургскимъ, не была выпущена изъ виду и министерствомъ Фалька. По существующимъ нинѣ узаконеніямъ, управленіе нѣмецкою женскою семинаріею, обученіе закону Божію, а также «этическимъ предметамъ» и иностраннымъ языкамъ не могутъ быть поручены никому другому, кромѣ протестантскаго пастора или, въ крайнемъ случаѣ, лица, выдержавшаго «теологическое испытаніе»²⁾. Да нѣмецъ—протестантъ даже и представить себѣ не можетъ, какъ бы это онъ затратилъ деньги на школу, въ которой потомъ обучались бы католички. Учебная часть (по свидѣтельству, впрочемъ, нѣмецъ, напр., Э. Вебера) въ нѣмецкихъ женскихъ семинаріяхъ поставлена настолько хорошо, что не остается желать ничего лучшаго. И нѣмецкія дѣвицы уже съ большею охотою поступаютъ въ нихъ. Въ 1881 году кальнбергская женская семинарія праздновала 25-тилѣтній юбилей своего существованія,—и изъ составленнаго къ этому дню отчета видно, что всѣхъ дѣвицъ, принятыхъ въ заведеніе, было 621; окончило курсъ 411; изъ нихъ 107 вышло замужъ, 18 умерло; остальные учительствовали; въ 1884 году всѣхъ ученицъ въ кальнбергской семинаріи было 53³⁾.

Что-же принесли Германіи тѣ широкія педагогическія права, которыя министерствомъ Фалька предоставлены нѣмецкимъ дѣвушкамъ, окончившимъ курсъ ученія въ женскихъ гимназіяхъ, педагогическихъ курсахъ и семинаріяхъ? Не знаемъ, принесли ли они нѣмцамъ какую-либо пользу (во всякомъ случаѣ, польза эта должна быть слишкомъ незначительной),—

1) Dr. E. Weber, Die deutsche Schule in ihren verschiedenen Formen und ihre Stellung zur christlichen Kirche. 1885. стр. 74.

2) К. Шмидтъ, Ист. Педаг. т. IV, ч. I, стр. 563.

3) Weber., стр. 73.

по вреда и горя принесли немало. Въ настоящее время Германія переполнена учеными женщинами, — и нѣмцы не знаютъ, куда дѣвать ихъ и что съ ними дѣлать. Этотъ вопросъ занимать нѣмецкихъ общественныхъ дѣятелей почти съ самаго открытiя женскихъ педагогическихъ семинарiй. «При первомъ выпускѣ окончившихъ курсъ дѣвицъ въ 1860 году», — говоритъ бывший директоръ Кальнбергской женской педагогической семинарiи о ввѣренномъ ему заведенiи, — «былъ поднятъ серьезный вопросъ, — какимъ образомъ цѣлесообразно распредѣлить ихъ? Его величество саксонскiй король Иоаннъ, при своемъ посѣщенiи семинарiи, присутствовалъ при отвѣтѣ одной даровитой дѣвицы по отечественной исторiи. Это подало поводъ высокому гостю высказать желанiе, чтобы такимъ учительницамъ былъ отведенъ кругъ дѣятельности *въ народной школѣ*. Насколько возможно, замѣчанiе это дало толчекъ тому, что многiя изъ нашихъ выпускныхъ воспитанницъ были приглашены учительницами въ народныя школы и — даже *смѣшанныя*» ¹⁾. Но у нѣмцевъ вовсе не такой складъ ума, чтобы они могли довѣрить народную школу женщинамъ — учительницамъ. Такого взгляда придерживается даже и Веберъ, бывший директоръ женской семинарiи и вовсе не скрывающiй своихъ симпатiй къ женщинамъ на педагогическомъ поприщѣ. Онъ находилъ, что его бывшiя ученицы вполне оправдали его надежды, были хорошиими учительницами, но въ то же время онъ все-таки не хотѣлъ бы видѣть народную школу всецѣло врученною женщинамъ — учительницамъ. «Теперь, говоритъ онъ ²⁾, во всякомъ случаѣ мы знаемъ по свидѣтельству опыта, что отдѣльныя отрасли обученiя, напр., наглядный способъ обученiя, библейская исторiя, всеобщая исторiя, — въ особенности по біографическому методу, естествовѣдѣнiе и т. п., учительницами были ведены съ такимъ умѣньемъ, какое только изрѣдка можно встрѣтить среди молодыхъ учителей; тѣмъ не менѣе не представляется полезнымъ поручать обученiе учительницамъ *въ большихъ смѣшанныхъ классахъ*. Поддержанiе дис-

1) E. Weber, Die deutsche Schule, стр. 73.

2) Ibid.

циплины требуетъ такого большого духовнаго и тѣлеснаго напряженія, что онѣ или падаютъ подъ тяжестью его, или много теряютъ въ своемъ чистомъ и нѣжномъ существѣ, которое есть наилучшее украшеніе дѣвицы. Опыты доказали, что воспитательницѣ прилично быть только въ семействѣ и женскомъ пансіонѣ, гдѣ ей вполне можетъ быть довѣрено обученіе религіи, преподаваніе практическихъ наукъ, музыки, рисованія и новыхъ языковъ». Такого же взгляда придерживаются и всѣ лучшіе нѣмецкіе педагоги-теоретики ¹⁾.

Если еще въ 1860 году, когда былъ произведенъ только еще первый выпускъ дѣвицъ, окончившихъ курсъ въ женскихъ педагогическихъ семинаріяхъ, нѣмцы не знали, что имъ дѣлать съ своими учеными женщинами, то что же нужно

¹⁾ Говоря *противъ учительской дѣятельности женщинъ*, нѣмецкіе педагоги указываютъ главнымъ образомъ на женскую раздражительность, которою затрудняется равномерная школьная дисциплина и нарушаются необходимыя при ученіи спокойствіе и достоинство; утверждаютъ также, что по причинѣ своеправія и прихотливости женщинъ приказанія ихъ отличаются то нестерпимою строгостью, то непростительною податливостію; наконецъ, говорятъ, что если бы даже публичные испытанія, необходимыя для занятія учительской должности, и не противорѣчили женской природѣ, то эта природа уже сама по себѣ свидѣтельствуетъ противъ женщинъ въ качествѣ учительницъ, такъ какъ съ одной стороны педагогика требуетъ слишкомъ глубокаго изученія и потому не можетъ быть *усвоена задумчивою жизнію* женщины, а съ другой стороны самый опытъ даже доказываетъ, что женщины обращаются къ педагогической дѣятельности не вслѣдствіе внутренняго призванія, а напротивъ лишь вслѣдствіе нужды, бѣдственной участи, разочарованія семейною жизнію и т. п. Говоря *въ пользу способности женщинъ къ учительской дѣятельности*, нѣмецкіе педагоги указываютъ на то, что дѣвочкамъ естественнѣе всего воспитываться у женщинъ, такъ какъ и тѣ и другія лучше могутъ сочувствовать другъ другу и только послѣднія въ состояніи войти въ духовную жизнь первыхъ, — потому, — что женщина съ ея здоровымъ умомъ, влеченіемъ ко всему доброму и прекрасному, съ ея религіознымъ чувствомъ, выдержкой и настойчивостію въ безчисленныхъ мелкихъ и все-таки трудныхъ житейскихъ занятіяхъ обладаетъ не меньшими способностями къ преподаванію, какъ и мужчина, и хотя она менѣе его склонна къ отвлеченной наукѣ, за то болѣе способна къ осмысленному, наглядному, живому постиженію человѣческой жизни, а потому женщина по преимуществу и во всякомъ случаѣ болѣе мужчины пригодна для преподаванія въ женскихъ школахъ. Господствующимъ, впрочемъ, нужно назвать взглядъ Дистервега и Рихарда Лапте, примиряющій вышеуказанныя крайности. По этому взгляду въ женскихъ школахъ мужчины должны быть ввѣрены — дирекція и преподаваніе наукъ, женщины — воспитаніе и обученіе искусствамъ — музыкѣ, пѣнію, танцамъ и рукодѣліямъ. Срв. К. Шмидтъ, *Ист. Пед.* т. IV, ч. I, стр. 553—554.

сказать о настоящемъ времени, когда уже произведено двадцать восемь выпусковъ въ семинаріяхъ, педагогическихъ курсахъ, гимназіяхъ, институтахъ, высшихъ женскихъ училищахъ съ педагогическими курсами и т. п....? Предъ нами—книга *Юлия Эйнзиделя* — «Das Gouvernantenwesen in England» (Heilbronn, 1884). Авторъ этой книги рисуетъ предъ глазами своихъ читателей яркую картину того жалкаго и несчастнаго положенія, въ которомъ находятся въ Англіи воспитательницы, школьныя учительницы и гувернантки. Съ полною справедливостію онъ охарактеризовалъ свою книгу словомъ — «Warning» — «предостереженіе». Книга эта не столько имѣетъ значенія для Англіи, сколько для Германіи и именно въ смыслѣ «предостереженія». Изъ этой книги мы узнаемъ, что Германія переполнена учеными женщинами; а между тѣмъ семья потрясена, значеніе брака упало; предложеніе значительно превышаетъ спросъ на женскій педагогическій трудъ,—пѣвцамъ грозитъ ужасное бѣдствіе «женскаго ученаго пролетариата»; «древо познанія» снова ведетъ женщину, а чрезъ нее и все общество, къ погибели... «Дома пасторовъ и чиновниковъ, богатые дочери, говоритъ Эйнзидель ¹⁾,—въ Германіи—не рѣдкость и потому все болѣе и болѣе жгучимъ является вопросъ: «что дѣлать съ этими дѣвушками?» Въ «доброе старое время» вопросъ этотъ для нѣмцевъ не представлялъ такого интереса, какъ теперь; тогда женщина всецѣло принадлежала семьѣ; жила для родителей, братьевъ и сестеръ, мужа и дѣтей, племянниковъ и племянницъ; теперь она ищетъ для себя педагогической дѣятельности за стѣнами своего дома. Но какіе получены результаты? Всѣ мѣста и должности, какія только женщины можно было занять, заняты; чуть ли не каждая болѣе или менѣе состоятельная семья за незначительное вознагражденіе имѣетъ свою наемную гувернантку, бонну или воспитательницу; одинокія старухи запаслись учеными и дешевыми компаньонками; явились ученые конторщицы, бухгалтерыши, телеграфистки, продавщицы и т. д. Трудъ женщины—учительницы по вознагражденію палъ до такой степени, что

1) Стр. 3.

онъ едва—едва даетъ возможность для самаго скромнаго существованія. И при всемъ томъ въ Германіи еще такъ много ученыхъ женщинъ, не имѣющихъ никакихъ занятій и никакого мѣста, а слѣдовательно и средствъ къ жизни, что нѣмцы дѣйствительно имѣютъ полное основаніе задуматься надъ вопросомъ: «что дѣлать съ этими учеными представительницами прекраснаго пола?» Выйти въ замужество шансовъ мало, потому что нѣмцы не особенно любятъ имѣть «ученыхъ» женъ, предпочитая имъ хорошихъ хозяекъ; мѣсто учительницы получать въ Германіи крайне трудно; это выпадаетъ лишь на долю однѣхъ счастливиць. Ученымъ нѣмкамъ, очевидно, оставалось одно — бросить свой «милый фатерлапдъ» и идти въ какую-либо другую, болѣе гостепріимную страну. Такими странами у нѣмцевъ считаются Россія и Англія. О Россіи, впрочемъ, Эйнзидель ничего не говоритъ, по крайней мѣрѣ, не «предостерегаетъ» отъ нея своихъ ученыхъ соотечественницъ. Но положеніе нѣмецкихъ учительницъ и гувернантокъ въ Англіи онъ описываетъ самыми мрачными красками. Оказывается, что ученыхъ женщинъ теперь неужно уже и въ Англіи,—что женскій трудъ тамъ цѣнится ни во что, что школьныя директриссы учительницъ — нѣмокъ мѣняютъ часто по полугодіямъ, на гувернантокъ смотрятъ какъ на прислугу,—что сначала нужно иногда года два прослужить бесплатно, чтобы получить мѣсто учительницы въ какой нибудь школѣ съ самымъ плохенькимъ жалованьемъ, что въ каникулярное время учительницы остаются безъ всякихъ средствъ къ жизни, лишеныя же мѣсть, иногда по одному капризу начальствующаго надъ школою лица, часто доходятъ до того, что просятъ по улицамъ и магазинамъ милостыни, а иногда бывали и такіе случаи!—умирали голодною смертію. Вотъ почему Эйнзидель, долгое время прожившій въ Англіи и собственными глазами видѣвшій то тяжелое положеніе, въ какое ставятъ себя ученыя нѣмецкія дѣвушки, отправлявшіяся въ эту «обѣтованную страну» лордовъ и капитала искать для себя педагогической дѣятельности, и предостерегаетъ своихъ землячекъ не подвергать себя добровольно такому ужасному положенію, а лучше—«сидѣть дома и штопать братьямъ чулки»...

Впрочемъ, нужно сказать, что въ послѣднее время сами нѣмецкія женщины какъ-то охладѣли къ педагогической дѣятельности, предпочитая ей семью, домашнее хозяйство и рукодѣлья. Въ 1878 году частныя лица открыли нѣсколько фереиновъ для дѣвицъ низшихъ сословій, гдѣ послѣднія получили возможность обучаться чтенію, письму, счетоводству и нѣкоторымъ ремесламъ. «Къ сожалѣнію, и здѣсь», — горюетъ одинъ изъ нашихъ русскихъ радѣтелей высшаго женскаго образованія ¹⁾, — «болѣе 70% учащихся бросаются на рукодѣлья; напр., въ 1882 году изъ 300 дѣвушекъ одного общедоступнаго фереина 233 изучали рукодѣлье. Въ Германіи, среднимъ числомъ, ежегодно отъ 2,000 до 3,000 дѣвушекъ, получившихъ образованіе въ фереинахъ, бросаются на одну спеціальность иголки; слѣдовательно, въ теченіи 10 лѣтъ образуется приблизительно 25,000 дѣвушекъ одной профессіи, — отчего, конечно, трудно ожидать благотворныхъ результатовъ въ будущемъ». Къ чести большинства нѣмцевъ нужно сказать, что они не только не раздѣляютъ сѣтованій русскаго эманципатора женщинъ, а напротивъ даже съ радостію относятся къ тому, что ихъ женщины, такъ сказать, взялись за умъ и добровольно возвращаются къ своему прямому назначенію, ставя заботы матеря выше обязанностей учительскихъ, а положеніе жены выше положенія врачебнаго консулянта.

Къ высшему профессиональному или университетскому образованію у нѣмокъ, — говоря вообще, — никогда не было особенно сильныхъ стремленій. Какъ то, впрочемъ, геттингенскій и берлинскій университеты, подъ вліяніемъ общаго духа времени, разрѣшили, было, женщинамъ посѣщать свои аудиторіи; но этимъ правомъ нѣмецкія женщины пользовались очень недолго, потому что на самомъ дѣлѣ ни правительство, ни профессора, ни само германское общество никогда не сочувствовали женщинамъ въ ихъ стремленіи возпѣться съ трупами и ланцетами. Въ послѣднее же время прусскій министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ распоряженіе о безусловномъ воспрещеніи принимать женщинъ (не только нѣмокъ, но и

¹⁾ Овцынъ, Развитіе женскаго образованія, стр. 23.

иностранокъ) въ прусскіе университеты. Нѣкоторыя изъ нѣмокъ (число ихъ, впрочемъ, очень ограничено), увлекаясь примѣрами американокъ, получали медицинское образованіе въ заграничныхъ университетахъ и, получивъ дипломы врачей, съ гордостію возвращались въ свое отечество; но это отечество въ отношеніи къ нимъ оказалось не совсѣмъ радушнымъ: въ 1880 году правительство воспретило имъ заниматься врачебною практикою. Правда, немного спустя послѣ этого двѣ изъ нихъ выхлопотали себѣ право пользоваться больныхъ, но только *безвозмездно*, т. е. это значить, что правительство разрѣшило имъ врачебную практику, но не какъ профессію, а только какъ благотворительность. Впрочемъ, отчасти отдало дань духу времени и прусское правительство: въ 1867 году въ Берлинѣ были основаны высшіе женскіе курсы (*Victoria-schule*), принятыя подъ покровительство даже кронпринцессою, хотя уровень преподаванія въ этой школѣ былъ гораздо ниже, чѣмъ въ мужскихъ высшеучебныхъ заведеніяхъ; затѣмъ въ 1876 году были открыты еще акушерскіе курсы ¹⁾. Послѣдніе несомнѣнно принесли обществу большую пользу, готовляя хорошихъ и свѣдущихъ акушеровъ.

И такъ, говоря вообще, и сравнивая постановку женскаго образованія въ Германіи съ образованіемъ женщинъ въ другихъ странахъ, напр., Америкѣ, Англій или Швейцаріи, мы должны сказать, что у нѣмцевъ менѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, женщины стремятся къ высшему профессиональному образованію, меньше мечтаютъ о равноправности съ мужчинами, объ общественной дѣятельности, о самостоятельности въ жизни и т. п. Гдѣ же причина этого явленія? Женскіе эманципаторы, крайне не долюбивающіе вообще нѣмокъ, утверждаютъ, что причина этого явленія заключается, такъ сказать, въ самой природѣ и характерѣ нѣмецкихъ женщинъ. Они смотрятъ на нѣмецкую женщину какъ на дикарку, не умѣющую оцѣнить всѣхъ благъ научнаго образованія, гордую до самообожанія, но способную въ дѣйствительности только смотреть за погребомъ и кладовой. Интересную, хотя по мѣстамъ

1) Срв. Оицынъ, Развитие женскаго образованія, стр. 23—24.

п саркастически рѣзкую характеристику нѣмецкихъ женщинъ представляетъ намъ сама же нѣмка (по національности только, впрочемъ, но не по духу и складу ума) *Гедвига Домъ* ¹⁾. По свидѣтельству г-жи Домъ, нѣмка, по самой природѣ своей, не можетъ понять значенія высшаго образованія, какъ не понимаетъ его и всякая сельская баба, исключительно думающая только о своемъ хозяйствѣ. Нѣмка не можетъ даже себѣ представить, чтобы *чистая* наука могла приносить кому-нибудь какую-нибудь пользу, а потому, по заявленію г-жи Домъ, нѣмка крайне неуважительно относится къ наукѣ. Мужчина, — это допускаетъ каждая нѣмка, — можетъ быть великимъ санскритскимъ ученымъ; «но что такое для нѣмки санскритъ?! спрашиваетъ Домъ и восклицаетъ: «какъ смѣшна должна казаться ей эта наука!» Наука будто-бы только тогда внушаетъ уваженіе къ себѣ въ глазахъ нѣмки, когда она находится въ прямой связи съ приращеніемъ ея хозяйской кассы. Нѣмка не хочетъ быть ученой; она хочетъ быть только хорошей хозяйкой. И это составляетъ ея гордость. Вотъ какой «символь вѣры» изобрѣла Гедвига Домъ для нѣмецкой хозяйки. «Я, фрау Шульце, отъ всего сердца и всѣми силами своими вѣрую въ себя, въ свою кухню, дѣтскую, прачешную, чердакъ и швейную машину. Все же прочее — отъ лукаваго... Вѣрую, что служанки — существа нигде негодныя и что слѣдуетъ ихъ пробирать и нужно обращаться съ ними грубо; каждую же женщину, осмѣливающуюся сомнѣваться въ моей непогрѣшимости и не раздѣляющую моихъ воззрѣній или одержимую такъ называемыми «идеями», я признаю безнравственной и внушающею ужасъ, эмансипированной, еретичкой, сбившеюся съ настоящаго пути, и которую слѣдовало бы на семь законномъ основаніи сжечь на медленномъ огнѣ». Если вѣрить г-жѣ Домъ, даже семейныя добродѣтели нѣмецкихъ женщинъ въ сущности не что иное, какъ пороки, скрытые подъ благовидною личиной. Ради своей «знаменитой» бережливости нѣмка въ состояніи лгать каждому по самому пустячному поводу.

¹⁾ У А. Ф. Швейгеръ — Лерхенфельда «Женщина, ея жизнь, нравы и общественное положеніе у всѣхъ народовъ земнаго шара». Спб. 1885. стр. 593 и дал.

Такъ, желая сберечь нѣсколько пфениговъ при покупкѣ сапоговъ для своего сына, она безсовѣстно лжетъ сапожнику, что прошлый годъ у г-на N. она купила гораздо лучшіе сапоги и заплатила дешевле, и она чуть не падаетъ въ обморокъ, слыша цѣну, которая на самомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ умѣренна. «Нужно отправиться дѣлать покупки вмѣстѣ съ нѣмецкой хозяйкой, — говоритъ возмущенная Гедвига Домъ, чтобы получить вѣрное представленіе объ ея падувательствѣ, безстыдствѣ и іезуитскихъ продѣлкахъ. Она всегда съэкономничаетъ, дѣлая себѣ платье. Ей всегда нужно матерія меньше аршиномъ, чѣмъ другимъ женщинамъ, и она этимъ не нахвалится, не замѣчая, что всякій за то и видитъ недостающіе аршины. Конечно, замѣчаетъ г-жа Домъ, это было бы небольшимъ зломъ, если бы за нимъ не слѣдовало множество другихъ». Впрочемъ бережливость нѣмецкой женщины вовсе не такъ привлекательна, какъ ее обыкновенно восхваляютъ, и въ другихъ отношеніяхъ. «Въ образцовой, какъ мы воображаемъ, кладовой нѣмецкой хозяйки, говоритъ Гедвига Домъ далѣе, — лежатъ жалкіе остатки съѣстнаго, и какъ ни жалки они, но пожертвовать ими она ни за что не хочетъ. Каждый кусочекъ, каждая косточка, каждый клочекъ кожи наполняетъ ее радостью. Только нѣмецкая хозяйка обладаетъ искусствомъ, расплющивая ломтики ветчины или колбасы, вытягивать ихъ въ длину и ширину, только она предлагаетъ такіе миниатюрные кусочки сахару, которыхъ должна бы постыдиться всякая сколько-нибудь приличная чашка чаю или кофе. И добавокъ все это предлагается съ такимъ видомъ, будто хозяйка и въ самомъ дѣлѣ гостепріимна. Неожиданныя посѣщенія для нея ужасъ. Если вы придете вечеромъ въ гости безъ приглашенія, то она сидитъ какъ на угольяхъ. Черезъ каждыя пять минутъ смотритъ она потихоньку на часы, и она-сеніе, что вы-того и гляди — останетесь къ ужину, грызетъ ея сердце: вы разговариваете съ нею о бюстѣ Гёте или зданіи парламента, а дуна ея тоскливо витаетъ въ кладовой».

Такой взглядъ на нѣмецкихъ женщинъ принадлежитъ, впрочемъ, не одной только Гедвигѣ Домъ; его раздѣляютъ въ Германіи очень и очень многіе, — въ томъ числѣ даже Шо-

пенгауэръ и Бертольдъ Ауэрбахъ. Богумиль Гольцъ то же такого мнѣнія о нѣмецкихъ женщинахъ, какъ и г-жа Домъ. По его словамъ ¹⁾, расчетливая и нетребовательная нѣмка чувствуетъ себя уже вполне насыщенной и удовлетворенной, когда ея комнаты хорошо выметены, а занавѣсы красиво повѣшены. О бережливости и торгашествѣ нѣмецкихъ хозяекъ Гольцъ говоритъ почти словами г-жи Домъ. «При покупкѣ земляники у бѣдняжки-мальчика, который собираетъ ее цѣлый день, пытаюсь всего кусочкомъ хлѣба, а иногда и вовсе голодный, нѣмецкая хозяйка сперва «попробуетъ» хорошенько ягоды, потомъ станетъ хулить ихъ и почти силой удержать за удобную ей цѣну. Только однѣ нѣмки могутъ предлагать своимъ гостямъ приготовленный въ гомеопатическихъ дозахъ чай и до невозможности тощѣе, такъ сказать, эфирные бутерброды. Кромѣ того нѣмецкія женщины, по словамъ Гольца, до крайности мелочны. И если при покупкѣ или наймѣ вы придете въ соглашеніе съ мужемъ, то весь торгъ, надо начать съизнова, какъ скоро въ дѣло вмѣшается жена. Мужа своего нѣмка «считаетъ обжорой, сибаритомъ или Сарданапаломъ»: «онъ въ ея глазахъ нѣчто въ родѣ неизбежнаго военнаго постоя или predetermined судьбою прижимцакъ и притѣснитель». Объ умственныхъ способностяхъ нѣмецкихъ женщинъ Гольцъ также не особенно высокаго мнѣнія. Логику ихъ онъ называетъ «очень плохую» и врядъ ли годилась бы куда нибудь, по его мнѣнію, женская таблица умноженія. «Всякій разъ надо ожидать, говоритъ онъ, что у женщины вмѣсто дважды два—четыре, возьметъ да и окажется: дважды два—пара перчатокъ»...

Вотъ тѣ причины, по которымъ, какъ думаютъ проповѣдники высшаго женскаго образованія, нѣмецкія женщины не выказываютъ особеннаго стремленія поступать въ университеты, мечтать о самостоятельности въ жизни, а ограничиваютъ свою дѣятельность скромною областію жизни семейной и хозяйственными заботами. Но мы не раздѣляемъ такого мнѣнія. Признавая въ вышеприведенныхъ характеристикахъ нѣмец-

¹⁾ У Швейгеръ-Лерхенфельда, стр. 596.

кихъ женщинъ (любовь къ хозяйству, бережливость, аккуратность) долю правды, хотя и черезчуръ разукрашенную не въ пользу нѣмецкихъ хозяекъ, мы думаемъ все-таки, что нѣмки потому не увлекаются высшимъ профессиональнымъ образованіемъ и потому предпочитаютъ общественной дѣятельности частную и семейную жизнь, что въ нѣмецкомъ мозгу есть какая то «точка благоразумія», что нѣмецкія женщины обладаютъ практическимъ смысломъ болѣе, чѣмъ другія женщины, что у нѣмцевъ еще велико вліяніе семьи на дѣтей, еще болѣе или менѣе прочны начала семейной жизни, крѣпче власть родительская...

Т. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

ПО ВОПРОСУ О СВОБОДѢ ВОЛИ.

По справедливому замѣчанію Шопенгауера ¹⁾, вопросъ о свободѣ воли есть вопросъ чисто философскій, не легко доступный обыденному сознанію. По обычному представленію человѣкъ бываетъ свободенъ, если онъ можетъ дѣлать, что хочетъ. По мѣрѣ умственнаго и нравственнаго возрастанія человѣчества такая чисто внѣшняя свобода человѣка, состоящая въ способности къ дѣйствіямъ, сообразнымъ съ его волею, становится все несомнѣннѣе. Съ расширеніемъ знанія силъ природы, законовъ ихъ дѣятельности и примѣненія этого знанія къ цѣлямъ—удобства въ жизни, торговымъ и промышленнымъ, человѣкъ все болѣе отдаляется отъ непосредственнаго вліянія со стороны природы, все шире разступаются и предѣлы его собственнаго возможнаго вліянія на природу. Правда, такая свобода человѣческихъ дѣйствій относительна, условлена отсутствіемъ внѣшнихъ къ нимъ препятствій; человѣкъ властвуетъ надъ природою, но властвуетъ надъ нею черезъ посредство самой же природы; онъ только направляетъ дѣятельность силъ природы на службу человѣческимъ интересамъ и притомъ направляетъ ее только по независимымъ отъ него, собственнымъ постояннымъ и необходимымъ законамъ этихъ силъ. Но съ другой стороны воля, въ строго психологическомъ значеніи этого слова, усвоится только сознающему себя чело-

¹⁾ Die beide Grundprobleme der Ethik. Изъ того же сочиненія взяты и ниже отмѣченныя выдержки изъ Шопенгауера.

вѣку; а разумный, сознающій себя и свои силы, человѣкъ можетъ хотѣть только возможнаго для себя и посильнаго. Съ каждымъ поэтому частнымъ разумнымъ хотѣніемъ тѣсно связано сознаніе возможности его осуществленія; такимъ образомъ свобода человѣка въ этомъ смыслѣ сама по себѣ понятна.

Но если разумный человѣкъ не можетъ хотѣть невозможнаго, то съ другой стороны онъ не все то дѣлаетъ, что можетъ; осуществимость хотѣнія есть только одно изъ условій, а не достаточная его причина. На дальнѣйшій вопросъ объ этой достаточной причинѣ насъ не можетъ удовлетворить нерѣдкій въ обычной жизни отвѣтъ: я желаю, хочу, потому что мнѣ такъ хочется. Еще Лейбницъ замѣтилъ, что подобный отвѣтъ нудитъ насъ къ невозможному представленію неопредѣленно длиннаго ряда актовъ воли безъ всякаго начала (*ad regressum in indefinitum*). Согласно съ Лейбницемъ. Шопенгауеръ утверждаетъ, что если рѣчь идетъ не о возможности или свободѣ дѣйствій сообразныхъ съ волею, а о свободѣ самой воли, то и самый вопросъ слѣдуетъ поставить такъ: можешь ли ты желать то, что хочешь?—причемъ представляется, будто одно желаніе зависитъ отъ какого-то другого за нимъ существующаго. Пусть этотъ вопросъ рѣшенъ утвердительно, тотчасъ же возникаетъ второй: можешь ли ты желать то, что хочешь желать? и такъ въ безконечность, потому что постоянно представляли ли бы мы одно желаніе зависящимъ отъ другаго, прежняго и отдаленнѣйшаго, и напрасна была бы попытка по такому пути достигнуть чего-либо, что слѣдовало бы признать всецѣло независимымъ. Но если бы мы и рѣшились въ этомъ рядѣ желаній остановиться на чемъ-либо, какъ ничѣмъ не условленномъ, то имѣли бы одинаковое право избрать для того какъ первый, такъ и послѣдній членъ ряда. Вопросъ стало-быть сводится къ простѣйшей его формѣ: можешь ли ты желать? Но просто утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ рѣшаетъ ли дѣйствительно существованіе свободы воли? Это и есть именно то, что слѣдовало доказать и что остается недоказаннымъ. Въ самомъ дѣлѣ уже изъ того, что я хочу чего-либо, слѣдуетъ само-собою, что я могу этого хотѣть; но этимъ очевидно доказывается не существованіе свободы воли, а только

бытіе самой воли, какъ реальной возможности (потенціи) или способности опредѣленныхъ желаній. Ясно поэтому, что понятіе свободы, какъ отсутствія препятствій къ свойственнымъ той или другой силѣ проявленіямъ, непримѣнимо къ самой волѣ. Въ этомъ смыслѣ воля или совѣсть не существуетъ, или существуетъ только свободная, т. е. имѣющая возможность желать.

Иной смыслъ получить вопросъ о возможности или свободѣ желанія, если мы самую возможность будемъ понимать не въ общепотребительномъ значеніи способности или силы, а въ болѣе отвлеченномъ,—именно какимъ она отличается отъ необходимости. Необходимо то, чему дана опредѣленная причина; гдѣ не существуетъ пока такой причины, или гдѣ существующая причина отъ насъ сокрыта, тамъ—широкое поле возможности. Въ такомъ смыслѣ воля человѣка будетъ свободна, если частные ея акты ничѣмъ не условлены, если при всецѣло опредѣленныхъ обстоятельствахъ она одинаково можетъ желать и не желать, желать такъ и иначе, желать это и другое, совѣсть ему противоположное. Такую именно безусловную свободу (*liberum arbitrium indifferetiae*) дѣйствительно и усвоили духу человѣка нѣкоторые мыслители средних вѣковъ. Къ предположенію такой же свободы нерѣдко склоняется и обыденное сознаніе, объясняя ту или другую рѣшимость человѣка не частнымъ какимъ-либо побужденіемъ, а вообще произволомъ или силою свободы.

Нельзя не согласиться съ Кантомъ, что понятіе безусловно свободной воли не содержитъ въ себѣ никакого внутренняго противорѣчія и безъ труда можетъ быть мыслимо нами. Логическій законъ достаточнаго основанія, на который ссылаются противники такой мысли, утверждаетъ только, что каждое дѣйствіе имѣетъ свою причину, что за причиною необходимо слѣдуетъ дѣйствіе; но совѣсть не требуетъ, чтобы каждая причина была дѣйствіемъ другой отдаленнѣйшей. Но таже безусловность, легко мыслимая отвлеченно, будучи отнесена къ возникшимъ или имѣющимъ возникнуть актамъ воли, составляетъ *contradictio in adjecto*. Самое ихъ возникновеніе обличаетъ ихъ условленность какою либо причиною; а гдѣ есть

причина, тамъ ея дѣйствіе необходимо. Въ мірѣ какъ внѣшняго, такъ и внутренняго опыта на самомъ дѣлѣ существуютъ только дѣйствительныя, вполне опредѣленныя явленія; возможность существуетъ только для насъ, мыслящихъ либо о будущихъ событіяхъ, для которыхъ пока нѣтъ опредѣляющихъ причинъ, либо о дѣйствительно существующихъ, причины которыхъ нами еще не открыты. Такая чисто субъективная, основанная на недостаткѣ нашего предвѣденія или знанія, возможность не должна, конечно, быть превращаема въ объективную, въ случайность самаго дѣйствительнаго явленія. Какъ случай въ области физическихъ явленій, такъ и произволь въ сферѣ нравственныхъ дѣйствій допускается нами только потому, что они не поддаются разумному объясненію. Случайнымъ въ природѣ называется не то явленіе, которое не зависитъ ни отъ какихъ обстоятельствъ, а то, которое возникаетъ отъ непонятнаго намъ стеченія именно въ эту данную минуту и такихъ именно, вполне впрочемъ понятныхъ и изъ своихъ условій необходимо вытекающихъ, обстоятельствъ. Съ кровли сорвавшійся кирпичъ падаетъ на проходящаго мимо человѣка и причиняетъ ему боль,—такой фактъ мы называемъ несчастнымъ случаемъ, но на самомъ дѣлѣ что въ немъ случайнаго? Кирпичъ упалъ потому, что сила сдѣляемости, доселѣ державшая его на высотѣ, теперь, ослабѣвъ, уступила силѣ земнаго притяженія; проходившій мимо человѣкъ имѣлъ свои побужденія пройти именно здѣсь и въ это время, и изъ физиологическихъ основаній долженъ былъ почувствовать боль отъ ушиба. Все это совершенно ясно для насъ; намъ непонятно только самое совпаденіе такихъ совершенно разнородныхъ, хотя и необходимыхъ явленій; но и это совпаденіе безспорно было подготовлено длинными рядами предварительныхъ, но намъ неизвѣстныхъ ихъ условій. Такимъ образомъ случай служитъ только для прикрытія нашего незнанія.—Въ произвольномъ дѣйствіи человѣкъ руководствуется не общими и понятными для всѣхъ людей интересами, а прихотливыми и мимолетными сердечными влеченіями. Что не сознаетъ въ себѣ такихъ влеченій самъ дѣйствующій человѣкъ, это не доказываетъ, что ихъ нѣтъ; не сознаемъ мы и того, какъ изъ

ощущеній образуются представленія, а между тѣмъ безъ первыхъ не было бы послѣднихъ. Такимъ образомъ произвольныя желанія и дѣйствія лишены не мотивовъ вообще, а только мотивовъ опредѣленныхъ, ясно сознанныхъ,—доказываетъ не свободу, а неразумность желаній. Полное отсутствіе опредѣляющихъ наши желанія побужденій доказано быть никакъ не можетъ. Въ области теоріи скептикъ, отвергающей достовѣрность всякаго научнаго положенія, долженъ однакоже признать достовѣрною самую эту недостовѣрность всѣхъ возможныхъ научныхъ положеній. Подобно тому и въ практикѣ жизни человѣкъ конечно можетъ на нѣкоторое время дѣйствовать прямо наперекоръ внутреннимъ своимъ влеченіямъ; но въ этомъ случаѣ самое намѣреніе такъ именно дѣйствовать, желаніе доказать возможность такихъ дѣйствій будетъ опредѣляющимъ мотивомъ воли, будетъ служить нормою дѣйствій, противорѣчащихъ обычнымъ и естественнымъ влеченіямъ. Поэтому-то люди своенравные, дѣйствующіе постоянно наперекоръ другимъ, всего менѣе свободны отъ вліянія этихъ другихъ. Съ одной стороны ихъ дѣятельность уже опредѣлена самымъ противорѣчіемъ желанію окружающихъ людей; а съ другой—эти окружающіе ихъ люди легко управляютъ ими, требуя отъ нихъ дѣйствій, прямо противоположныхъ своему искреннему, но теперь намѣренно затаенному желанію.

Выраженіе: я желаю, потому что такъ хочу, содержитъ въ себѣ напрасное тождество, и приводитъ къ ложному представленію о волѣ, какъ одной только формѣ, лишенной опредѣленнаго содержанія. *Non volumus velle, sed facere*, замѣтилъ еще Гоббесъ; если мы желаемъ, то желаемъ что либо; это что либо одновременно служитъ и предметомъ и побужденіемъ воли. Такимъ содержаніемъ желаній служатъ не внѣшніе предметы, какъ такіе, какъ дѣйствующіе другъ на друга извнѣ, черезъ толчекъ, соприкосновеніе, взаимное проникновеніе и т. п. Внѣшніе предметы и органическіе процессы въ нашемъ тѣлѣ могутъ возбуждать волю только чрезъ посредство по ихъ вліянію въ самой душѣ возникшихъ ощущеній и съ ними связанныхъ чувства доволства и покоя или чувства недостатка и тревоги. Это послѣднее непріятное чувство само по себѣ

составляетъ одно только внутреннее безпокойство, волненіе души и ничѣмъ другимъ не сопровождается, какъ тѣми только рефлексивными движеніями въ тѣлѣ, которыя хотя и проявляютъ его, и, быть можетъ, отчасти ослабляютъ, по отнюдь не служатъ средствами къ полному его устраненію. Но изъ разнообразныхъ ощущеній въ душѣ человѣка очень рано слагаются возрѣнія и представленія предметовъ, дѣйствующихъ на него благопріятно или наоборотъ. Смутное первоначально чувство тревоги распадается теперь на чувства опредѣленныхъ недостатковъ, проявляется въ видѣ конкретныхъ потребностей или стремленій воли. Сообразно съ тѣмъ живыя существа отъ неодушевленныхъ предметовъ отличаются тѣмъ, что не только страдаютъ отъ внѣшнихъ дѣйствій, но и чувствуютъ это страданіе. Взаимная разница самихъ живыхъ существъ въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что одни изъ нихъ выносятъ непріятное чувство дотолѣ, пока извнѣ не будетъ доставлено имъ средство къ его устраненію, а другіе сами дѣятельно ищутъ и находятъ его. Во всякомъ случаѣ непріятныя чувства, связанная съ ощущеніями ли то, возрѣніями или представленіями, или такъ называемые мотивы служатъ необходимымъ условіемъ всѣхъ движеній и дѣйствій живыхъ существъ.

Но какъ причинамъ вообще, такъ и мотивы въ частности не производятъ изъ себя свойственныхъ имъ дѣйствій; мотивъ, какъ условіе, очевидно есть понятіе неполное, нудитъ предположить силу, способную воспринять его, быть имъ условленною. Въ животныхъ такую силу признается способность пожеланій, въ человѣкѣ—сила воли. Царство животныхъ распадается на многочисленныя виды и подвиды; свойства, общія извѣстному виду, вполне уже и почти до послѣднихъ частности опредѣляютъ собою и всѣ особи этого вида. Отъ того и дѣйствіе мотива здѣсь очень однообразно; дѣйствуя такъ именно на одну особь опредѣленной породы, онъ необходимо такъ дѣйствуетъ и на всѣ остальные. Но уже въ экземплярахъ высшихъ породъ животныхъ довольно ясно опредѣляющаяся индивидуальная особенность достигаетъ высшаго своего развитія въ личности человѣка; общая всѣмъ людямъ воля въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ заявляетъ себя своеобразнымъ

характеромъ. Зная одинъ только мотивъ, здѣсь положительно невозможно предсказывать, что послѣдуетъ изъ его дѣйствія; съ одной стороны понуждая къ дѣлу одного человѣка, онъ можетъ остаться непримѣтнымъ для другаго; съ другой, одно и тоже дѣло можетъ быть совершено по мотивамъ совершенно противоположнымъ. Мотивъ, всецѣло опредѣляющій дѣйствіе животнаго, служитъ только поводомъ къ проявленію особаго личнаго характера человѣка.

Такимъ образомъ каждое желаніе или актъ воли необходимо условлены съ одной стороны мотивомъ, а съ другой индивидуальною особенностію или характеромъ желающаго существа. Безъ мотива желаніе или акты воли были бы невозможны объективно, безъ индивидуальной особенности или характера—субъективно.

Но на этомъ выводѣ не останавливаются крайніе противники ничѣмъ неусловленной воли (*liberi arbitrii*). Высказывая его наоборотъ, они утверждаютъ, что по формулѣ закона достаточнаго основанія *posita conditione ponitur et conditio patum*,—что если данъ опредѣленный мотивъ и опредѣляемый имъ извѣстный характеръ, то опредѣленный актъ воли, а затѣмъ и самое дѣло слѣдуютъ необходимо. Увѣренность: я могъ бы захотѣть и сдѣлать—иначе, есть не что иное, какъ одна изъ человѣческихъ иллюзій, возникаетъ она изъ неправильнаго превращенія объективной возможности въ субъективную, отъ незаконнаго слиянія двухъ въ себѣ правильныхъ положеній: я хотѣлъ и сдѣлалъ и: могло бы быть совсѣмъ иное желаніе и дѣло, когда, т. е. мы имѣемъ въ виду мотивъ и его дѣйствіе не на опредѣленный какой либо характеръ, а на характеръ вообще. Я могъ бы конечно захотѣть и сдѣлать иначе, если бы самъ я, мой характеръ былъ другой; но такъ какъ я, мой характеръ таковъ, какъ есть, то я не могъ хотѣть и дѣлать и такъ и иначе, а необходимо долженъ былъ пожелать и сдѣлать именно такъ, а не иначе. Характеръ воздѣйствуетъ своимъ мотивомъ съ такою же необходимостію, съ какою неорганическое тѣло физическимъ причинамъ, растеніе возбужденіямъ. Далѣе, по тому же закону достаточнаго основанія изъ тѣхъ же причинъ необходимо слѣдуетъ тоже

дѣйствіе; характеръ же человѣка врожденъ, постояненъ, не мѣняется цѣлую жизнь (Шопенгауеръ). Отселѣ при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, по дѣйствию того же мотива человѣкъ необходимо долженъ, вынужденъ желать и дѣйствовать всецѣло одинаково. «Ожидать, что человѣкъ по одному и тому же поводу однажды будетъ дѣйствовать такъ, а въ другой разъ совсѣмъ иначе, значило бы надѣяться, что на вишневомъ деревѣ выростутъ когда—нибудь груши». (Шопенгауеръ).

Но если безусловная свобода воли не мирится съ требованіями логическаго мышленія, то противъ безусловной несвободы, противъ всевластія природы, заранѣе и точно опредѣляющей и хотѣнія и дѣйствія человѣка, не можетъ не возмущаться нравственное его чувство, его взглядъ на жизнь, какъ на процессъ постепеннаго развитія, его вѣра въ свое назначеніе и конечныя цѣли своей земной дѣятельности. Въ душѣ человѣка глубоко укоренена увѣренность, что онъ не таковъ, какимъ долженъ быть, что къ этому своему идеалу онъ можетъ приближаться мало по-малу только чрезъ борьбу со многими влеченіями своей индивидуальной природы. Ясно или темно представляетъ онъ себѣ свой нравственный идеалъ, во всякомъ случаѣ въ его душѣ постепенно совершается часто даже имъ несознаваемое сравненіе всѣхъ своихъ намѣреній и дѣйствій съ этимъ ихъ идеаломъ. Въ случаѣ взаимнаго ихъ согласія онъ чувствуетъ внутреннее довольство, въ противномъ случаѣ упреки совѣсти. Нѣтъ ни одного съ сознаниемъ совершеннаго дѣла, за которое бы человѣкъ не чувствовалъ себя отвѣтственнымъ; предъ судомъ своего нравственнаго сознанія онъ не можетъ оправдываться тѣмъ, что при этомъ своемъ характерѣ и по дѣйствию этого мотива онъ необходимо долженъ былъ поступить такъ, какъ поступилъ; завѣдомо дурно не могъ онъ дѣйствовать безъ сознанія своей обязанности поступать иначе; каждая же обязанность необходимо предполагаетъ возможность ея выполненія. Понятно, что физическая и нравственная возможность и необходимость здѣсь въ прямомъ противорѣчій и исключаютъ себя взаимно. Человѣкъ или не могъ поступить иначе, и тогда предостерега-

ющій и порицающій голосъ совѣсти напрасень, ничѣмъ не объяснимъ,—или же напротивъ могъ, слѣдовательно природными свойствами своего характера не быть необходимо вынужденъ къ своему преступному дѣйствию.

Въ исторіи развитія философской мысли, вслѣдствіе стремленія развить систему понятій изъ какого либо одного начала, мы наблюдаемъ склоненіе либо къ одному, либо къ другому изъ различныхъ нами членовъ указанной дилеммы. Одни, подобно Спинозѣ, устремляли свое вниманіе на весь міръ, какъ на цѣлое, а на личность человѣка смотрѣли, какъ на часть этого громаднаго цѣлага. Не должно поэтому казаться страннымъ, если самая личность человѣка при этомъ представлялась однимъ мимолетнымъ всплескомъ волны въ безбрежномъ морѣ жизни міровой субстанціи, исчезающею едва замѣтною точкою въ водоворотѣ всесторонне охватывающихъ, отовсюду ограничивающихъ и внѣшнихъ, тѣсно сомкнутыхъ условій. Другіе, подобно Фихте, сосредоточивали свой умственный взоръ на самой познающей и сознающей себя личности человѣка, признавали самую эту личность за безусловную субстанцію, а на весь остальной міръ смотрѣли, какъ на самоограниченіе я, какъ на лишенное самостоятельности произведеніе его творческой дѣятельности. Въ практической философіи такъ называемыхъ детерминистовъ увлекала ясность логическихъ требованій, на нихъ возбуждительно дѣйствовала самая стойкость и строгость въ выводахъ, хотя бы она и завершалась отрицаніемъ всякаго значенія совѣсти, — этой основы нравственности. Напротивъ индетерминистамъ, повидимому, казалось, что факты нравственнаго сознанія несравненно настоятельнѣе нудятъ предположить свободу воли, чѣмъ факты внѣшняго опыта—ту истину, что каждое дѣйствию имѣетъ свою причину. Вся борьба этихъ противоположныхъ мнѣній отличалась вообще ненаучною оживленностію.

Побужденіемъ или мотивомъ мы признали чувство недостатка, связанное съ возрѣніемъ или представленіемъ предмета, нужнаго къ его устраненію; чувство главнымъ образомъ опредѣляетъ живость стремленія, а возрѣніе или представленіе его паправленіе. Высшія животныя безспорно представ-

любятъ предметъ своего пожеланія и средства его достигнуть; иначе они не могли бы искать его. Въ такихъ поискахъ животныя проявляютъ свою способность отличать предметы годные для удовлетворенія ихъ пожеланій отъ предметовъ къ тому негодныхъ, а своимъ предпочтеніемъ однихъ предъ другими — свою способность отличать предметы болѣе годные. Животныя такимъ образомъ дѣйствуютъ по мотивамъ. Но эти ихъ мотивы очень односторонни, ограничены цѣлями только чувственнаго наслажденія и эгоистической пользы. Если изъ того факта, что животныя присматриваются и прислушиваются къ неожиданнымъ впечатлѣніямъ, мы вправѣ заключать объ ихъ стремленіи открыть причину такихъ впечатлѣній, то самое это стремленіе никакъ не можемъ объяснить какою либо безкорыстною любознательностію. Мы видимъ, какъ быстро гаснетъ такой интересъ животнаго къ впечатлѣніямъ, какъ скоро оказывается, что производящій ихъ предметъ не грозитъ ему опасностію и ничего не обѣщаетъ для его самоподдержанія. Въ противномъ случаѣ оно или тотчасъ же бѣжитъ отъ предмета, или же обращаетъ его въ удовлетвореніе своей потребности.

Нѣтъ сомнѣнія, что побужденія къ самосохраненію и самоподдержанію служатъ одними изъ самыхъ сильныхъ мотивовъ и въ жизни самаго человѣка; но для насъ теперь важнѣе тотъ фактъ, что въ человѣкѣ эти побужденія не единственны, а только одни изъ прочихъ. Понятіе человѣка не исчерпывается отношеніями только борьбы съ враждебными и мирнаго услажденія благотворными вліяніями внѣшней природы. Будучи связанъ общими интересами со всѣми другими одушевленными существами природы, человѣкъ въ то же время есть членъ своего семейства, общества, государства и наконецъ сотрудникъ въ разрѣшеніи общей всѣмъ людямъ задачи, въ осуществленіи идеальнаго назначенія всего человѣчества. Всѣ этиковыя для животнаго совершенно невѣдомыя, отношенія сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе человѣка и разнообразно опредѣляютъ самую его практическую дѣятельность.

Душа человѣка отличается впрочемъ отъ души животнаго не только этою многосторонностію своей природы, или луч-

ше—самая эта многосторонность можетъ быть объяснена только существенною между ними разницею. Дѣятельность чело-вѣка отъ дѣятельности животнаго отличалась бы только по степени,—разнообразія ли то или непрерывности, — если бы свойственные чело-вѣку разнообразные мотивы могли дѣйствовать безпрепятственно на его волю одинъ при другомъ, или вслѣдъ за другимъ. Но взаимное ихъ отношеніе не таково. Дѣйствіе одного мотива не только необходимо всегда ограничиваетъ дѣйствіе остальныхъ; но весьма часто слѣдуя одному побужденію, мы дѣйствуемъ прямо наперекоръ требованію другаго. Не все пріятное полезно, бываетъ оно и вредно; не все полезное честно, — *summum jus* иногда составляетъ *summum injuriam* и т. д. Такое взаимное столкновеніе интересовъ оставалось бы безъинтересною для насъ борьбою представлений, если бы мы сами не переживали этой борьбы, если бы побужденія не имѣли такого непосредственнаго отношенія къ нашему я, не были нашими. Но съ другой стороны мы ничего не знали бы о такой ихъ борьбѣ, различныя побужденія не были бы для насъ различны, если бы мы не были способны сравнивать ихъ взаимно, слѣдовательно внутренне отрѣшаться отъ нихъ, дѣлать ихъ предметомъ своего об-сужденія. Что становится для насъ предметомъ, то, по замѣчанію Шиллера, перестаетъ быть безусловно властвующимъ надъ нами; самымъ уже противопоставленіемъ его себѣ самимъ мы заявили по меньшей мѣрѣ свою съ нимъ равно-правность. Возникши въ душѣ животнаго, пожеланіе тотчасъ же приводитъ въ движеніе члены его тѣла, побужденіе непосредственно переходитъ въ самое дѣйствіе. Страстность, съ какою животное обыкновенно преслѣдуетъ предметъ своего пожеланія, дѣлаетъ для насъ наглядною и беззавѣтную власть мотива надъ душею животнаго и его неразрывность съ дѣй-ствіемъ. Дрессированіе, основанное на страхѣ, превращенномъ въ привычку животнаго, только отчасти и то не на всякій случай охлаждаетъ эту страстность. Подобную же тѣс-ную связь побужденій и влѣвшихъ движеній можно наблю-дать и въ дѣтяхъ, и въ людяхъ, мало развитыхъ. Но чѣмъ шире раскрывается въ чело-вѣкѣ самосознаніе, тѣмъ болѣе

переходить онъ отъ мрачной погруженности въ содержаніе своего сознанія, въ живое обладаніе такимъ содержаніемъ, — тѣмъ способнѣе становится менѣе увлекаться возникающимъ въ душѣ его побужденіемъ, а внутренне его сдерживать и затѣмъ спрашивать, необходимо ли или только пріятно слѣдовать существующему мотиву, и въ послѣднемъ случаѣ о самой степени ожидаемаго наслажденія, слѣдствій его по отношенію къ его личности, конечной цѣли его жизни, словомъ спрашивать о значеніи и достоинствѣ самаго мотива. Понятно, что эти вопросы не формулируются съ тою строгою опредѣленностію и не разрѣшаются съ тѣмъ спокойствіемъ, съ какими формулируются и разрѣшаются, напримѣръ, математическія проблемы; но что такіе вопросы вообще переживаются и вызываютъ иногда на тяжелое раздумье, — это несомнѣнно изъ опытовъ жизни каждаго добросовѣстнаго чело-вѣка. Подъ вліяніемъ сильныхъ сердечныхъ волненій и страстей чело-вѣкъ не задаетъ себѣ такихъ вопросовъ, не знаетъ точно самъ, что и какъ дѣлаетъ; но въ этомъ случаѣ его дѣйствія существенно и не отличны отъ дѣйствій животнаго; безъ самосознанія невозможенъ актъ воли и поступокъ въ строго научномъ смыслѣ послѣднихъ словъ. Актъ воли, ея *утилитетность* имѣютъ мѣсто только тамъ, гдѣ даны ясно сознанія побужденія къ дѣйствию, но рѣшеніе, слѣдовать ли имъ, или нѣтъ, слѣдовать ли тому изъ нихъ или другому, не пассивно ожидается, пока одинъ изъ нихъ одержитъ верхъ надъ другимъ, а зависеть отъ свободнаго выбора или оцѣнки сравнительнаго ихъ значенія со стороны независимаго отъ нихъ духа. Если по обычному словоупотребленію и животное *хочетъ* что либо, то говорятъ это въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говорятъ о стремленіи сродныхъ химическихъ веществъ ко взаимному соединенію; въ языкѣ нерѣдки подобныя олицетворенія и часто въ немъ однимъ словомъ обозначаются только внѣшніе и аналогически сходные процессы, но самые эти процессы не перестаютъ быть отъ того качественно и существенно различными. Признавая всѣ свои естественныя побужденія одинаково свойственными своей природѣ, и самое удовлетвореніе ихъ необходимымъ, чело-

вѣкъ при полномъ раскрытіи самосознанія усвоаетъ имъ одинаково не одинаковое достоинство, одни изъ нихъ ставятъ выше другихъ. То самое, что для животнаго служитъ послѣднею цѣлю всѣхъ стремленій и дѣйствій, это для человѣка, какъ существа разумнаго, бываетъ только общимъ условіемъ, средствомъ къ выполненію иныхъ, высшихъ цѣлей. Въ «*Systeme de la Nature*» приводится примѣръ человѣка, колеблющагося между побужденіемъ жажды и страхомъ смерти, такъ какъ ему извѣстно, что вода, которою онъ можетъ теперь утолить свою жажду, отравлена. Будетъ ли пить человѣкъ, или не будетъ,—говорится тамъ далѣе,—дѣйствія его будутъ одинаково необходимы, условлены въ первомъ случаѣ жаждою, въ послѣднемъ страхомъ смерти. Но для каждаго очевидно, что эти дѣйствія, одинаковыя по своей условленности, неодинаковы въ нравственномъ отношеніи; такъ какъ предъ судомъ разума самые ихъ мотивы качественно различны. Утоленіе жажды не составляетъ для человѣка такой цѣли, съ достиженіемъ которой ему остается только отдохнуть до новаго пробужденія жажды. Утоля жажду отравленною водою, человѣкъ изъ за ближайшей цѣли забудетъ болѣе основную и важную, отдаленнѣйшую, поступитъ не цѣлесообразно, что возможно только при потерѣ яснаго сознанія требованій разумной природы. Животное, всегда страстно преслѣдующее свои ближайшія цѣли, столь же страстно пользуется первыми же, представляющимися ему средствами къ такимъ цѣлямъ; но оно поэтому и не признается разумнымъ. Самая физическая жизнь для человѣка, сознаващаго въ себѣ высшія требованія своей природы, имѣетъ цѣну настолько, насколько служитъ общимъ условіемъ къ познанію истины и ея осуществленію или практической правдѣ, при которой, по его вѣрѣ, и возможно только истинное благо и отдѣльныхъ людей и всего человѣчества. По самому ходу историческаго развитія человѣчества мы не можемъ смотрѣть на эпохи невѣрія въ существованіе истины и добра иначе, какъ на болѣзненные переломы въ развитіи отдѣльныхъ народовъ. Существуютъ доселѣ цѣлыя народы и племена, поражающіе своей тупостію въ пониманіи высшихъ разумныхъ интересовъ; но историческая наука частію дока-

зываетъ, частію съ вѣроятностію предполагаетъ, что эти народы и племена таковы не по самой своей природѣ, а только нравственно одряхлѣли и одичали отъ того, что въ теченіе многихъ вѣковъ лишены были необходимаго условія для правльнаго нравственнаго роста, — именно общенія съ другими народами и племенами. Уклоненіе въ подрывъ нормъ, исключенія въ подрывъ правиламъ служить не могутъ. На ряду съ эпохамъ сомнѣнія и недовѣрія къ высшимъ началамъ жизни, исторія изображаетъ намъ эпохи восторженнаго увлеченія такими началами; если въ примѣрѣ дикарей можемъ видѣть, до какой степени человѣкъ можетъ отупѣть и сдѣлаться сходнымъ съ животнымъ, то въ подвигахъ напр. индійскихъ аскетовъ можемъ наблюдать, до какихъ ужасающихъ размѣровъ можетъ быть возвышена способность человѣка отрѣшиться отъ всѣхъ чувственныхъ и личныхъ побужденій для достиженія высшей, пусть и ложно понятой, цѣли жизни. Способность сдерживать свои побужденія, оцѣнивать сравнительное ихъ достоинство, или что тоже — размышлять прежде дѣйствія необходимо усвоаетъ себѣ и каждый отдѣльно возрастной человѣкъ, заявляющій свои права на личную самостоятельность. Свое притязаніе на такія права онъ основываетъ именно на томъ, что онъ знаетъ, что дѣлать, что ему полезно и вредно, что честно, справедливо, нравственно, и можетъ дѣйствовать безъ чужаго руководства, по собственному усмотрѣнію. Усвоивъ себѣ такія права, человѣкъ разъ навсегда признаетъ себя отвѣтственнымъ за свои дѣйствія, лишаетъ себя возможности извинять свои дурныя дѣйствія незнакоміемъ того, что они дурны, не можетъ даже ссылаться въ свое оправданіе на силу соблазна. Соблазнъ, сила внезапнаго сердечнаго волненія ослабляютъ, но не устрояютъ вину человѣка; увлеченія ими онъ не могъ допустить, не подавивъ предварительно противорѣчащихъ ему побужденій своей природы, не заглушивъ голоса предостерегающей совѣсти и смутнаго, по крайпей мѣрѣ, пониманія опасности такого увлеченія. Правда, вполне безпристрастная разумная критика свойственныхъ человѣку побужденій возможна только въ наукѣ, а въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ жизни она всегда терпитъ извѣстныя уклоне-

нія отъ своей идеальной чистоты. Но нѣтъ такихъ ступеней нравственнаго паденія, па которыхъ бы человѣкъ свои лучшія побужденія считать худшими и, даже не слѣдуя имъ въ своей дѣятельности, по крайней мѣрѣ въ минуты внутренняго самоиспытанія, не признавалъ, что слѣдовать имъ было бы лучше. Только душевно-больные могутъ не раскаиваться въ своихъ дурныхъ дѣлахъ, и само общество не осуждаетъ ихъ за такія дѣла, по за то и не признаетъ за ними правъ на самостоятельную жизнь, на дѣятельность безъ сторонняго надзора.

Указанное нами отношеніе самосознательнаго духа къ своимъ мотивамъ дало поводъ Лейбницу замѣтить, что мотивъ только склоняетъ, а не увлекаетъ полновластно волю человѣка къ извѣстному дѣйствию (*inclinans quidem, non tamen necessitans*). Такой способъ представленія дѣла можно упрекнуть развѣ въ излишней образности; но было бы несправедливо, по примѣру Шопенгауера, совершенно пренебрегать имъ, какъ полумыслію. «Если, говоритъ онъ, мотивъ признавъ въ качествѣ причины, дѣйствующей на волю человѣка, то при возможномъ противодѣйствіи этой причинѣ требуется только соразмѣрное увеличеніе ея силы,— и дѣйствіе послѣдуетъ неизбежно. Кто не соблазняется десятью дукатами, колеблется, того соблазнить сотня дукатовъ». Но и у Лейбница не было намѣренія доказывать непреклонность человѣка предъ соблазнами, онъ утверждаетъ только его способность сдерживать соблазнительное побужденіе, ему противодѣйствовать, а такую способность, очевидно, допускаетъ молча и самъ Шопенгауеръ. Нельзя отрицать, что полное самообладаніе человѣка—не повсюдный въ жизни фактъ, а относительно рѣдкое явленіе; что оно не дано человѣку вмѣстѣ съ рожденіемъ и самую способностію къ нему обладаютъ не всѣ въ равной мѣрѣ, что способность эта нуждается въ образованіи и упражненіи, что образованіе ея во многомъ зависитъ отъ условій жизни, что и для противодѣйствія мотиву человѣкъ долженъ имѣть особое побужденіе и не можетъ непосредственно уничтожать дурныхъ влеченій, а побуждаетъ ихъ сосредоточеніемъ вниманія на другихъ, противоположныхъ имъ, стремленіяхъ, слѣдова-

тельно и въ самомъ господствѣ надъ своими побужденіями ограниченъ механическими законами ихъ возникновенія и движенія. Но все это доказываетъ, что человѣку недоступно безусловное самообладаніе, что разнымъ людямъ, и тому же человѣку въ разные періоды и минуты его жизни свойственно оно въ различной мѣрѣ, но не отрицаетъ въ человѣкѣ вообще способность къ такому самообладанію.

Но утверждая вопреки крайнимъ детерминистамъ, что человѣкъ можетъ сдерживать свои инстинктивныя побужденія и затѣмъ слѣдовать тѣмъ изъ нихъ, какія признаетъ лучшими, мы не считаемъ человѣка, вмѣстѣ съ индетерминистами, способнымъ постоянно холодно и безпристрастно относиться къ этимъ своимъ побужденіямъ, съ каждой произвольно взятой минуты жизни начинать совершенно новый образъ жизни и родъ дѣятельности. Усвоивъ человѣку такую способность, мы будемъ вынуждены представлять его не индивидуальной личностію, а чѣмъ-то совсѣмъ неопредѣленнымъ; его прошедшее потеряетъ тогда для насъ всякую связь съ настоящимъ и не будетъ содержать въ себѣ никакихъ указаній на его будущее. Между тѣмъ подобный взглядъ на человѣка, безспорно устраняющій всякую возможность науки о человѣкѣ, не чуждъ обычному сознанію. Мы обыкновенно бываемъ склонны думать о каждомъ опредѣленномъ направленіи отъ природы намъ свойственной способности, какъ о внѣшней, совершенно случайной ея формѣ, которую она можетъ принимать и сбрасывать, сама отъ того нисколько не страдая. Такой эстетическій взглядъ, по которому направленіе душевной способности отдѣляется отъ ея сущности, акты душевной дѣятельности отъ самой способности къ такимъ актамъ, при настоящемъ развитіи психологическаго знанія ¹⁾, не можетъ заявлять притязанія на научное значеніе. На самомъ дѣлѣ каждое частное отправленіе душевной жизни бываетъ условлено рядомъ предыдущихъ отправленій того же рода, и само въ свою очередь опредѣляетъ послѣдующія; каждый частный актъ душевной

¹⁾ Еще за долго до Гербарта противъ олицетворенія душевныхъ способностей возставалъ Д. Локъ. См. de intellectu humano. с. XXI, § 6.

способности слѣдовательно вносить уже измѣненіе въ самую способность къ такимъ актамъ; иными словами ту же мысль можно выразить такъ: каждая душевная способность есть нечто иное, какъ наше собственное понятіе, обнимающее собою цѣлый рядъ сродныхъ, одинъ изъ другаго развивающихся фактовъ сознанія. Надъ всѣмъ развитіемъ стремящагося къ безконечной цѣли, но владѣющаго ограниченными силами человѣческаго духа господствуетъ законъ привычки въ обширномъ смыслѣ этого послѣдняго слова. По силѣ этого закона каждое, разъ пробужденное въ душѣ и ей свойственное побужденіе, постепенно теряя свою первоначальную живость, съ каждымъ удовлетвореніемъ становится для насъ все болѣе необходимымъ, требованія его все болѣе настоятельными, средства же къ его оживленію должны быть все болѣе утонченными. Такимъ образомъ привычка, постепенно изоцряя воспріимчивость души къ однимъ возбужденіямъ, также постепенно ослабляетъ ее для другихъ, съ ними несродныхъ, — развивая душевную дѣятельность въ одномъ направленіи, ограничиваетъ ее во всѣхъ остальныхъ.

Факты всесторонней воспріимчивости къ впечатлѣніямъ всякаго рода, непостоянства и быстрой смѣны всѣхъ чувствъ и побужденій, какими характеризуется дѣтскій возрастъ, не позволяютъ намъ съ Шопенгауеромъ признать характеръ чловѣка врожденнымъ, допустить вмѣстѣ съ Кантомъ въ чловѣкѣ врожденные склонности, развивающіяся вопреки всѣмъ условіямъ воспитанія. Но съ другой стороны индивидуальная разниця подъ одними и тѣми же условіями воспитанныхъ людей была бы для насъ необъяснима, если бы душа, какъ думали иные, была отъ природы неисписаннымъ листомъ, на который опредѣленныя черты заносятся уже внѣшними вліяніями, — если бы ей вслѣдствіе наслѣдственныхъ особенностей тѣлесной организаціи не была прирождена бѣльшая *воспріимчивость* къ однимъ впечатлѣніямъ, чѣмъ къ другимъ. Эта индивидуальная особенность, заявляющая себя особымъ сочувствіемъ къ какимъ либо чувственнымъ или личнымъ интересамъ, сама по себѣ нравственно безразлична. Идеалъ нравственнаго совершенства не былъ бы идеаломъ развивающагося

человѣчества, если бы онъ былъ понимаемъ постоянно и вполнѣ однообразно, если бы осуществленіе его лишено было индивидуальныхъ оттѣнковъ. Историческіе провозвѣстники нравственныхъ идей были всего менѣе слабыми, лишенными индивидуальныхъ особенностей, личностями. Но тѣже чувственные или личные интересы перестаютъ быть нравственно безразличными, какъ скоро получаютъ господствующее значеніе въ душѣ человѣка, отодвигая на задній планъ его высшіе, общечеловѣческіе интересы. Такого впрочемъ значенія они не могутъ достигнуть въ теченіе продолжительнаго дѣтства человѣка вслѣдствіе слабости тѣлеснаго организма и слишкомъ живой впечатлительности этой поры жизни человѣка. Склонности и страсти или увлеченія низшими и ограниченными интересами зарождаются и слагаются объ руку съ раскрытіемъ сознанія всѣхъ другихъ, свойственныхъ человѣческой природѣ, побужденій, слѣдовательно при существующей уже оцѣнкѣ ихъ сравнительнаго достоинства. Удовлетвореніе низшаго влеченія сопровождается оскорбленіемъ побужденій высшихъ, раскаленіемъ человѣка, его рѣшимостію въ другомъ подобномъ случаѣ поступить иначе. Случай представляется,—илибо рѣшимость человѣка оказывается спльною противостоятъ соблазну и человѣкъ дѣлаетъ шагъ къ побѣдѣ надъ склонностію,—либо удовольствіе поступить по склонности ослабляетъ строгость прежняго намѣренія, и человѣкъ поддается соблазну. Теперь, съ удовлетвореніемъ склонности, усиливается раскаленіе человѣка, рѣшимость исправиться возобновляется, получаетъ удвоенную силу, но въ тоже время и склонность своею побѣдою обезпечила себѣ успѣхъ въ будущей подобной борьбѣ, и въ ней потребуеть себѣ удовлетворенія несравненно настоятельнѣе чѣмъ прежде. Но такая борьба противоположныхъ интересовъ не бываетъ продолжительна; рядъ успѣховъ или неудачъ либо возвышаетъ, либо ослабляетъ самую энергію рѣшающагося человѣка; или тотъ или другой кругъ интересовъ, достигая въ душѣ преобладающаго значенія, суживаетъ самую ея воспримчивость къ другимъ, противоположнымъ. Въ человѣкѣ слагается *характеръ* или привычка рѣшаться определеннымъ образомъ. Характеръ человѣка бываетъ или добрый или злой,

смотря по дѣлямъ, какія онъ преслѣдуетъ въ своей жизни. Но въ обоихъ случаяхъ человѣкъ проявляетъ самоограниченіе и самообладаніе, такъ какъ постоянно рѣшаться однимъ извѣстнымъ образомъ онъ не можетъ, не сдерживая и не подавляя въ себѣ другихъ, противоположныхъ своей рѣшимости, побужденій своей природы. «Сказать о человѣкѣ, замѣчаетъ Кантъ (*Antropol. v. Character*), что онъ имѣетъ характеръ, значить усвоить за нимъ нѣчто, что заставляетъ отнестись къ нему съ уваженіемъ; такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не о томъ, что природа дѣлаетъ изъ человѣка, а что онъ самъ изъ себя дѣлаетъ». Но наше въ нѣкоторомъ родѣ почтительное отношеніе къ человѣку съ злымъ характеромъ основывается единственно на эстетическомъ впечатлѣніи отъ той непреклонной стойкости и той громадной энергіи, какія онъ раскрываетъ въ злой своей дѣятельности. Уваженіе же къ нравственно твердому характеру вызывается не однимъ только этимъ его постоянствомъ и энергіей, но и высотой осуществленной имъ задачи и тѣмъ благомъ, какое создается его дѣятельностію. Чѣмъ нравственно ниже интересъ, тѣмъ онъ исключительнѣе; минуты одушевленія, какія испытываетъ страстно преслѣдующій его человѣкъ, онъ долженъ искупать болѣзненнымъ чувствомъ стѣсненія и подавленности высшихъ сторонъ своей природы. Нравственные интересы не имѣютъ этого исключительнаго характера: самый нравственный законъ, по замѣчанію Гёте, не подавляетъ насъ своею обязательною силою, такъ какъ все доброе мы по своей собственной природѣ любимъ; одушевляясь нравственною идеею, мы чувствуемъ истинное возвышеніе своего собственнаго существа. Истинная свобода есть только свобода нравственная.— На вопросъ: можетъ ли человѣкъ съ сложившимся злымъ характеромъ исправиться, а съ добрымъ—нравственно пасть, мы можемъ отвѣчать только, что какъ то исправленіе, такъ и это паденіе по времени становятся труднѣе, средства къ пробужденію долго сдерживаемыхъ или заглушаемыхъ стремленій съ теченіемъ времени требуются все болѣе сильныя и потрясающія, и самый человѣкъ, чѣмъ долѣе и энергичнѣе дѣйствовалъ въ одномъ направленіи, окажется менѣе способнымъ къ одушевленной дѣл-

тельности въ другомъ. Но самой возможности исправленія или паденія вообще отрицать нельзя; разумно не могутъ быть оправданы ни полное отчаяніе преступника, ни самоуспокоивающійся покой человѣка добродѣтельнаго. Самая истинная свобода не есть какой либо твердый, вполне обезпеченный фактъ нашего сознанія, а только постепенно достигаемая, но никогда вполне не достижимая цѣль всей нашей жизни и дѣятельности.

Въ высказанномъ опредѣленіи характера могутъ найти себѣ примиреніе крайности детерминистовъ и индетерминистовъ. Характеръ, какъ результатъ рѣшимостей воли, не врожденъ, а создается тѣмъ самымъ человѣкомъ, который имъ обладаетъ. При этомъ своемъ опредѣленномъ характерѣ человѣкъ въ этихъ опредѣленныхъ обстоятельствахъ поступитъ совершенно опредѣленно. Но что онъ имѣетъ такой именно характеръ, въ томъ его собственная вина или заслуга, за которыя онъ и самъ себя или порицаетъ или одобряетъ.

Если мы признаемъ, что матеріальное, умственное и нравственное состояніе общества и его настроеніе служатъ постоянными и только медленно измѣняющимися условіями дѣятельности частныхъ членовъ общества; то для насъ не будетъ совершенно непонятнымъ почти одинаковое количество судебныхъ преступленій въ короткіе, одинъ за другимъ слѣдующіе, промежутки времени. Но въ тоже время признавая за человѣкомъ способность противодѣйствовать внѣшнимъ вліяніямъ, мы не будемъ смотрѣть на самыя эти условія, какъ на суровую необходимость, существующую прежде человѣческихъ дѣйствій и въ извѣстный періодъ времени, какъ жертвы, требующую точно опредѣленнаго числа проступковъ; мнимый законъ непоколебимыхъ чиселъ, съ полною таинственности силою находящій себѣ осуществленіе, несмотря ни на какія противодѣйствія со стороны человѣка, есть пустая абстракція, лишенная опредѣленнаго смысла. Самый темпераментъ и нравственное состояніе общества, условливающіе дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, не составляютъ чисто природнаго произведенія;

но и сами въ свою очередь обусловлены личными стремленіями отдѣльныхъ людей къ нравственному совершенству; не вынуждая человѣка къ дѣятельности, а только возбуждая его къ самодѣятельности, они и сами бываютъ отчасти результатомъ такой самодѣятельности.

Если бы преступленія не были слѣдствіемъ собственнаго характера человѣка, имъ самимъ созданнаго, были бы совершенно случайны по отношенію къ его личности, тогда наказанія преступниковъ были бы лишены разумнаго основанія; преступно было бы самое дѣло, а не лицо. Наказаніе можетъ быть оправдываемо только предположеніемъ, что преступникъ сознательно желалъ своего преступнаго дѣла, будетъ желать его и въ будущемъ, слѣдовательно, не можетъ уже отказываться и отъ всѣхъ необходимыхъ послѣдствій этого своего дѣла.— Но наказаніе не было бы разумно и въ томъ случаѣ, когда бы дѣйствіе преступника было необходимымъ слѣдствіемъ чисто природныхъ особенностей человѣка; тогда преступна была бы не личность человѣка, а природа. Послѣдовательно проводя тотъ взглядъ Спинозы, по которому будто бы общество въ своихъ наказаніяхъ преступниковъ руководится тѣми же соображеніями, по какимъ убиваютъ ядовитыхъ змѣй, несколько невиноватыхъ въ томъ, что онѣ ядовиты,—мы вернемся къ строгости драконовыхъ законовъ, казнившихъ смертію за самое незначительное воровство.

Безъ высказаннаго понятія о характерѣ, мы находились бы въ подобномъ затрудненіи и при рѣшеніи вопроса о воспитаніи. Впрочемъ детерминистъ этимъ вопросомъ мало затрудняется; все дѣло воспитанія онъ сводитъ на простую дрессуру, одинаково примѣнимую какъ къ человѣку, такъ и къ животному. Несравненно труднѣе положеніе индетерминиста. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ каждую минуту своей жизни можетъ сдѣлаться разбойникомъ, убійцею, то къ чему могутъ служить всѣ труды по его воспитанію? Труды эти можетъ принимать на себя наставникъ, только одушевляясь увѣренностію, что человѣка можно привести въ такое состояніе, при которомъ тотъ рѣзкій переходъ къ безнравственной жизни для него бываетъ уже нравственно невозможнымъ. Требуется стало быть

одно изъ двухъ: или отказаться отъ возможности педагогич., или же согласиться, что воля человѣка не способна въ каждый новый моментъ жизни начать совершенно новый рядъ дѣйствій, а гдѣ образовался характеръ, тамъ дѣйствія должны быть совершаемы такъ, какъ они совершаются.

X....

„ТЕОДИЦЕЯ“ ЛЕЙБНИЦА.

Разсужденіе о благодѣи Божіей, свободѣ чловѣческой и началѣ зла.

(Продолженіе *).

36. Переходимъ къ затрудненіямъ. Въ настоящее время философы согласны, что истинность будущихъ случайныхъ событій опредѣлена, т. е. что будущія случайныя событія совершатся, или что онѣ будутъ, что произойдутъ; потому что столько же достовѣрно то, что будущее совершится, какъ и то, что прошедшее совершилось. Одинаково было истинно за сто лѣтъ предъ симъ то, что я буду писать сегодня, какъ будетъ истинно спустя сто лѣтъ послѣ сего то, что я писалъ. Такимъ образомъ, случайное событіе, осуществляясь въ будущемъ, не дѣлается поэтому менѣе случайнымъ; и *опредѣленіе*¹⁾, которое признаютъ *достоверностію*, если бы было понято, не несогласно съ случайностію. Часто принимаютъ *достоверное* и *опредѣленное* въ одномъ и томъ же смыслѣ; потому что опредѣленная истина можетъ быть дознана, такъ что можно сказать, что *опредѣленіе* есть объективная достовѣрность.

37. Это опредѣленіе вытекаетъ изъ самой природы истины и не можетъ вредить свободѣ; но существуютъ другія опредѣленія, заимствуемая отъ индустри, и прежде всего изъ предвѣденія Божія, которыя многіе признаютъ противорѣчащими свободѣ. Ибо говорятъ, что то, что предвидятъ, не можетъ не

*) См. ж. «Вѣра Разумъ» 1889 г. № 1.

1) Т. е. опредѣленіе фактовъ, вытекающихъ изъ домірной связи истинъ.

существовать, и говорятъ правду; но отсюда не слѣдуетъ, что предвидимое необходимо, потому что *необходимая истина* есть та, которой противоположная мысль невозможна и содержитъ противорѣчіе. Таже истина, которая утверждаетъ, что я завтра буду писать, не принадлежитъ къ этому роду, она вовсе не необходима. Но предположивши, что Богъ ее предвидитъ, необходимо, чтобы она совершилась, т. е. необходимо ея слѣдованіе. именно—ея существованіе, такъ какъ она была предвидима, Богъ же непогрѣшимъ. Это то и есть то, что называютъ *ипотетическою необходимостію*. Но дѣло идетъ не объ этой необходимости; требуется необходимость безусловная для того, чтобы можно было сказать, что извѣстное дѣйствіе необходимо, что оно вовсе не случайно, что оно не есть проявленіе свободнаго выбора. И вотъ очень легко видѣть, что предвѣдѣніе само собою ничего не прибавляетъ къ опредѣленію истинности будущихъ случайныхъ событій, за исключеніемъ лишь того, что это опредѣленіе было извѣстно; а это рѣшительно не усиливаетъ опредѣленія или (какъ выражаются) будущаго существованія (*futuritiam*) этихъ событій, которыя мы согласились допустить съ самаго начала ¹⁾).

38. Безъ сомнѣнія, этотъ отвѣтъ правленъ; всѣ согласны, что предвѣдѣніе само собою рѣшительно не дѣлаетъ истины болѣе опредѣленною; она была предвидима, потому что была опредѣлена, потому что была вѣрна; но въ этомъ предвѣдѣ-

¹⁾ Параграфы 36 и 37, какъ замѣчаетъ Кирхманъ, представляютъ не мало трудностей для своего пониманія. Подъ «случайнымъ событіемъ» Лейбницъ разумѣетъ такое событіе, которое хотя имѣетъ свою причину, или свое основаніе, но неосуществленіе котораго въ дѣйствительности не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія. Все это согласно съ ученіемъ Лейбница о двойной необходимости, *логической*, которой противоположное положеніе содержитъ противорѣчіе и поэтому представляется невозможнымъ; и *физической* или *нравственной*, которая хотя тоже опредѣлена доірнымъ правиломъ, но противоположное явленіе которой не ведетъ еще къ противорѣчію, и слѣдовательно возможно. При перваго рода необходимости будущихъ событій, субъекту усвоится такой предикатъ, который дѣйствительно ему принадлежитъ. Пусть два лица, разсуждая о какомъ либо будущемъ событіи этого рода, расходятся въ своихъ мнѣніяхъ; во всякомъ случаѣ одно изъ этихъ лицъ усвоитъ субъекту такой предикатъ, который дѣйствительно ему принадлежитъ. Напротивъ того, въ «будущихъ случайныхъ событіяхъ» усвоеніе или не усвоеніе субъекту предиката равно можетъ быть истиннымъ и не ве-

ніи знаніе будущаго ничего не имѣеть такого, что не существовало бы также въ знаніи прошедшаго или настоящаго. Но вотъ что противникъ можетъ возразить: я согласенъ съ вами, что предвѣдѣніе само собою не дѣлаетъ истину болѣе опредѣленною, но именно по причинѣ предвѣдѣнія она становится опредѣленною. Ибо необходимо, чтобы предвѣдѣніе Божіе имѣло свое основаніе въ природѣ вещей; а это основаніе, дѣлая истину *предопредѣленною*, мѣшаетъ ей быть случайною и свободною.

39. Это затрудненіе дало бытіе двумъ партіямъ: партіи *предетерминистовъ* и партіи защитниковъ *средняго знанія*. Доминикане и августиніане стоятъ за предетерминизмъ, а францискане и современные іезуиты скорѣе за среднее знаніе. Обѣ партіи возникли въ срединѣ шестнадцатаго столѣтія и нѣсколько позже. Самъ Молина (который быть можетъ первый вмѣстѣ съ Фонзкою развилъ эту мысль связно и отъ котораго другіе стали называться молинистами) въ книгѣ, изданной имъ около 1570 г., о согласіи свободной воли съ благодатію, говоритъ, что испанскіе доктора (онъ разумѣеть преимущественно *ѳомистовъ*), писавшіе лѣтъ двадцать тому назадъ, не находя другаго средства для объясненія того, какимъ образомъ Богъ можетъ имѣть достовѣрное знаніе о будущихъ случайныхъ событіяхъ, признали предопредѣленіе необходимымъ и для свободныхъ дѣйствій.

детъ еще къ какому либо логическому противорѣчію. Последняго рода будущія событія и стоятъ, повидному, въ противорѣчій съ предвѣдѣніемъ; она, повидному, совершенно безпричинны, свободны и даже произвольны. По общераспространенному мнѣнію, свобода именно требуетъ, чтобы свободное дѣйствіе появлялось безъ всякой причины, чтобы оно возникало изъ чистѣйшаго произвола дѣйствующаго лица, чтобы само дѣйствующее лицо не могло заблаговременно предсказать и знать о появленіи этого событія. Поэтому самъ Богъ не можетъ предвидѣть или знать появленіе подобныхъ событій. Напротивъ того, если Богъ предвидитъ эти событія, то Онъ уже знаетъ и тѣ причины, которыя вызовутъ ихъ къ бытію, хотя человекъ можетъ и не сознавать этихъ причинъ; слѣдовательно событія эти тоже необходимы. Лейбницъ такъ и думаетъ; онъ допускаетъ существованіе необходимости этихъ событій, но называетъ эту необходимость *ипотетическою*, а не *абсолютною*. Въ чемъ же здѣсь состоитъ различіе этихъ двухъ необходимостей, и на чемъ основано оно? Вопросъ остается не рѣшеннымъ.

40. Самъ же онъ думалъ, что нашелъ другое средство. Онъ полагалъ, что существуетъ три рода божественнаго знанія: знаніе событій возможныхъ, дѣйствительныхъ и условныхъ, изъ коихъ послѣднія дѣйствительно наступятъ, если будутъ даны соотвѣтственныя условія. Знаніе возможныхъ событій есть то, которое называется *простымъ разсудочнымъ знаніемъ* (de simple intelligence); знаніе событій, совершающихся по теченію природы, называется *знаніемъ видѣнія*. И такъ какъ есть средній видъ между просто возможнымъ и событіемъ чистымъ и безусловнымъ, именно знаніе событія условнаго, то можно также сказать, какъ думаетъ Молина, что существуетъ *знаніе среднее* между знаніемъ видѣнія и знаніемъ разсудочнымъ. Въ поясненіе этого знанія обыкновенно ссылаются на извѣстный примѣръ Давида, который спрашивалъ божественнаго откровенія о томъ, откроютъ-ли жители города Кеила, гдѣ онъ намѣренъ былъ заключиться, свой городъ Саулу, въ случаѣ, если Саулъ осадитъ его; Богъ отвѣтствовалъ, что «да», и Давидъ отправился оттуда въ другую сторону. Изъ этого нѣкоторые защитники этого знанія полагаютъ, что Богъ, предвидя, какъ люди воспользуются свободою при такихъ или другихъ обстоятельствахъ, и зная, что они злоупотребятъ своею свободою волею, опредѣляетъ отказать имъ въ милости и въ благопріятныхъ обстоятельствахъ; и Онъ можетъ опредѣлять это справедливо, потому что ни эти обстоятельства, ни эта помощь не послужатъ ни къ чему хорошему. Но Молина довольствуется при этомъ нахожденіи вообще причины божественныхъ опредѣленій, основанныхъ на томъ, какъ свободное твореніе поступитъ среди такихъ или иныхъ обстоятельствъ.

41. Я не вхожу во всѣ подробности этого спора; мнѣ достаточно привести лишь одинъ образчикъ. Нѣкоторые древніе, которыми св. Августинъ и его ближайшіе ученики не были довольны, имѣли кажется мысли довольно сходныя съ мыслями Молины. Томисты и тѣ, которые назывались учениками св. Августина, но которыхъ противники называли яansenистами, опровергали это ученіе философски и богословски. Но главное возраженіе направляется противъ основанія этого знанія. Ибо какое основаніе могъ-бы имѣть Богъ, чтобы ви-

дѣть, какъ поступать кеилиты? Простой актъ случайности и свободы не заключаетъ въ себѣ ничего, что могло бы служить началомъ достовѣрнаго знанія, если только не признать ихъ predetermined божественными рѣшеніями и причинами, отъ которыхъ эти рѣшенія зависятъ. Такимъ образомъ затрудненіе, встрѣчающееся для знанія дѣйствій свободныхъ и происходящихъ, будетъ существовать также и для знанія дѣйствій свободныхъ условныхъ, т. е. Богъ можетъ ихъ знать подъ условіемъ знанія ихъ причинъ и своихъ рѣшеній, служащихъ первыми причинами всѣхъ вещей. И ихъ нельзя отдѣлять отъ этихъ причинъ въ томъ смыслѣ, чтобы случайное событіе можно было знать независимо отъ его причинъ. Итакъ все должно быть сведено къ predetermined божественныхъ рѣшеній; итакъ это среднее знаніе, говорятъ, не можетъ служить ни къ чему. Богословы, заявляющіе себя послѣдователями св. Августина, утверждаютъ также, что положенія молинистовъ ведутъ къ нахожденію источника божественной милости въ добрыхъ качествахъ человѣка, что они признаютъ противорѣчащимъ славѣ Божіей и ученію св. Павла.

42. Было бы продолжительно и утомительно входить здѣсь въ критическія и антикритическія сужденія, которыя предлагаемы были съ обѣихъ сторонъ; достаточно, если я изложу, какъ я понимаю, то, что есть истиннаго въ обѣихъ сторонахъ. Для этой цѣли я возвращаюсь къ моему принципу безконечнаго числа возможныхъ міровъ, представляемыхъ въ области вѣчныхъ истинъ, т. е. въ объектѣ божественнаго разума, гдѣ всѣ будущія условныя событія должны быть извѣстны. Ибо случай осады Кея принадлежитъ возможному міру, отличающемуся отъ нашего лишь во всемъ томъ, что имѣетъ связь съ этою гипотезою, и идея этого возможнаго міра представляетъ то, что произошло бы въ данномъ случаѣ. Итакъ мы имѣемъ принципъ для знанія извѣстныхъ будущихъ случайныхъ событій, произойдутъ ли они дѣйствительно, или должны были бы произойти въ извѣстномъ случаѣ. Ибо въ области возможностей они были представляемы такими, какими суть, т. е. случайными и свободными. Такимъ образомъ, ни предвѣдѣніе будущихъ случайныхъ событій, ни основаніе досто-

вѣрности этого предвѣдѣнія не должны затруднять насъ, или не могутъ причинять ущерба нашей свободѣ. И если бы было вѣрно, что будущія случайныя событія, состоящія въ свободныхъ дѣйствіяхъ разумныхъ тварей, совершенно независимы отъ опредѣленій Божіихъ и вѣшнихъ причинъ; то и тогда существовало бы средство предвидѣть ихъ. Потому что Богъ видѣлъ бы ихъ такими, какими они суть въ области возможностей, прежде опредѣленія своего о приведеніи ихъ въ бытіе ¹⁾).

43. Но если предвѣдѣніе Божіе не имѣетъ ничего общаго съ зависимоію или независимоію нашихъ свободныхъ дѣйствій; то нельзя того-же сказать о божественномъ предопредѣленіи, его рѣшеніяхъ и связи причинъ, о которыхъ я думаю, что они всегда имѣютъ вліяніе на опредѣленіе воли. И если я стою за молинистовъ въ первомъ случаѣ, то во-второмъ случаѣ я стою за предетерминистовъ, съ тѣмъ однако же ограниченіемъ, что предопредѣленія не признаю принужденіемъ. Однимъ словомъ, я держусь того мнѣнія, что воля всегда склоняется въ ту сторону, которую принимаетъ, но что она никогда не подпадаетъ необходимости принять ее. Досто вѣрно, что она приметъ эту сторону, но нѣтъ необходимости, чтобы она приняла ее непременно, соотвѣтственно съ слѣдующимъ общезвѣстнымъ выраженіемъ: *Astra inclinant, non necessitant* (звѣзды склоняютъ, но не принуждаютъ), хотя случай здѣсь не совершенно подобенъ. Потому что событіе, къ которому склоняютъ звѣзды (говоря простонародно, какъ если бы астрологія имѣла бы нѣкоторое основаніе), не всегда случается; между тѣмъ какъ сторона, къ которой воля болѣе склонна, всегда будетъ принята. Такимъ образомъ звѣзды

¹⁾ Настоящій доводъ Лейбница представляется мало убѣдительнымъ. Лейбницъ говоритъ, что случай съ кельтами принадлежитъ въ идеѣ другому міру; но случай этотъ былъ возможенъ и въ нашемъ мірѣ, какъ и въ другомъ. Какъ въ возможномъ, такъ и въ дѣйствительномъ мірѣ кельты одинаково могли измѣнить или не измѣнить Давиду. Если же Богъ предвидитъ то, какъ именно поступать кельты, въ нашемъ-ли мірѣ или въ другомъ, то Онъ предвидитъ это на основаніи связи причинъ, что Лейбницъ и утверждаетъ и отсюда объясняетъ предвѣдѣніе Божіе; но это уже трудно согласить съ человѣческою свободою, хотя нашъ философъ и признаетъ существованіе этой свободы. Дѣло въ томъ, что Лейбницъ имѣетъ своеобразное понятіе о свободѣ, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

производятъ только часть склоненій, способствующихъ возникновенію событія; но когда говорятъ о сильнѣйшемъ склоненіи воли, то говорятъ о результатѣ всѣхъ склоненій, почти также, какъ я выше сказалъ о послѣдующей волѣ въ Богѣ, вытекающей изъ всѣхъ предшествующихъ воль ¹⁾.

44. Однако-же объективная достовѣрность или опредѣленіе не дѣлаетъ опредѣляемой истины необходимою. Всѣ философы признаютъ это, допуская, что истинность будущихъ случайныхъ событій опредѣлена, и тѣмъ не менѣе эти событія не перестаютъ оставаться случайными; именно потому что случай не будетъ заключать въ себѣ никакого противорѣчія, если осуществленіе не произойдетъ, такъ какъ въ этомъ собственно и состоитъ *случайность*. Чтобы лучше понять это, надобно принять во вниманіе, что есть два начала нашихъ умозаклю-

1) Параграфъ 43 и слѣдующіе за нимъ содержатъ весьма важныя понятія Лейбница о свободѣ воли. Лейбницъ ни индетерминистъ, ни детерминистъ; по нему, свобода не есть безпричинный произволь, но она не подчинена и причинной необходимости. Свобода всегда руководствуется разумнымъ основаніемъ; это основаніе образуетъ въ ней расположеніе, которое въ свою очередь и склоняетъ (*inclinat*) ее въ ту или другую сторону; воли, говоритъ Лейбницъ, всегда принимаетъ ту сторону, расположеніе въ которой всего болѣе склоняетъ ее. Тѣмъ не менѣе воля изъята отъ необходимости; несомнѣнно, что она послѣдуетъ за сильнѣйшимъ расположеніемъ; но это не необходимо, т. е. противоположное рѣшеніе воли не заключало бы въ себѣ никакого логическаго противорѣчія. Въ другихъ мѣстахъ своей «Теодицеи» Лейбницъ утверждаетъ, что въ рѣшеніяхъ воли существуетъ такая-же *правильность*, какъ и въ теченіи природы; но нѣтъ абсолютной *необходимости*. И правильность эта можетъ равно выражаться какъ въ добромъ, такъ и въ дурномъ направленіи нашей свободной воли. Такимъ образомъ, истинная свобода исключаетъ безпричинный произволь и фатальную необходимость, и состоитъ въ *правильности*, или въ гипотетической необходимости. Замѣчательно, что понятія эти, столь близкія къ психологическому детерминизму, хотя и не тождественныя съ нимъ, раздѣляются многими современными намъ юристами и психологами. Замѣчательно также, что Лютеръ, какъ теперь открывается, тоже держался подобныхъ воззрѣній на свободу нашей воли. Въ сочиненіи своемъ: «De servo arbitrio» онъ, оспаривая свободу нашей воли, жалуется однакоже, что для выраженія противоположныхъ свободъ понятій обыкновенно пользуются словомъ: *необходимость*, *quod non recte dicitur neque de divina, neque de humana voluntate; est enim nimis ingratae et incongruae significationis pro hoc loco, quandem coactionem ingerens intellectus etc.* (Слово это не употребляется правильно ни въ отношеніи къ божественной волѣ, ни въ отношеніи къ человѣческой; ибо въ данномъ случаѣ оно даетъ слишкомъ невѣрное и неточное значеніе о томъ, какое содѣйствіе оказываетъ разумъ и пр.).

ченій: первое есть *начало противорѣчя*, которое утверждаетъ, что изъ двухъ противорѣчащихъ предложеній одно есть истинное, а другое ложное ¹⁾; второе начало есть *естъ начало достаточнаго основанія*, по которому никогда ничто не случается безъ какой-либо причины или, по крайней мѣрѣ, безъ достаточнаго основанія, т. е. безъ чего-либо такого, что можетъ служить указаніемъ на основаніе *a priori*, почему существованіе чего-либо допускается скорѣе, чѣмъ существованіе всего другаго. Этотъ великій принципъ имѣетъ мѣсто во всѣхъ событіяхъ, и никогда не представляютъ намъ ни одного противорѣчащаго примѣра; и хотя большею частію эти опредѣляющія основанія намъ недостаточно извѣстны, но мы не перестаемъ предполагать, что они здѣсь существуютъ. Безъ этого великаго принципа, мы никогда не могли-бы доказать бытія Божія, и мы потеряемъ безконечное число очень справедливыхъ и очень полезныхъ выводовъ, для которыхъ принципъ этотъ служитъ основаніемъ. Онъ не допускаетъ никакого изъятія, иначе сила его была бы ослаблена. И нѣтъ ничего слабѣе тѣхъ системъ, гдѣ все колеблется и гдѣ все полно исключеніями. Въ этомъ нельзя упрекнуть принципъ, защищаемый мною, гдѣ все совершается на основаніи общихъ правилъ, болѣе или менѣе ограничивающихъ другъ друга ²⁾.

1) Очевидно Лейбницъ говоритъ здѣсь о законѣ исключеннаго третьяго; потому что законъ противорѣчя утверждаетъ только, что противорѣчащія себѣ положенія не могутъ существовать одновременно; я слѣдовательно, ничего не говорю объ ихъ истинности. Законъ же исключеннаго третьяго основывается не на законѣ противорѣчя, а на природѣ «ничто». Именно «ничто» каждый разъ дѣлится въ мышленіи все мыслимое въ отношеніи къ возможности на двѣ части, изъ коихъ одна часть содержитъ опредѣленное положительное (А), а другая содержитъ «ничто» А т. е. всю остальную часть мыслимаго, въ которой нѣтъ положительнаго А. Когда такимъ образомъ все мыслимое посредствомъ «ничто» дѣлится на двѣ части, то отсюда заключаемъ, что чего либо третьяго, которое не было-бы ни А, ни не-А нѣтъ и быть не можетъ; другими словами отсюда приходимъ къ заключенію, что одно изъ двухъ противоположныхъ положеній, принятыхъ нами, должно быть истиннымъ.

2) Философы обыкновенно различаютъ причину отъ основанія; между тѣмъ какъ Лейбницъ въ настоящемъ §, повидному, и то и другое подводитъ подъ одно общее названіе основанія. Но въ дальнѣйшихъ §§ онъ уже ясно различаетъ законъ причинности и законъ достаточнаго основанія. По нему, первый законъ содержитъ

45. Такимъ образомъ нельзя вообразать себѣ съ нѣкоторыми схоластиками, вдающимися нѣсколько въ химерныя представленія, будто будущія случайныя свободныя событія изъяты изъ этого общаго правила природы вещей. Всегда существуетъ преобладающее основаніе, которое направляетъ волю въ ея выборѣ, и для сохраненія свободы достаточно, чтобы это основаніе склоняло, но не принуждало. Эту же мысль раздѣляютъ всѣ древніе, Платонъ, Аристотель и св. Августинъ. Воля всегда склоняется къ дѣйствию только представленіемъ добра, которое преобладаетъ надъ представленіями противоположными; это допускаютъ также въ отношеніи къ Богу, къ добрымъ ангеламъ и душамъ, достигшимъ блаженства, и не смотря на это ихъ все-же признаютъ свободными. Богъ постоянно избираетъ лучшее; но Онъ не вынуждается дѣлать это и въ самомъ предметѣ божественнаго избранія нѣтъ необходимости, потому что избраніе совершается изъ среды многихъ возможностей и воля только посредствомъ преобладающаго добра опредѣляетъ предметъ избранія. Поэтому это не можетъ признаваться недостаткомъ въ отношеніи къ Богу и святымъ; напротивъ было бы великимъ недостаткомъ, даже явнымъ безразсудствомъ, если-бы это происходило иначе даже среди людей здѣсь, на землѣ, и если-бы они способны были поступать безъ всякаго склоняющаго ихъ основанія. Вотъ почему нельзя найти ни одного примѣра подобнаго рода, и когда принимаютъ рѣшеніе по капризу, чтобы доказать этимъ свою свободу, то удовольствіе или польза, которыхъ думаютъ достигнуть этимъ состояніемъ души, служатъ однимъ изъ основаній, склоняющихъ ихъ къ этому.

46. Такимъ образомъ существуетъ свобода въ случайномъ, или, нѣкоторымъ образомъ, въ безразличномъ, если только подѣ *безразличнымъ* разумѣютъ то, что ничто не принуждаетъ насъ ни къ одной, ни къ другой сторонѣ; но нѣтъ *безразличія рав-*

въ себѣ логическую необходимость, потому что противоположное ему положеніе ведетъ къ противорѣчію; второй же законъ содержитъ только нравственную необходимость, потому что противоположное ему возможно и не содержитъ никакого противорѣчія. Во всякомъ случаѣ, законъ причинности и законъ достаточнаго основанія стоятъ не въ одинаковомъ отношеніи къ своему явленію или дѣйствию.

новѣснаго, т. е. гдѣ все было-бы совершенно равно какъ въ отношеніи къ одной, такъ и къ другой сторонѣ, такъ что не существовало-бы большаго склоненія къ одной какой-либо сторонѣ. Безчисленное множество движеній, большихъ и малыхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, дѣйствуютъ въ насъ, которыхъ большею частію не замѣчаютъ; и я уже сказалъ, что когда выходятъ изъ комнаты, то существуютъ такія причины, которыя опредѣляютъ насъ занести ту или другую ногу впередъ, не размышляя объ этомъ. Потому что не вездѣ существуетъ рабъ, какъ въ домѣ Трималціона, у Петронія, который-бы намъ кричалъ: правую ногу впередъ. Все сказанное нами вполне согласно съ положеніемъ философовъ, учившихъ, что причина, безъ расположенія къ дѣйствию, не можетъ дѣйствовать ¹⁾; и именно это расположеніе содержитъ въ себѣ предопредѣленіе, будетъ ли это расположеніе пріобрѣтено дѣйствующимъ лицомъ со внѣ, или получено имъ въ силу его собственныхъ предшествующихъ дѣйствій.

47. Такимъ образомъ нѣтъ надобности прибѣгать съ нѣкоторыми новыми томистами къ новому непосредственному предопредѣленію Божію, заставляющему свободную тварь выступить изъ своего индифферентнаго состоянія,—и къ божественному опредѣленію предопредѣленія, дающему Богу знать то, что будетъ; потому что достаточно, чтобы тварь была предопредѣлена въ своемъ предшествовавшемъ состояніи, склоняющемъ ее въ одну сторону болѣе, чѣмъ въ другую; и всѣ эти связи дѣйствій твари и дѣйствій всѣхъ тварей были представляемы въ божественномъ умѣ и были извѣстны Богу посредствомъ вѣдѣнія простаго разума, прежде чѣмъ Онъ опредѣлилъ даровать имъ бытіе. Отсюда ясно, что для оправданія

¹⁾ Существенное свойство причины состоитъ въ произведеніи дѣйствія. Чтобы яснѣе представить себѣ отношеніе между причиною и ея дѣйствиемъ, философы допускали, что причина обладаетъ собственною силою, которая должна произвести свое дѣйствіе и которая производитъ это дѣйствіе или сейчасъ же, или остается пока въ спокойномъ состояніи; словомъ, различали моменты проявленія этой силы. Подъ «расположеніемъ къ дѣйствию» (*disposition à l'action*) разумѣли тотъ моментъ силы, когда она изъ спокойнаго состоянія уже готова бываетъ перейти въ дѣйствіе. Очевидно, всѣ эти логическія различенія мало выясняютъ сущность отношеній причины къ дѣйствию.

предвѣдѣнія Божія можно обойтись какъ безъ средняго знанія молинистовъ, такъ и безъ предопредѣленія, какъ учили объ этомъ Бонне или Альваресъ, (писатели въ остальномъ своемъ ученіи весьма глубокомысленные) ¹⁾.

48. Ложною идеею безразличнаго равновѣсія молинисты приведены были въ большое затрудненіе. Ихъ спрашивали не только о томъ, какимъ образомъ возможно узнать, къ чему опредѣляется причина абсолютно независимая, но также и о томъ, какимъ образомъ возможно, что въ ней возникаетъ наконецъ опредѣленіе, не имѣющее никакого источника для себя; потому что сказать съ Молиною, что «таково преимущество свободной причины», это значить ничего не сказать; это значить усвоить ей преимущество быть химерною. Интересно видѣть, какъ молинисты стараются найти выходъ изъ этого лабиринта, изъ котораго абсолютно нѣтъ никакого выхода. Нѣкоторые учили, что это совершается прежде, чѣмъ воля опредѣляется въ дѣйствительности для выхода изъ своего состоянія равновѣсія; и о. Людовикъ де-Доль, въ своей книгѣ о содѣйствіи Божіемъ, цитируетъ молинистовъ, силившихся спастись помощію этого средства; такъ какъ они были принуждены сознаться, что надобно, чтобы причина расположена была къ дѣйствованію. Но этимъ они не выигрываютъ ничего; они только отдаляютъ затрудненіе, потому что ихъ тотъ часъ же спрашиваютъ, какимъ образомъ свободная причина приходитъ въ дѣйствительности къ опредѣленію. Такимъ образомъ никогда не избѣжать этихъ затрудненій, пока не признаютъ, что существуетъ предопредѣленіе въ предшествующемъ состояніи свободной твари, которое склоняетъ ее къ ея рѣшенію.

49. Поэтому также и случай съ Буридановымъ осломъ,

¹⁾ Нельзя не видѣть, что всѣ эти споры о томъ, можетъ-ли Богъ или не можетъ предвидѣть будущія свободныя дѣйствія, состоятъ только въ словахъ, такъ какъ объ стороны подъ свободою разумѣли нѣчто различное. По мнѣнію Лейбница, свободное дѣйствіе есть то, которое происходитъ правильно и руководится сплѣнѣшимъ мотивомъ, хотя и не необходимо. По мнѣнію же противниковъ Лейбница свобода исключаетъ всякую правильность и причинность, такъ что даже божественный разумъ можетъ не предвидѣть будущихъ свободныхъ дѣйствій челоука.

между двумя лугами, равно привлекающими его въ одну и въ другую сторону, есть вымысль, не имѣющей мѣста во вселенной, въ порядкѣ природы, хотя Баль держался другаго мнѣнія. Вѣрно то, что если этотъ случай возможенъ, то надобно было бы согласиться, что осель издохъ бы отъ голода, но въ сущности вопросъ трактуеть о невозможномъ, по крайней мѣрѣ, если только Богъ не совершитъ этого нарочно. Потому что вселенная не распадется на двѣ половины на планѣ, образуемомъ центромъ осла, вертикально проведенною линіею по его длинѣ, такъ что одна и другая половина будутъ совершенно равны и подобны, какъ это бываетъ съ эллипсомъ и всякою другою фігурою на планѣ изъ числа названныхъ мною «двустороннеправильными» (симметрическими), которыя образуютъ равныя половины, какая бы прямая линія ни проходила чрезъ центръ этой фігуры; потому что ни части вселенной, ни пастбища животнаго не похожи и не равномерно расположены по обѣимъ сторонамъ этого вертикальнаго плана. Такимъ образомъ, существуетъ много предметовъ въ ослѣ и внѣ осла, хотя они и не замѣчаются нами, которые и опредѣляютъ его направиться въ одну сторону скорѣе, чѣмъ въ другую. И хотя человѣкъ свободенъ, а осель нѣтъ, но на томъ же самомъ основаніи остается вѣрнымъ и въ отношеніи къ человѣку, что и для человѣка случай совершеннаго равновѣсія между двумя сторонами невозможенъ, и что ангель, или, по крайней мѣрѣ, Богъ всегда могъ-бы представить основаніе склоненія человѣка въ принятую имъ сторону, указавши причину или склоняющій мотивъ, побуждающій человѣка на самомъ дѣлѣ склониться къ этой сторонѣ, хотя этотъ мотивъ очень часто бываетъ сложнымъ и намъ самимъ непонятнымъ, потому что сплетеніе причинъ, связывающихся другъ съ другомъ, простирается очень далеко ¹⁾.

1) Кирхманъ удивляется тому, что Лейбницъ возстаеть противъ полнаго равенства двухъ мотивовъ. Онъ говоритъ, что невозможность ослу подѣлить міръ на двѣ совершенно равныя части ничего не доказываетъ; потому что дѣло идетъ о равенствѣ мотивовъ, а не о реальномъ равенствѣ двухъ сторонъ міра; равносильные же мотивы могутъ возникнуть и при небольшомъ объемѣ окружающихъ обстоя-

50. Вотъ почему приводимый Декартомъ доводъ, для доказательства нашихъ свободныхъ дѣйствій посредствомъ пресловутаго внутренняго живаго чувства, не имѣетъ силы. Мы не можемъ собственно чувствовать нашей независимости; и мы не всегда замѣчаемъ часто незамѣтныхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ наше рѣшеніе. Это тоже, какъ о магнитной стрѣлкѣ говорятъ, что она любитъ обращаться къ сѣверу; потому что думаютъ, будто она обращается независимо отъ какой-то другой причины, такъ какъ не замѣчаютъ неощутимыхъ движеній магнитной матеріи. Однако ниже мы увидимъ, въ какомъ смыслѣ очень вѣрно то, что душа человѣческая есть совершенно естественное собственное начало въ отношеніи къ своимъ дѣйствіямъ, зависящимъ отъ нея самой и независящимъ отъ всѣхъ другихъ твореній ¹⁾.

К. Истоминъ.

(Продолженіе будетъ).

тельствъ. Мы же въ свою очередь удивляемся Кирхману, когда онъ отвлеченный, чисто логическіи построенія противопоставляетъ живой человѣческой свободѣ. Ни въ духовной, ни въ физической природѣ нѣтъ тождества; известно, что и двѣ капли воды различаются между собою.

¹⁾ Это послѣднее положеніе находится въ связи съ ученіемъ Лейбница о монадахъ. По монадологіи Лейбница, между отдѣльными монадами и слѣдовательно между человѣческою душою и ея тѣломъ нѣтъ никакого вліянія или взаимодѣйствія. Между ними существуетъ только гармоническое дѣйствіе вслѣдствіе творческаго акта. На этой-то мысли и утверждаетъ Лейбница «предустановленная гармонія».

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31-го Января № 2. 1889 года.

Содержаніе. Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18⁸⁷/88 учебный годъ (окончаніе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1887—88 учебный годъ.

(Окончаніе *).

4. Библіотека и физическій кабинетъ.

а) Въ фундаментальной библіотекѣ къ 15 августа 1888 года числилось 1104 названія книгъ въ 2639 томахъ. Сравнительно съ 18⁸⁶/87 учебнымъ годомъ, библіотека эта увеличилась на 50 названій въ 105 томахъ. Изъ числа вновь поступившихъ книгъ 31 названіе въ 54 томахъ пожертвованы основателемъ училищной библіотеки, московскимъ купцомъ И. М. Коробковымъ, 14 названій въ 46 томахъ приобрѣтены на училищный счетъ, 4 названія въ 4 томахъ переданы изъ ученической библіотеки и 1 названіе въ 1 томѣ составляютъ экзаменскія сочиненія выпускныхъ воспитанницъ, писанныя въ отчетномъ году. Книгами изъ фундаментальной библіотеки пользуются только начальствующіе, преподаватели и другія служащія въ училищѣ лица. Завѣдуетъ этою библіотекою одна изъ воспитательницъ училища, съ особымъ за это вознагражденіемъ 60 руб. въ годъ.

б) Въ ученической библіотекѣ къ 15 августа 1888 года числилось 626 названій въ 1449 томахъ. Сравнительно съ 18⁸⁶/87 учебнымъ годомъ, эта библіотека увеличилась на 15 названій въ 41 томѣ, изъ которыхъ 11 названій въ 15 томахъ пожертвованы И. М. Коробковымъ и 4 названія въ 26-ти томахъ приобрѣтены на училищный счетъ. Книгами изъ этой библіотеки пользуются исключительно воспитанницы училища, при чемъ для пригготовительнаго, I и II классовъ берутъ книги, подъ свои росписки и отвѣт-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 1.

ственность, воспитательницы этихъ классовъ, а воспитанницы остальныхъ классовъ берутъ книги сами, подѣ свои росписки и отвѣтственность. Въ выборѣ книгъ для чтенія и воспитательницы и воспитанницы руководствуются особыми каталогами, заключающими въ себѣ списки книгъ изъ этой библіотеки, назначенныхъ для каждаго класса въ отдѣльности. Въ теченіе отчетнаго года воспитанницами всѣхъ классовъ взято было для чтенія изъ этой библіотеки 2282 книги, именно: воспитанницами приготовительнаго класса 128 книгъ, воспитанницами I класса 210 книгъ, воспитанницами II класса 138 книгъ, воспитанницами III класса 376 книгъ, воспитанницами IV класса 528 книгъ, воспитанницами V класса 520 книгъ и воспитанницами VI класса 382 книги. Завѣдуетъ ученическою библіотекою всегда воспитательница VI класса, при помощи двухъ, избираемыхъ ею, воспитанницъ того же класса получая за это 25 руб. въ годъ.

в) Въ музыкальной библіотекѣ къ 15 августа 1888 года числилось 339 названій музыкальных пьесъ. Въ отчетномъ году библіотека эта увеличилась на 25 названій музыкальных пьесъ, которыя приобрѣтены на счетъ денегъ, взимаемыхъ за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ. Завѣдывала этою библіотекою, по назначенію начальницы училища, одна изъ помощницъ воспитательницъ.

Кромѣ приобрѣтенія книгъ Совѣтъ училища, для пополненія фундаментальной и ученической библіотекъ, выписалъ на 1888 г. слѣдующія періодическія изданія.

А) для чтенія воспитанницамъ.

- аа) «Дѣтскій Отдыхъ».
- бб) «Семья и Школа» (иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей).
- вв) «Семейные Вечера».

Б) для чтенія служащихъ въ училищѣ лицамъ.

- аа) «Церковныя Вѣдомости».
- бб) «Вѣра и Разумъ».
- вв) «Православное Обзорѣніе».
- гг) «Странникъ».
- дд) «Творенія Свв. Отцевъ».
- ее) «Христіанское Чтеніе».
- жж) «Русскій Паломникъ».
- зз) «Московскія Вѣдомости».
- иив) «Русскій Вѣстникъ».
- іі) «Сѣверъ».
- кк) «Свѣтъ».

Учебниками, учебными пособіями и учебными принадлежностями всѣ воспитанницы были въ достаточномъ количествѣ снабжены отъ училища, безъ взноса за это особой платы.

Физическій кабинетъ въ отчетномъ году не получилъ прира-

щепія, потому что обладаетъ необходимѣйшими для практическаго преподаванія физики приборами. Завѣдывалъ кабинетомъ преподаватель физики.

На бібліотеку, учебники, учебныя пособія и учебныя принадлежности, по смѣтѣ, утвержденной на трехлѣтіе съ 1885 по 1888 годъ, назначено 1429 руб. 68 коп. Музыкальная бібліотека пополняется изъ специальныхъ суммъ, поступающихъ въ училище за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ.

5. Средства Училища.

По дѣйствовавшей въ 1887 экономическомъ году смѣтѣ, училище на свое содержаніе должно было получать 66,393 р. 88¹/₂ к.

Эта общая сумма слагается изъ слѣдующихъ статей:

а) Проценты съ неприкосновеннаго училищнаго капитала	1648 р. 33 к.
б) Доходъ съ принадлежащей училищу части дома въ г. Харьковѣ	890 р. 61 к.
в) Изъ общепархіальныхъ средствъ	34886 р. 28 ¹ / ₂ к.
г) Однопроцентный взносъ съ жалованья духовенству	1418 р. 14 к.
д) Изъ прибылей епархіальнаго свѣчнаго завода	7071 р. —
е) Пожертвованія отъ монастырей и церквей епархіи	2581 р. 21 к.
ж) Пожертвованія отъ духовенства при полученіи наградъ	254 р. 86 к.
з) Изъ кружекъ при чудотворныхъ иконахъ	60 р. 96 к.
и) Пансіонерскій взносъ за своекоштныхъ воспитанницъ	17400 р. —
і) За благи для наградъ духовенству	50 р. 98 к.
к) Отъ училищной экономіи	131 р. 51 к.
Расходъ тою же смѣтою опредѣленъ въ	65760 р. 12 ¹ / ₂ к.

Въ дѣйствительности въ 1887 экономическомъ году по всѣмъ смѣтнымъ статьямъ поступило на приходъ 67383 р. 83 к.

Въ расходъ было въ томъ же году по всѣмъ смѣтнымъ статьямъ 67213 р. 56 к.

Примѣчаніе. Въ смѣту не вошли взносы за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ, равно какъ и расходы по этой статьѣ ¹⁾, такъ какъ, на основаніи примѣчанія къ 80 § Устава Епарх. Женск. Училищъ, распоряженіе этою суммою не подвергается контролю епархіальныхъ свѣздовъ. Въ 1887 году по этой статьѣ поступило 2976 р. 50 к., а израсходовано въ томъ же году 2854 р. 9 к.

6. Дополнительные свѣдѣнія.

а) День 27 сентября 1887 года былъ великимъ праздникомъ для училища и на долго оставитъ свѣтлое воспоминаніе въ сердцахъ

¹⁾ Французскому языку въ отчетномъ году обучались 128 воспитанницъ, въ томъ числѣ 77 бесплатно; музыкѣ обучались 127 воспитанницъ, въ томъ числѣ 15 бесплатно; рисованію обучались 42 воспитанницы, въ томъ числѣ 28 бесплатно. За обученіе французскому языку взносится 10 руб., за обученіе музыкѣ 25 р. и за обученіе рисованію 5 р. въ годъ съ ученицы.

служащихъ и дѣтей, такъ какъ въ этотъ день училище было осчастливлено посѣщеніемъ Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Екатерины Михайловны. Высокая Гостья, сопровождаемая гофмейстерною Двора Ея Высочества Е. П. Голохвастовою и фрейлиною В. В. Бельгардтъ, по прибытіи въ училище встрѣченная предсѣдателемъ Совѣта училища, начальницею и инспекторомъ классовъ, прослѣдовала въ училищную церковь, въ которой, ради Высокой Гостьи, совершалъ въ то время литургію Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ сослуженіи ректора семинаріи, протоіерея о. І. Кратирова, членовъ Совѣта отъ духовенства: священниковъ о. П. Иванова и о. Н. Мощенкова и священника училищной церкви, о. Г. Волобуева и при пѣніи хора изъ воспитанницъ училища. По окончаніи литургіи Ея Высочество, сопровождаемая предсѣдателемъ Совѣта и начальницею училища, изволила обозрѣвать классныя комнаты, дортуары и квартиры воспитательницъ, а затѣмъ прослѣдовала въ училищный залъ, въ которомъ были собраны всѣ воспитанницы. Ея Высочество изволила оказать дѣтямъ благосклонное вниманіе, поблагодаривъ ихъ за стройное пѣніе въ церкви и просила спѣть что-нибудь тутъ же, въ залѣ. Хоръ воспитанницъ исполнилъ народный гимнъ «Боже Царя храни». По окончаніи пѣнія Великая Княгиня разспрашивала о. предсѣдателя Совѣта о практическихъ занятіяхъ воспитанницъ училища по элементарному преподаванію въ училищной церковно-приходской школѣ. Послѣ этого Ея Высочество удостоила своимъ посѣщеніемъ квартиру начальницы училища и, наконецъ, простилась съ училищемъ сопровождаемая до самой кареты Его Высокопреосвященствомъ, членами училищнаго Совѣта и воспитанницами.

Участіе въ приѣмѣ училищемъ Высокой Гостьи изволили принять: Его Превосходительство, Управляющій канцеляріею Св. Синода, камергеръ Его Величества В. К. Саблеръ, начальникъ губерніи съ супругою и городскою голова съ супругою.

б) Принявши участіе въ вышеописанномъ, радостнѣйшемъ для училища, торжествѣ, Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, какъ и всегда, не оставлялъ своимъ вниманіемъ училища и въ другіе, важнѣйшіе въ училищной жизни, дни. Въ день храмоваго училищнаго праздника, 4-го декабря, Владыка изволилъ совершать въ училищной церкви Божественную литургію въ сослуженіи о. ректора семинаріи и другихъ священниковъ. Въ этотъ же день изволилъ почтить училище своимъ посѣщеніемъ Преосвященный Петръ, епископъ Сумскій, викарій Харьковской епархіи. 14 мая Его Высокопреосвященство удостоилъ своимъ присутствіемъ испытанія воспитанницъ VI класса по Закону Божію, а 9 іюня, по случаю выпуска окончившихъ курсъ воспитанницъ, совершилъ въ училищной церкви литургію въ сослуженіи о. ректора семинаріи, ключаря Харьковскаго кафедральнаго собора, предсѣдателя Совѣта училища и священника училищной церкви. Въ концѣ литургіи Владыка

произнесъ назидательное слово, въ которомъ преподалъ вступающимъ въ жизнь дѣвицамъ соотвѣтственные случаю напутственные архипастырскіе совѣты и указанія. По окончаніи благодарственного молебна, Владыка присутствовалъ въ училищномъ залѣ на торжественномъ актѣ, — который удостоили также своимъ посѣщеніемъ: Преосвященный Петръ, Епископъ Сумскій, Его Превосходительство Г. Начальникъ губерніи и другія почетныя лица, — собственноручно раздалъ окончившимъ курсъ аттестаты, Новый Заветъ въ напутствіе и руководство въ жизни и достойнѣйшимъ награды книги и похвальные листы. Кромѣ училищныхъ торжествъ, Владыка и въ другіе дни неоднократно посѣщала училище, вызываемый къ этому различными событіями въ жизни училища и его нуждами, такъ какъ и въ отчетномъ году училищная жизнь совершалась во всѣхъ своихъ частяхъ не только подъ постояннымъ наблюденіемъ Владыки, но и по его непосредственнымъ руководственнымъ указаніямъ.

в) *Ревизіи* со стороны членовъ учебнаго комитета при св. Синодѣ училище въ отчетномъ году не подвергалось.

г) *Пожертвованія* на разныя училищныя нужды въ отчетномъ году поступили отъ слѣдующихъ лицъ и учрежденій.

аа) Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, по примѣру прежнихъ лѣтъ, внесъ 150 р. на содержаніе въ училищѣ двухъ воспитанницъ — сиротъ. Кромѣ того Его Высокопреосвященство пожертвовала 25 руб. на приобрѣтеніе для выпускныхъ воспитанницъ наградныхъ книгъ и 25 руб. на лакомства дѣтямъ въ день своего тезоименитства.

бб) Нѣкоторые монастыри и церкви епархіи давали средства на содержаніе въ училищѣ воспитанницъ — сиротъ, а именно: Святогорскій Успенскій монастырь внесъ для этого въ училище въ отчетномъ году 500 руб., Ахтырскій Троицкій 200 руб., Верхо-Харьковскій Николаевскій дѣвичій 200 р., Ряснянскій Дмитріевскій 225 р., Старобѣльскій дѣвичій 50 р., Харьковская Кладбищенская Іоанно-Успенвенская церковь 300 руб.

вв) Отъ нѣкоторыхъ монастырей и церквей на училищныя нужды вообще въ теченіе года пожертвовано 103 р. 41 коп.

гг) Попечительница училища, А. В. Гордѣенко, пожертвовала 10 р. на приобрѣтеніе зоологическаго атласа и учебника женскихъ рукодѣлій, 4 дюжины платковъ носовыхъ и 3 дюжины полотенецъ для выпускныхъ воспитанницъ — сиротъ.

дд) Основатель и постоянный благодѣтель училищной бібліотеки, московскій купецъ И. М. Коробковъ пожертвовалъ и въ отчетномъ году для этой бібліотеки 42 названія книгъ въ 69 томахъ.

ее) На обновленіе на престольнаго Евангелія въ училищной церкви пожертвовано неизвѣстными лицами 16 р., діакономъ училищной церкви о. Ѳ. Чернявскимъ 5 р. и п. д. эконома въ училищѣ Х. К. Невдаховымъ 1 р., — всего 22 руб.

жж) Членами Совѣта училища, помощникомъ законоучителя, свя-

ценникомъ Г. Волобуевымъ и дѣлопроизводителемъ Совѣта, діакономъ Ѳ. Чернявскимъ пожертвовано на лакомства и увеселенія воспитанницамъ во время Рождественскихъ праздниковъ и на Пасху 55 руб.

Такимъ образомъ въ теченіе года, не считая пожертвованій вещами, денежныхъ пожертвованій на разныя училищныя нужды поступило 1865 р. 41 коп.

Въ отчетномъ году училище понесло двѣ чувствительныхъ утраты: 25 сентября 1887 года скончался преподаватель русскаго языка въ училище, смотритель мѣстнаго мужскаго духовнаго училища, Григорій Григорьевичъ Ланчинскій, — въ высшей степени добросовѣстный и аккуратный труженикъ, уважаемый и любимый сослуживцами и дѣтьми, а 7 мая 1888 года скончался основатель и постоянный благодѣтель училищной библіотеки въ теченіе болѣе чѣмъ 30 лѣтъ, пожертвовавшій въ нее за это время болѣе 2000 томовъ книгъ въ прекрасныхъ переплеткахъ и на разныя другія училищныя нужды деньгами и вещами болѣе чѣмъ на 1500 руб., съ необыкновенною теплотою и интересомъ относившійся къ училищу, къ занятіямъ, нуждамъ и радостямъ дѣтей, — московскій купецъ Иванъ Михайловичъ Коробковъ. Училище почтило память обоихъ дорогихъ для него усопшихъ совершеніемъ въ своей церкви заупокойныхъ литургій и панихидъ въ дни смерти, погребенія и въ другіе, установленные православною Церковью, поминальные дни.

О Т Ч Е Т Ъ

о существующей при Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ одноклассной церковно-приходской школѣ за 1887—88 учебный годъ.

При училищѣ издавна существовала педагогическая школа для практическихъ занятій воспитанницъ VI класса по элементарному преподаванію, въ которой обучалось ежегодно отъ 10—20 мальчиковъ и дѣвочекъ — дѣтей училищной прислуги и жителей ближайшей къ училищу мѣстности. Въ послѣдніе годы, по мѣрѣ того, какъ постепенно вырабатывался типъ собственно-церковной школы, въ отличіе отъ господствовавшихъ земскихъ свѣтскихъ школъ, — постепенно же вводились нѣкоторыя перемѣны и преобразованія и въ училищной педагогической школѣ, съ цѣлью приблизить ее къ этому новому типу, именно: вводились новые учебники и учебныя пособія, рекомендованныя Св. Синодомъ, измѣнялся самый духъ и характеръ обученія и вырабатывалось новое росписаніе уроковъ, въ которомъ усиливалось преподаваніе Закона Божія и церковно-славянскаго языка.

Въ отчетномъ году школа эта окончательно преобразована по выработанному Св. Синодомъ типу одноклассной церковно-приход-

ской школы. Для этого устроено новое, болѣе удобное, помѣщеніе, состоящее изъ двухъ просторныхъ свѣтлыхъ комнатъ, для двухъ отдѣленій школы. Определенъ 10 іюля 1887 года законоучитель для этой школы, членъ Совѣта училища, священникъ Харьковской Свято-Духовской церкви, Николай Платоновичъ Мощенковъ, который до 1 января 1888 года трудился безвозмездно, а съ этого времени сталъ получать жалованье 120 руб. въ годъ, а 11 августа 1887 года определена новая учительница, окончившая курсъ ученія въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы дѣвица Надежда Ивановна Попова, съ жалованьемъ, при казенной квартирѣ со столомъ, по 180 руб. въ годъ.

Съ половины августа начали поступать заявленія отъ родителей о приѣмѣ ихъ дѣтей въ школу и стали приходять къ учительницѣ сами дѣти, и къ концу августа записано было въ школу 40 учениковъ, тогда какъ въ прежніе годы число учащихся въ школѣ никогда не было больше 20-ти, — явное свидѣтельство сочувствія народа къ церковной школѣ и добраго впечатлѣнія, которое произвели совершенныя въ училищной школѣ преобразованія. Большинство будущихъ школьничковъ были дѣти училищной прислуги и жителей ближайшей къ училищу мѣстности, изъ крестьянскаго и мѣщанскаго сословія; но были между ними 3 изъ духовнаго званія и были дѣти, приходившія въ школу изъ довольно отдаленныхъ мѣстностей города. Такъ какъ нѣкоторыя изъ дѣтей уже обучались раньше въ училищной педагогической школѣ, — иныя даже по два года, — а другія еще не начинали учиться, то образованы были въ школѣ два отдѣленія: старшее и младшее; въ старшее отдѣленіе зачислено 20 учащихся, — 12 мальчиковъ и 8 дѣвочекъ, и въ младшее 20, — 10 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ.

30 августа совершено въ школьномъ помѣщеніи законоучителемъ школы молебствіе предъ ученіемъ, при которомъ присутствовали: члены Совѣта училища, учительница школы, воспитанницы VI класса училища и ученики школы, а 31 августа открылось въ школѣ ученіе.

До октября мѣсяца обучали въ школѣ исключительно законоучитель и учительница, съ 9 часовъ утра до 1 часу по полудни, а воспитанницы VI класса, по двѣ ежедневно, только присутствовали на урокахъ и присматривались къ дѣлу; съ октября же онѣ приняли дѣятельное участіе въ преподаваніи и надзорѣ за дѣтьми, такъ какъ къ этому времени былъ выработанъ инспекторомъ классовъ, 16 сентября рассмотрѣнъ и одобренъ Совѣтомъ училища, а 2 октября утвержденъ Его Высокопреосвященствомъ новый планъ практическихъ занятій воспитанницъ училища въ школѣ.

По этому новому плану занятія въ школѣ организованы были слѣдующимъ образомъ: съ 9 часовъ утра до 1 часу по полудни преподавали въ школѣ законоучитель и учительница, при чемъ присутствовали ежедневно по 2 воспитанницы V класса, присматривавшіяся къ ходу дѣла и такимъ образомъ подготовлявшіяся къ

дѣятельному участию въ обученіи въ слѣдующемъ году, и 2 воспитанницы VI класса, помогавшія законоучителю и учительницѣ въ надзорѣ за дѣтьми какъ во время уроковъ, такъ и во время промежутковъ между ними, раздававшія дѣтямъ и собиравшія отъ нихъ учебники и учебныя пособія, надзиравшія за дѣтьми въ тѣ часы, когда учащимся давалась самостоятельная работа, безъ учительницы, занятой съ другимъ отдѣленіемъ школы, и записывавшія въ классномъ журналѣ подробные конспекты уроковъ, преподаваемыхъ законоучителемъ и учительницею. Съ 3—5 часовъ по полудни воспитанницы VI класса репетировали со школьниками уроки, преподаваемые по-утру. Для этого онѣ были раздѣлены на 3 группы, изъ коихъ въ двухъ было по 8 воспитанницъ, а въ 3-й 9, а школьнички обонхъ отдѣленій были раздѣлены на 8 группъ, по 4 въ каждомъ отдѣленіи. Каждая изъ воспитанницъ такимъ образомъ въ теченіе недѣли занималась два дня съ группою отъ 3—5 дѣтей, при чемъ онѣ постоянно обмѣнивались какъ предметами преподаванія, такъ и отдѣленіями школы, т. е. половина группы воспитанницъ, дававшая въ понедѣльникъ 1-й послѣобѣденный урокъ въ I отдѣленіи, въ четвергъ давала этотъ урокъ во II отдѣленіи и воспитанницы, преподававшія въ 1-й урокъ русскій языкъ, во 2-й урокъ преподавали ариметику и т. д. Послѣ Рождественскихъ праздниковъ репетиціонныя занятія воспитанницъ VI класса нѣсколько видоизмѣнились, именно: каждая воспитанница занималась уже не съ группою дѣтей, а съ цѣлымъ отдѣленіемъ, при чемъ учительница школы, подъ постояннымъ наблюденіемъ и руководствомъ которой происходили всѣ послѣобѣденныя занятія воспитанницъ въ школѣ, наблюдала за тѣмъ, чтобы занимались по очереди всѣ воспитанницы каждой группы и чтобы каждая воспитанница въ отдѣльности практиковалась въ преподаваніи всѣхъ предметовъ школьной программы и притомъ въ обонхъ отдѣленіяхъ школы. Со второй недѣли великаго поста и до 16 апрѣля, когда окончились годичныя учебныя занятія въ училищѣ, воспитанницы VI класса, продолжали послѣобѣденныя репетиціонныя уроки, вмѣстѣ съ тѣмъ, по назначенію инспектора классовъ училища, давали въ школѣ по-утру самостоятельные уроки, замѣняя учительницу, по напередъ составленному и рассмотрѣнному инспекторомъ классовъ или учительницею письменному плану. Уроки эти давались въ присутствіи инспектора классовъ, — учительницы школы и воспитанницъ VI класса и, по окончаніи, разбирались, при чемъ указывались достоинства и недостатки каждаго урока. Этотъ порядокъ практическихъ занятій въ школѣ потребовалъ отъ воспитанницъ VI класса училища много труда, но труда для нихъ интереснаго, живаго и настолько полезнаго, что, — можно быть увѣреннымъ, — каждая изъ нихъ, если прійдется ей сдѣлаться учительницею, сразу почувствуетъ себя въ школѣ на своемъ мѣстѣ и поведетъ дѣло надлежащимъ образомъ.

До обѣда въ школѣ было ежедневно по 4 урока, изъ коихъ каждый продолжается 45 мин., а послѣ обѣда 3 урока, каждый по 30 мин.

Число уроковъ по всѣмъ предметамъ было то же самое, которое указано синодальною программю для перваго и втораго годовъ одноклассной церковно-приходской школы. Объемъ преподаванія всѣхъ предметовъ, духъ и характеръ обученія и воспитательнаго надзора во всемъ соотвѣтствовали изданной Св. Синодомъ учебной программѣ для церковно-приходскихъ школъ и объяснительнымъ къ ней запискамъ.

Учебники и учебныя пособія употреблялись слѣдующіе: 1) *въ младшемъ отдѣленіи* а) *Законы Божій* (молитвы и священная исторія) усвоился со словъ законоучителя; въ старшемъ отдѣленіи молитвы повторялись *по синодальному молитвослову*, и священная исторія изучалась по руководству *протоіерея Д. Соколова*; бб) *по русскому языку*—въ младшемъ отдѣленіи для обученія чтенію служили разнѣжныя буквы и *Синодальный букварь*; въ старшемъ отдѣленіи употреблялась изданная Радонежскимъ книга для чтенія «*Солнышко*»; вв) *по славянскому языку*—въ младшемъ отдѣленіи — *стѣнные таблицы* и *Синодальный букварь*, въ старшемъ отдѣленіи: книга для чтенія *Ильминскаго*, «*Чтенія изъ книгъ священнаго писанія*» Ветхаго и Новаго Завѣта, *Свирилина* и *часословъ*; гг) *по ариѳметикѣ*:—въ младшемъ отдѣленіи *1-я часть задачника Гольденберга*, въ старшемъ отдѣленіи *2-я часть задачника Гольденберга* и *задачникъ Лубенца*; дд) *по чтенію* въ обоихъ отдѣленіяхъ употреблялись прописи *Цо-жарскаго*, а учительница пользовалась *руководствомъ Гербаца*; ее) *по церковному пѣнію* учительница пользовалась изданіемъ церковныхъ пѣснопѣній *священника Георгіевскаго* и *кругомъ обычныхъ пѣснопѣній Московской епархіи*, а дѣтей обучала съ голоса.

Въ отчетномъ учебномъ году въ обоихъ отдѣленіяхъ школы по всѣмъ предметамъ пройдено почти все, положенное программю для 1-го и 2-го годовъ одноклассной церковно-приходской школы.

Для подготовленія къ урокамъ законоучитель, учительница школы и воспитанница VI класса пользовались существующею при школѣ библіотекою, содержащею въ себѣ, кромѣ учебниковъ и книгъ для дѣтскаго чтенія, мною педагогическихъ сочиненій. Библіотека эта существуетъ при школѣ уже нѣсколько лѣтъ и образовалась первоначально чрезъ выдѣленіе въ нее изъ училищной библіотеки книгъ педагогическаго отдѣла,—чтобы воспитанницы занимающіяся въ школѣ, всегда имѣли эти книги подъ руками, — а потомъ постепенно пополнялась чрезъ пріобрѣтеніе новыхъ книгъ. Къ началу текущаго 1888/89 года въ библіотекѣ этой числилось 428 томовъ, изъ которыхъ въ отчетномъ году пріобрѣтено 135 томовъ. Кромѣ пріобрѣтенія этихъ книгъ, въ отчетномъ году для школьной библіотеки выписывался журналъ «*Церковно-приходская Школа*».

Во всѣ воскресныя и праздничныя дни учащіеся въ школѣ присутствовали при Богослуженіи подъ надзоромъ учительницы школы, въ училищной церкви и въ одно время съ воспитанницами училища говѣли и причащались Св. Тайнъ.

Ученіе въ школѣ закончилось 27 мая, а 28 произведенъ былъ

экзаменъ комиссіею изъ начальницы училища, инспектора классовъ, законоучителя и учительницы школы, въ присутствіи приглашеннаго на это торжество наблюдателя за церковно-приходскими школами г. Харькова, протоіерей П. Г. Ковалевскаго. къ экзамену явилось 24 учащихя, — 14 изъ I отдѣленія и 10 изъ II; остальные не явились большею частію потому, что родители ихъ, состоящіе у разныхъ лицъ въ качествѣ прислуги, уѣхали вмѣстѣ со своими хозяевами и дѣтьми на дачи. Экзаменъ показалъ, что большинство учениковъ школы оказало по всѣмъ предметамъ обученія очень удовлетворительные успѣхи, такъ что 8 изъ нихъ признаны достойными награды. Слабо успѣвшими, по малолѣтству, оказались 5 учениковъ младшаго отдѣленія, которые и оставлены въ этомъ отдѣленіи на второй годъ.

2-го іюня совершено было, по случаю окончанія учебнаго года въ школѣ, благодарственное Господу Богу молебствіе, во время котораго все положенное пѣли сами школьники, которые, кромѣ того, съ весны читали въ церкви шестопсалміе, первый часть и третій и шестой часть.

9-го іюня въ день училищнаго акта, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, приняли участіе въ училищномъ торжествѣ и школьники. Постѣ раздачи аттестатовъ и наградъ выпускнымъ воспитанницамъ училища, инспекторъ классовъ прочелъ краткій отчетъ о состояніи училищной церковно-приходской школы въ 1887/88 году и списокъ учениковъ этой школы, удостоенныхъ за свое прилежаніе и успѣхи награды. Награды эти, — Евангеліе на русскомъ языкѣ, — Владыка благоволилъ раздать 8 школьникамъ лично; другимъ же дѣтямъ роздана изданная Троицкою Сергіевою Лаврою брошюра «Крещеніе Руси». Затѣмъ, по желанію Владыки, школьники очень стройно пропѣли: «Благослови, душе моя, Господа», «Иже херувимы» и «Воже Царя храни», и пѣніемъ своимъ заслужили одобреніе какъ самого Владыки, такъ и всей присутствовавшей въ затѣ публики.

Содержалась училищная церковно-приходская школа исключительно на средства училища.

Руководилъ безвозмездно обученіемъ въ школѣ, равно какъ и практическими занятіями въ ней воспитанницъ, по резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 17 октября 1887 года, инспекторъ классовъ, священникъ Н. Оникевичъ.

Епархіальныя извѣщенія.

— Священникъ Покровской церкви слободы Маякъ, Изюмскаго уѣзда, Павелъ *Дзюбановъ*, за ростовщичество, лишенъ священническаго мѣста съ запрещеніемъ священнослуженія и съ низведеніемъ въ псаломщики.

— Священникъ села Ивановки, Изюмскаго уѣзда, Димитрій *Панкратъ-евъ* уволенъ по прошенію отъ обязанности законоучителя Богуславскаго народнаго училища, того-же уѣзда, и утверждень въ эту должность священникъ села Богуславскаго Сергій *Черцевъ*.

— Священникъ Іоанно-Богословской церкви слободы Большой-Чернетчины, Сумскаго уѣзда, Александръ *Рубинскій*, согласно прошенію, перемѣщенъ на праздное священническое мѣсто къ Покровской церкви слободы Маякъ, Изюмскаго уѣзда.

— Священникъ Николаевской церкви слободы Каменной Яруги Зміевскаго уѣзда Іоаннъ *Поповъ*, согласно прошенію, уволенъ за штатъ.

— Священникъ Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря Николай *Найдовскій* переведень на мѣсто въ слободу Каменную Яругу.

— Діаконъ Харьковскаго Каѳедральнаго Успенскаго собора Григорій *Виноградовъ* уволенъ по прошенію отъ должности законоучителя 2-го Харьковскаго начальнаго училища мѣстнаго Общества грамотности и утверждень законоучителемъ сего училища священникъ Харьковской Пантелеимоновской церкви Василій *Ветуховъ*.

— Діаконъ церкви Харьковскаго дѣтскаго приюта Николай *Трояновъ* опредѣленъ на священническое мѣсто въ слободу Ново-Андреевку, Зміевскаго уѣзда.

— На праздное псаломщицкое мѣсто къ Николаевской церкви г. Харькова опредѣленъ Харьковскій мѣщанинъ Никаноръ *Квитковскій*.

— Псаломщику Архангело-Миханловской церкви гор. Харькова Іоанну *Рокитянскому*, за долговременную и усердную службу, разрѣшено носить рясу.

— На праздное псаломщицкое мѣсто къ Покровской Кладбищенской города Изюма церкви опредѣленъ сынъ священника, окончившій курсъ въ Буляцкомъ духовномъ училищѣ, Николай *Инноковъ*.

— Псаломщикъ Предтечевской церкви села Пашковки, Изюмскаго уѣзда, Аскалонъ *Соистуновъ* уволенъ по болѣзни согласно прошенію отъ занимаемаго имъ мѣста, а на мѣсто его псаломщикомъ къ сей церкви опредѣленъ священнической сынъ уволенный изъ 1-го класса Харьковской духовной семинаріи Иванъ *Поповъ*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Крестовоздвиженской церкви г. Изюма 2-й гильдіи купецъ Евграфъ *Маршиковъ*; къ Николаевской церкви с. Спѣваковки, Изюмскаго уѣзда, отставной поручикъ Акиндонъ *Добрыевъ*; къ Іоанно-Предтечевской церкви села Ивановскаго, того-же уѣзда, крестьянинъ Петръ *Соболь*; къ Казанской церкви с. Деревокъ, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Свириденко*; къ церквамъ: села Левандановки, Валковскаго уѣзда, крестьянинъ Михаилъ *Шевченко*; села Александровки, того-же уѣзда, крестьянинъ Семень *Лавриленъ* и села Мосьпанова, Зміевскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Зачитилъ*.

— Уволенъ по прошенію отъ должности церковнаго старосты Ахтырской Георгіевской церкви цеховой Василій *Пунъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Вопросъ о допущеніи свѣтскихъ лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ къ преподаванію Закона Божія въ среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Трудность для духовенства доставлять точныя статистическія данныя о смертности населенія.—Объ устройствѣ краткосрочныхъ учительскихъ курсовъ для учителей церковно-приходскихъ школъ.—О всеобщихъ бдѣніяхъ въ церковно-приходскихъ школахъ.—Продѣлки сектантовъ.—Измышленія раскольниковъ.—Подлогъ подъ соборныя святоотеческія правила.—Сообщенія о религиозныхъ попятіяхъ простаго народа.—Попеченія объ икопахъ для крестьянъ.—Проектъ подвижныхъ церкви и школы въ желѣзнодорожныхъ вагонахъ.—Замѣчательный студентъ Академіи.—Мѣры противъ незаконныхъ браковъ.—Преобразование одной губерніи въ другую.—Проектъ обезпеченія спротивъ духовенства.—Фальсификація восковыхъ свѣчей.—Образки въ память чудеснаго спасенія Ихъ Величествъ.—Проекты археологической комиссіи.—Секта «божковъ».—Къ вопросу о надѣлѣнн селскихъ школъ землею.—Врачующая сила молитвы.—Подвигъ священника Пятибокова.—Некрологъ.

По словамъ «Гражданина» вновь возникаетъ въ подлежащихъ сферахъ вопросъ о допущеніи свѣтскихъ лицъ съ высшимъ богословскимъ академическимъ образованіемъ къ преподаванію закона Божія въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, учительскихъ семинаріяхъ и въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. За положительное рѣшеніе этого вопроса высказываются, между прочимъ, потому, что лица, съ духовнымъ саномъ, обязанные исправлять различныя требы у своихъ прихожанъ и другія богослуженія, часто опускаютъ уроки по закону Божию и не могутъ, какъ свѣтскія лица, отдаться всецѣло своимъ прямымъ педагогическимъ занятіямъ. Кромѣ тѣхъ дурныхъ послѣдствій, которыя неизбежно являются, какъ результатъ опущенія уроковъ по закону Божию, за компетентность свѣтскихъ лицъ въ дѣлѣ преподаванія этого предмета въ гимназіяхъ говорятъ ихъ усиленные занятія въ духовныхъ семинаріяхъ по Священному Писанію и другимъ богословскимъ предметамъ. Не менѣе упорно и рядомъ съ указаннымъ держатся другой слухъ—о введеніи въ гимназическія программы, въ качествѣ особаго обязательнаго предмета, чтеній по нравственному богословію со ссылками на богословія: догматическое и основное.

— Извѣстно, что на обязанности городского и сельскаго духовенства, между прочимъ, лежитъ доставленіе разнымъ мѣстамъ и лицамъ статистическихъ данныхъ о смертности населенія. По поводу этой обязанности, одинъ изъ священниковъ костромской епархіи, заявляя въ мѣстномъ епархіальномъ органѣ, что духовенству трудно составлять подобныя статистическія свѣдѣнія, иллюстрируетъ самое заявленіе разговоромъ о томъ, какъ иногда можетъ быть затруднительно для священника отмѣтить въ метрической записи ту или иную причину смерти крестьянина. Свѣдѣнія о причинахъ

смертности населенія записываются въ метрики, обыкновенно, со словъ родныхъ умершаго и частью на основаніи наблюденія самого священника (на вопросъ метрической книги: «отъ чего умеръ?»). Но могутъ ли быть достовѣрны такія свѣдѣнія въ самыхъ метрикахъ? На это лучше всего отвѣчаетъ практика. Узнавъ, наприимѣръ, что «больной былъ въ сильномъ жару», «бредилъ», «постоянно просилъ пить», и, услышавъ отъ родныхъ умершаго предположеніе: «видно простудился, сердешный», священникъ, на основаніи такихъ свѣдѣній, отмѣчаетъ въ метрикѣ «умеръ отъ горячки...» Въ опредѣленіи вида «горячки» священникъ не вдается, да и не имѣетъ къ тому ни знанія, ни возможности.

— Въ нынѣшнемъ году министерство внутреннихъ дѣлъ предполагаетъ предпринять значительныя новыя работы по постройкѣ православныхъ храмовъ въ девяти губерніяхъ Западнаго края и въ Привислянскомъ краѣ. По соглашенію со святѣйшимъ Синодомъ, министерствомъ испрошенъ на этотъ предметъ въ нынѣшнемъ году усиленный кредитъ въ размѣрѣ 600,000 рублей. Между прочимъ, въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ, по проекту академика архитектуры Сычугова, будутъ строиться восемь православныхъ церквей.

— Въ Тобольскѣ, какъ сообщаетъ мѣстный епархіальный органъ, училищный совѣтъ имѣлъ сужденіе объ устройствѣ краткосрочныхъ учительскихъ курсовъ для учителей церковно-приходскихъ школъ. Дѣло это для духовенства крайне важное и совершенно новое, а потому приведемъ подробно тѣ основанія, на которыхъ предположено организовать его въ тобольской епархіи и которыя выражены въ слѣдующей резолюціи преосвященнаго тобольскаго на журналѣ по этому поводу епархіальнаго училищнаго совѣта: «Предоставляя уѣзднымъ отдѣленіямъ совѣта самимъ собирать съѣзды учителей и учительницъ на будущее время, теперь, для лучшаго объединенія и направленія педагогической дѣятельности уѣздныхъ отдѣленій совѣта и въ виду невозможности на первое время имѣть для каждаго отдѣленія опытнаго руководителя, назначить съѣзды учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ по тремъ округамъ, каждый годъ,—такъ на 4 іюля 1889 г. созывается съѣздъ тѣхъ и другихъ въ г. Ялutorовскѣ, по округамъ ялutorовскому, курганскому и ишимскому; въ слѣдующемъ 1890 г. 4 іюля таковой же съѣздъ созывается въ г. Тюмени, по округамъ тобольскому, туринскому и тюменскому; въ 1891 г. 4 іюля по округамъ — тарскому, тюкалинскому и омскому съ семипалатинскою и аямолинскою обла-

стями, въ г. Тюкалѣ. Совѣтъ каждый разъ дѣлаетъ особое распоряженіе о созывѣ учительскихъ съѣздовъ въ означенное трехлѣтіе. О выборѣ и приготовленіи мѣста для собранія учителей и частію для ихъ помѣщенія долженъ позаботиться предсѣдатель отдѣленія того города, гдѣ предназначенъ съѣздъ. Приглашаемые учителя и учительницы къ занятіямъ на съѣзды должны, не позже 15 февраля слѣдующаго года, заявить о семъ, чрезъ оо. наблюдателей, училищному епархіальному совѣту, который сообщаетъ списокъ заявившихъ мѣстному отдѣленію того мѣста, гдѣ предположенъ съѣздъ, съ обозначеніемъ, кто изъ нихъ и въ какой школѣ состоитъ учителемъ. По полученіи списковъ, совѣтъ высылаетъ, чрезъ оо. наблюдателей, прогонныя деньги учителямъ и учительницамъ съ требованіемъ отъ нихъ росписокъ, которыя представляются предсѣдателю мѣстнаго отдѣленія съѣзда, а послѣдній препровождаетъ оныя въ совѣтъ. Занятія съѣздовъ имѣютъ производиться подъ руководствомъ преподавателя педагогики въ семинаріи г. Недосѣкова, котораго просить принять на себя этотъ важный и плодотворный педагогическій трудъ и ознакомить учителей и учительницъ, пріимчивительно къ программѣ для церковно-приходскихъ школъ, съ лучшими пріемами методики преподаванія положенныхъ предметовъ, особенно закона Божія, церковно-славянскаго языка и пѣнія, и дать сравнительную оцѣнку болѣе употребительныхъ въ церковныхъ школахъ учебныхъ руководствъ и пособій. Въ виду назначеннаго на 4 іюля 1888 г. съѣзда, наблюдатели церковно-приходскихъ школъ ялutorовскаго, курганскаго и шимскаго немедленно предложить болѣе выдающимся по способностямъ и педагогическому умѣнью въ преподаваніи учителямъ сихъ школъ заблаговременно приготовить рефераты небольшого объема, по предметамъ религіознаго, нравственно-воспитательнаго и дидактико-педагогическаго содержанія. О выборѣ таковыхъ лицъ оо. наблюдатели увѣдомятъ совѣтъ. Составленные и обработанные надлежащимъ образомъ рефераты, которые вообще должны быть изложены сжато, основательно и ясно,—авторы имѣютъ представить въ училищно-епархіальный совѣтъ не позже 1 апрѣля, который, по просмотрѣ и одобреніи, лучшіе изъ представленныхъ рефератовъ препровождаетъ въ ялutorовское уѣздное отдѣленіе совѣта для передачи авторамъ и произнесенія на съѣздѣ. Прочимъ учителямъ и учительницамъ вмѣняется въ обязанность приготовить пробныя уроки по одному, или двумъ предметамъ учебнаго курса церковныхъ одноклассныхъ, двухклассныхъ школъ и школъ грамотности;

лучшіе изъ нихъ, по одобреніи руководителемъ школы, могутъ быть даны въ видѣ образцовыхъ практическихъ уроковъ. Хорошо бы быть на сѣздѣ учителю образцовой школы при тоб. семинаріи и дать примѣрные уроки по усмотрѣнію преподавателя педагогикп. Особенно послѣдній съ предсѣдателемъ уѣзднаго отдѣленія совѣта обратить вниманіе на болѣе соотвѣтствующій составъ учениковъ и заготовку потребнаго учебнаго матеріала для классныхъ занятій съ учениками, при содѣйствіи мѣстнаго отдѣленія и совѣта. Сѣздъ долженъ вести подробные протоколы своимъ занятіямъ. Такимъ образомъ учебныя занятія на сѣздѣ будутъ состоять изъ бесѣдъ преподавателя педагогикп въ семинаріи г. Недосѣкова, по преимуществу по отдѣлу дидактики и разбору разныхъ педагогическихъ, для начальныхъ школъ, руководствъ; изъ чтенія рефератовъ; практическихъ занятій учащихся съ учениками по предметамъ учебнаго курса церковныхъ школъ и разбора тѣхъ и другихъ при общемъ участіи учащихся. Желательно, чтобы при этомъ обращено было должное вниманіе на лучшую постановку и разработку преподаванія закона Божія, церковно-славянскаго чтенія и пѣнія. Занятія сѣзда должны быть утромъ и вечеромъ и продолжаться не менѣе трехъ недѣль; но могутъ продолжаться и болѣе, если это будетъ признано нужнымъ и возможнымъ. Порядокъ и смѣна занятій за-благовременно опредѣляются руководителемъ школы. По церковному пѣнію, предсѣдателемъ мѣстнаго отдѣла совѣта, по предварительному сношенію съ наблюдателями церковныхъ учебныхъ округовъ, приглашается на сѣздъ кто-либо изъ наличныхъ членовъ клира, наиболѣе способныхъ и опытныхъ въ церковномъ пѣніи. О результатахъ занятій сѣзда руководитель его донесетъ совѣту съ приложеніемъ дневныхъ записей о ходѣ занятій».

По поводу того прекраснаго руководственнаго наставленія, замѣчаетъ «Церк. Вѣстн.», хотя и принаровленнаго въ нѣкоторыхъ пунктахъ къ мѣстнымъ лишь обстоятельствамъ, но въ общемъ вполне пригоднаго для всякой мѣстности, мы позволимъ бы себѣ обратить вниманіе на одно только обстоятельство. Удобно ли поручать раздачу темъ для учительскихъ рефератовъ оо. наблюдателямъ? Не будетъ ли практичнѣе въ видахъ большого единства и систематизаціи этого дѣла представлять предварительно эти темы въ епархіальный совѣтъ, который, примѣняясь къ общимъ потребностямъ школьнаго дѣла своей епархіи, измѣнялъ бы и дополнял съ своей стороны таковыя по мѣрѣ надобности? Въ противномъ случаѣ возможны повторенія и пробѣлы.

— Одинъ изъ священниковъ Донской епархіи возбуждаетъ въ мѣстномъ органѣ въ видахъ большаго религіозно-нравственнаго вліянія на учащіяся вопросъ о всенощныхъ бдѣніяхъ въ приходскихъ школахъ. По его словамъ во многихъ мѣстахъ встѣдствіе отдаленности деревень отъ приходской церкви, зимняго холода и бездорожья, а также и того, что во многихъ мѣстностяхъ существуютъ еще и холодные храмы, дѣтямъ бываетъ крайне затруднительно посѣщать раннія утреннія богослуженія. А это, конечно, совсѣмъ не хорошо отражается на ихъ религіозно-нравственномъ развитіи. Чтобы не лишать дѣтей возможности бывать по праздникамъ у службы, и имѣть на нихъ большее религіозно-нравственное вліяніе, помянутый священникъ предлагаетъ служить для нихъ наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней всенощныя бдѣнія въ школьномъ помѣщеніи. При этомъ онъ указываетъ на свой опытъ, вполне удавшійся и привлекшій къ богослуженіямъ не только дѣтей, участвующихъ чтеніемъ, пѣніемъ и прислуживаніемъ при богослуженіи, но и взрослыхъ и притомъ такихъ, которые къ утренни являлись довольно рѣдко.

Можно только пожелать, чтобы во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ окажется это возможно и необходимо, прививался обычай служенія въ школахъ всенощныхъ, независимо, конечно, отъ совершенія въ положенное время въ церкви и утрени. («Церк. Вѣстн.»).

— Нѣкоторые изъ руководителей и распространителей секты шалопутовъ, для болѣе успѣшнаго достиженія своихъ цѣлей, какъ оказывается изъ сообщенія ставропольскаго губернатора, прибѣгали къ разнымъ вымысламъ и, между прочимъ, записывались членами общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ и полученные отъ этого общества дипломы и членскіе знаки (кресты) выдавали среди легковѣрнаго сельскаго населенія за знаки, будто бы пожалованные имъ за распространеніе шалопутства. Прибѣгавшія къ такимъ способамъ сектантской пропаганды лица были, по особому Высочайшему повелѣнію, исключены изъ числа членовъ названнаго общества, съ отобраніемъ отъ нихъ дипломовъ и крестовъ.

Удивительны измышленія раскольниковъ. Въ послѣднемъ отчетѣ братства св. Гурія, между прочимъ, сказано, что на одной изъ бесѣдъ съ старообрядцами въ Казани, какой-то безноновецъ сообщилъ, какъ онъ нѣсколько лѣтъ назадъ былъ въ Кіевѣ, явился будто бы къ митрополиту, передалъ ему о своихъ убѣжденіяхъ, и владыка—митрополитъ будто бы сказалъ ему: «да, дѣдушка, ты находишься

на прямомъ пути». Если подобныя нелѣпости передаются публично, то что разсказывается въ кругу однихъ старообрядцевъ? На бесѣдѣ въ селѣ Новомордовѣ явившійся старообрядецъ завелъ рѣчь о количествѣ просфоръ и говорилъ, что на Тайной вечери было 7 просфоръ, и Спаситель приобщалъ св. апостоловъ каждого изъ особой просфоры, такъ что причастилъ Онъ семь апостоловъ, а остальные пять остались безъ причастія. На вопросъ: гдѣ объ этомъ писано, старообрядецъ сначала сослался на Номоканонъ, гдѣ говорится о седмипросфоріи. Когда же было замѣчено, что въ Номоканонѣ о Тайной вечери ничего не говорится, то онъ сослался на Евангелія. По справкѣ оказалось, что въ Евангеліи говорится о хлѣбѣ, а не о хлѣбахъ; а св. апостоль Павелъ пишетъ: вси отъ единого хлѣба причащаемся (I Кор. X, 17). Послѣ этого старообрядецъ сталъ шумѣть и требовать, чтобы бесѣда была отложена до утра слѣдующаго дня. Но на утро онъ куда-то уѣхалъ.

Современные намъ раскольники-безпоповцы для успѣха въ распространеніи своихъ лжеученій давно прибѣгаютъ къ подлогамъ. На дняхъ о. протоіерей І. Виноградовъ раскрылъ раскольническій подлогъ подъ соборныя святоотеческія правила. Имѣя въ виду сочиненіе подъ названіемъ: «Правила помѣстного собора, иже въ Иппонѣ собравшихся св. отецъ 277 первопрестольника Трофима, архіепископа кархидонскаго, правила изложена 50 правилъ церковному благодію». Безграмотность, историческія невѣрности, а главное (какъ говорить о. Виноградовъ)—нечестивое ученіе и характеръ самаго сочиненія, ясно, какъ Божій день, обличаютъ выдумку и ложь расколоучителей. И однакожь, въ крайнему сожалѣнію, благодаря невѣжеству той массы, въ которую проникаютъ такія «соборныя правила», имъ простодушные старообрядцы охотно емлютъ вѣру, какъ сущей истинѣ. («Церк. Вѣстн.»).

— Въ отчетахъ братствъ, особенно же въ отчетахъ о внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, доселѣ въ большемъ числѣ повторяются заявленія объ удивительно смутныхъ понятіяхъ простаго народа относительно предметовъ вѣры. Одинъ изъ священниковъ ставропольской епархіи, ведущихъ внѣбогослужебныя бесѣды, пишетъ:

«О какомъ предметѣ изъ области христіанской религіи ни заводилъ я рѣчь на собесѣдованіяхъ, все для народа было ново. Простой народъ не имѣлъ надлежащихъ понятій о Богѣ, не умѣетъ правильно креста сложить, не можетъ, какъ слѣдуетъ, прочесть общеупотребительныя молитвы, не понимаетъ смысла и значенія св. Таинствъ, церковныхъ службъ и обрядовъ, не умѣетъ надлежа-

щимъ образомъ относиться къ святымъ угодникамъ Божиимъ и иконамъ. Спрашиваю, напримѣръ, я однажды на собесѣдованіи одного неграмотнаго слушателя, знаетъ ли онъ молитву Господню: «Отче нашъ». — «Отчю? Знаю», отвѣчаетъ онъ. — «Ну, прочти». — «Отчи нашп, иже си на небесн....» и т. д. началъ искажать каждое слово до негѣпости мой собесѣдникъ. — «Еще что знаешь?» спрашиваю его. — «Еще: ангиль мой хранитель». — «Ну, прочитай». Тотъ начинаетъ читать: «Ангиль мой, хранитель мой, сохрани мою душу, сокрѣпи мое сердце; врагъ—сатана откочнись отъ меня, тутъ тебѣ не дѣло, тутъ тебѣ не мѣсто; есть надо мной Господень гробъ, на томъ гробу три лица написаны: Маркъ, Лука и Микята мученикъ за насъ Богу молотца, Христу Спасу кланяютца». Вотъ образецъ знанія молитвъ!»

— Имѣя въ виду распространенность въ народѣ иконъ, написанныхъ въ высшей степени неудовлетворительно, и желая въ этомъ отношеніи помочь своимъ прихожанамъ, священникъ карачельской (въ оренбургской епархіи) церкви о. Ключаревъ рѣшилъ открыть при карачельской церкви складъ иконъ для распространенія въ народѣ, а также бесплатную читальню. Для этого онъ отстроилъ особое небольшое теплое помѣщеніе въ бывшей каменной лавкѣ, помѣщающейся въ стѣнѣ церковной ограды. На бесплатную читальню предполагалось взять изъ суммъ церковныхъ рублей сто, — сумма для церкви необременительная. На рапортѣ объ этомъ епархіальный епископъ положилъ резолюцію:

«Премного благодарю добраго настыря за его вниманіе къ духовнымъ потребностямъ пасомыхъ. Давно пора заняться и всѣмъ прочимъ настырямъ доставленіемъ своимъ прихожанамъ иконъ правильнаго писанія и книгъ для назидательнаго чтенія. Именемъ Божиимъ благословляется открыть при церкви иконную лавку и читальню съ употребленіемъ на послѣднюю церковныхъ денегъ, означенныхъ въ рапортѣ».

— Вслѣдствіе часто появляющихся въ продажѣ иконъ, до того не имѣющихъ сходства съ оригиналомъ, что, «не прочитавъ безграмотной надписи на иконѣ, затрудняешься опредѣлить имя и даже полъ изображаемаго святого», черниговскою епархіальною властью рекомендуется всѣмъ церковно-приходскимъ попечительствамъ и церковнымъ причтамъ озаботиться выпискою иконъ хорошей живописи изъ одесскаго хромотографическаго заведенія, приготовляющаго иконы, наклеенныя на доскѣ, не дороже 20—25 к., и устроить склады при церквахъ. Получаемая отъ продажи иконъ польза должна обращаться на нужды церкви.

— Для удовлетворенія религіозно-нравственныхъ нуждъ православныхъ рабочихъ, на одной желѣзной дорогѣ проектируется весьма оригинальная мѣра. Говорятъ, что правленіе закавказской желѣзной дороги намѣревается устроить два особые вагона, въ которыхъ будутъ помѣщаться: въ одномъ церковь, а въ другомъ подвижная школа. Послѣдній вагонъ представляетъ, по сообщенію «Кавказа», въ нѣкоторомъ родѣ новинку, еще не практиковавшуюся ни на одной изъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ этомъ вагонѣ будетъ находиться нѣсколько отдѣленій—для жилища учителя, для помѣщенія самой школы, и пр. Вагонъ будетъ въ теченіе цѣлаго года переѣзжать съ мѣста на мѣсто, останавливаясь на болѣе или менѣе продолжительное время тамъ, гдѣ это будетъ найдено необходимымъ и гдѣ дѣти желѣзнодорожныхъ служащихъ терпятъ въ особенности много неудобствъ отъ неимѣнія вблизи станціи школы.

— Въ число студентовъ С.-Петербургской духовной академіи вступаетъ Полтавскій помѣщикъ, г. Угречичъ-Требинскій. При вступленіи въ академію онъ, — какъ сообщаетъ «Петербург. Листокъ», — принесъ ей въ даръ свое Полтавское помѣстье и капиталъ—всего цѣнностью около 20,000 руб. Согласно волѣ жертвователя, каждое лѣтнее канікулярное время на проценты съ капитала, по предложенію академическаго врача и съ утвержденія преосвященнаго ректора академіи, будутъ отправляться на югъ въ Полтавское помѣстье по пяти больныхъ студентовъ для возстановленія здоровья. Самъ г. Требинскій—человѣкъ глубоко-религіозный—по принятіи монашескаго сана и по окончаніи своего образованія въ академіи, желаетъ всецѣло посвятить себя миссіонерской дѣятельности или за предѣлами Россіи (въ Японіи или Китаѣ), или въ предѣлахъ Россіи—у русскихъ инородцевъ.

— «Новое Время» сообщаетъ, что съ цѣлью устройства при народныхъ и духовныхъ училищахъ садовъ, питомниковъ, огородовъ и опытныхъ полей, необходимыя для этого растенія и сѣмена разрѣшено отпускать бесплатно или за пониженную плату изъ находящихся въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ базенныхъ сельскохозяйственныхъ и садовыхъ учреждений. Правила для такого отпуска будутъ установлены министромъ государственныхъ имуществъ.

— Изъ дошедшихъ до оберъ-прокурора Св. Синода свѣдѣній видно, что въ послѣднее время встрѣчаются случаи вступленія въ бракъ такихъ лицъ военнаго вѣдомства, которыя при расторженіи

прежняго брака осуждены духовнымъ судомъ на всегдашнее безбрачіе и что нерѣдко браки эти совершаются вслѣдствіе выдачи такимъ лицамъ подлежащимъ начальствомъ свидѣтельствъ о разрѣшеніи на вступленіе въ бракъ. Вслѣдствіе этого Св. Синодомъ постановлено, чтобы духовныя консисторіи дѣлали надписи о воспрещеніи вступать въ бракъ на документахъ лицъ, осужденныхъ на безбрачіе, для чего консисторіи обязаны требовать такіе документы (аттестаты, паспорта, свидѣтельства и виды на жительство) при начатіи бракоразводныхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, консисторіи обязаны сообщать о своемъ рѣшеніи подлежащимъ управленіямъ или начальствующимъ лицамъ, которымъ подчинены лица, осужденныя на безбрачіе, съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ перемѣны этими лицами своихъ документовъ, отмѣтка объ ихъ осужденіи на безбрачіе должна быть вносима и въ новые документы. Вслѣдствіе этого военнымъ министромъ, какъ сообщаетъ «Русск. Инвал.», предписано начальствующимъ лицамъ выдавать разрѣшенія на вступленіе въ бракъ не иначе, какъ удостовѣрившись о правѣ просящихъ вступать въ бракъ.

— «Правда» сообщаетъ слухъ, что Люблинскую губернію предложено преобразовать въ Холмскую губернію, съ перенесеніемъ губернскаго города изъ Люблина въ Холмъ. Говорятъ, что на первыхъ порахъ, по примѣру Херсонской губерніи, хотятъ изъ Люблина перенести въ Холмъ только губернское правленіе съ губернаторомъ, а остальные присутственныя мѣста пока оставить въ Люблинѣ. Въ Привислянскомъ краѣ будетъ образовано, по слухамъ, новое православное архіепископство—въ г. Холмѣ, и къ Холмской губерніи будетъ присоединена часть Волынской губерніи, съ Владиміръ-Волынскимъ уѣздомъ, а во Владиміръ-Волынскѣ будетъ устроено викарное епископство, принадлежащее къ холмскому архіепископству.

— Священникъ села Рѣлинецъ, подольской епархіи, каменецкаго уѣзда, Михайль Бахталовскій предлагаетъ слѣдующій проектъ обезпеченія спротивъ духовенства своей епархіи, небезынтересный быть можетъ и для духовенства нѣкоторыхъ другихъ епархій. Чего, самаго главнаго, спрашиваетъ онъ, не достаетъ нашему духовенству, а слѣдовательно и его семейству? И отвѣчаетъ: нѣтъ своего угла, нѣтъ того, что принято называть осѣдлостью. У насъ очень мало есть такихъ счастливицевъ, которые обезпечили свою семью приобрѣтеніемъ недвижимаго имущества, въ большинствѣ же случаевъ бываетъ такъ: умираетъ глава семейства, два—три дня, пока

похоронять мертвеца и пока родные (если они есть), окружая сиротъ своимъ сочувствіемъ и совѣтами, силятся облегчить горе несчастныхъ,—сироты на-время какъ бы забываютъ про свое положеніе; но вотъ всѣ разѣхались, церковь сдана наблюдающему приходъ... теперь у сиротъ невольно рождается грозный вопросъ: «куда мы пойдемъ, кто насъ пріютитъ?». Нужно самому быть въ описанномъ положеніи, чтобы вполне понять то душевное состояніе, въ коемъ находятся сироты. Дѣло во многомъ было бы облегчено, если бы мы имѣли возможность дать нашимъ сиротамъ не только денежное пособіе, но и пристанище, а для этого можно такъ сдѣлать. Каждый священникъ (ихъ въ под. епархія 1,300) долженъ внести ежегодно 8 руб. Съ цѣлой епархіи составила бы сумма 10,400 руб. Если мы продолжимъ этотъ взносъ только на пять лѣтъ, то получимъ капиталъ въ 53,500 руб. (считая и проценты). Сими деньгами распорядиться слѣдующимъ образомъ: купить 200 десятинъ земли, раздѣлить эту землю на двѣ части; одна часть, меньшая, назначалась бы подъ усадьбу и огороды, другая, большая, составляющая пахатное поле, отдавалась бы въ аренду. На пріобрѣтенной усадьбѣ выстроить зданія, именуемыя сиротскимъ пріютомъ, пріурочивъ сюда и огороды для пользованія живущихъ въ пріютѣ. Пахатная земля, или другими словами, арендная плата съ сей земли должна имѣть такое назначеніе: страховка зданій; поддержаніе ихъ; содержаніе управителя пріюта и другіе необходимые расходы. Если бы еще оказался остатокъ денежныхъ суммъ отъ арендной за землю платы, то имъ (остаткомъ) можно было бы улучшать матеріальное положеніе сиротъ. Умираетъ священникъ, сироты, если они достаточны въ матеріальномъ отношеніи, если они находятъ для себя невыгоднымъ жить въ пріютѣ, то въ ихъ волѣ избрать себѣ осѣдность гдѣ угодно. Если же сироты выразили свое желаніе помѣститься въ пріютѣ, то оказать имъ полное содѣйствіе. Живя въ пріютѣ, сироты смотрятъ на свою квартиру, какъ на собственное жилище, и пользуясь огородомъ, они имѣютъ необходимые продукты въ обыденной своей жизни. При пріютѣ есть управитель; обязанность и всѣ занятія вообще управителя должны сообразоваться съ выработанною инструкціею; управителемъ долженъ быть непременно священникъ. Расходъ на пріобрѣтеніе и устройство пріюта приблизительно можетъ быть слѣдующій: 200 десят. земли—25,000 р. (считая по 125 р. десятину), устройство зданій 10,000 р., устройство домовою церкви 2,000 р., ограда и другія приспособленія 3,000 руб. Итого 40,000 р. Остается 13,500

рублей; деньги эти отдать въ государственный банкъ, а получаемые проценты составили бы содержаніе причта: управителя—священника и псаломщика, отдѣливъ при этомъ причту и нужное количество земли. Приютъ могъ бы устранить то обычное теперь явленіе, что вдовая матушка, путешествуя отъ одного села къ другому, проситъ ради Христа надѣлать ее чѣмъ можно. Тѣ средства, какія она получаетъ, весьма недостаточны; нужна пища, нужна одежда, а къ этому нанимай и квартиру. Другого рода дѣло, если бы несчастная имѣла даровую квартиру, воду, отопленіе и огородъ, — тогда и при самыхъ незначительныхъ денежныхъ средствахъ можно прожить.

— «Новости» сообщаютъ, что церковный староста Екатерининскаго собора въ городѣ Ямбургѣ представилъ на дняхъ въ здѣшнюю химическую лабораторію для анализа десять образцовъ восковыхъ свѣчей, прибрѣтенныхъ имъ у четырехъ болѣе видныхъ петербургскихъ свѣчныхъ торговцевъ: Виноградова, Алексѣева (Бѣлова), Любимова и Мачихина. Химическое изслѣдованіе показало, что эти торговцы, подъ видомъ свѣчей изъ чистаго пчелинаго воска, продаютъ чисто церезиновые, или заключающія въ себѣ болѣе чѣмъ на половину различные суррогаты воска: церезинъ парафинъ, растительный японскій воскъ и даже стеаринъ, и берутъ за пудъ минимумъ 24 руб. Въ виду этого духовенство ябургскаго уѣзда обратилось въ настоящее время къ преосвященному Владимиру, епископу нарвскому, съ просьбою ходатайствовать предъ высшимъ духовнымъ начальствомъ о преслѣдованіи петербургскихъ свѣчныхъ торговцевъ за фальсификацію церковно-восковыхъ свѣчей, какъ за мошенничество и обязать частные свѣчные заводы ставить свое клеймо на вырабатываемыхъ ими восковыхъ свѣчахъ.

— 8 января, въ собственномъ Его Величества (Аничковомъ) дворцѣ, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица изволили раздавать образки всѣмъ тѣмъ, кто былъ на царскомъ поѣздѣ во время крушенія 17 октября минувшаго года на курско-харьково-азовской желѣзной дорогѣ, близъ станціи Борки. Одинаковые образки эти, сдѣланные изъ золота, имѣютъ овальную форму и колечко для ношенія. На лицевой сторонѣ образка изображенъ ликъ Спасителя (Спаса Нерукотвореннаго), на оборотной—вензеля Ихъ Императорскихъ Величествъ, а подъ ними вырѣзана слѣдующая надпись: «Въ память спасенія 17 октября 1888 года». Обѣ стороны образка обрамлены тонкой, зеленой, эмалью линіею. Изображеніе Спаса Нерукотвореннаго есть ко-

пія въ мініатюрѣ того самаго образа, который въ моментъ крушенія поѣзда находился въ царской столовой, гдѣ происходилъ завтракъ. Образъ этотъ—какъ извѣстно—остался невредимъ, даже стекло оказалось цѣлымъ. Крестьянину зміевского уѣзда, деревни Гуляй-Поле, Галонову, посланы по Высочайшему повелѣнію 50 червонцевъ за отысканіе на мѣстѣ катастрофы 17 октября вещей, принадлежащихъ Ея Императорскому Величеству.

— Въ настоящее время составляются и составлены уже нѣсколько проектовъ, которымъ, въ виду ихъ особой важности и необходимости, церковная археологическая комиссія дастъ надлежащій ходъ. Предметомъ этихъ проектовъ служить устройство и учрежденіе въ Константинополѣ и въ другихъ иностранныхъ городахъ и мѣстечкахъ, богатыхъ древними церковно-историческими памятниками, особыхъ отдѣленій археологическаго института, гдѣ два-три профессора и молодые ученые-археологи могли бы постоянно и безпрепятственно заниматься разработкой церковно-археологической наукой и въ частности разрѣшеніемъ вопроса о древне-христіанскомъ искусствѣ. На профессоровъ кромѣ того, по нѣкоторымъ проектамъ, возлагается обязанность быть руководителями нашихъ туристовъ, путешествующихъ по христіанскому Востоку съ научной цѣлью. Такихъ учреждений изъ великихъ европейскихъ державъ не имѣетъ только Россія, между тѣмъ какъ въ интересахъ русской богословской и церковно-археологической науки они настоятельно необходимы. Англія имѣетъ свое археологическое отдѣленіе въ Аѳинахъ, Италія—въ Равеннѣ и во многихъ другихъ итальянскихъ городахъ, Франція и Германія—въ Римѣ, въ Аѳинахъ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ Малой Азіи.

— По словамъ «Сарат. Дневн.», въ Вольскомъ уѣздѣ во многихъ селеніяхъ зѣтъ 10 тому назадъ открылась новая секта «божковъ», которая и по настоящее время пропагандируется секретно, но тѣмъ не менѣе распространяется успѣшно. «Божками» называютъ ихъ мѣстные жители потому, что нѣкій крестьянинъ Савва называетъ себя «Богомъ Саваоомъ», другой крестьянинъ называетъ себя «Спасителемъ», а имѣющуюся при немъ старую дѣвицу Марію называетъ «Богородицей». «Божковъ» отличить отъ православныхъ весьма трудно; они тщательно скрываютъ свое ученіе и стараются быть строгими послѣдователями православной Церкви. Ученіе ихъ заключается въ слѣдующемъ: 1) послѣдователи ихъ не должны подавать сами милостыню, а должны отдавать «божкамъ», которые и раздають ее, кому знаютъ; 2) что требуетъ природа че-

ловѣческая, то безъ сомнѣнія совершать и не считать это грѣхомъ, и 3) каждый послѣдователь обязательно долженъ явиться въ день сошествія Св. Духа для «благодушества» въ лѣсъ, въ назначенное «божками» мѣсто.

— «Русск. Кур.» ратуетъ за надѣленіе сельскихъ школъ землею. Вопросъ этотъ уже поднятъ давно и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже получилъ осуществленіе. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ земствахъ этотъ вопросъ остается пока открытымъ.

«Земля при школѣ обезпечиваетъ школу. Ребята, учась въ ней грамотѣ, не отрываются въ то-же время отъ своего дѣла, не порываютъ связи съ тою землею, которая, по окончаніи ими школы, является для нихъ и предметомъ ихъ труда и заботы, предметомъ ихъ матеріальнаго достатка.

Учась на этой землѣ, какъ рационально вести хозяйство, и на опытѣ видя результаты этого рациональнаго хозяйства, эти ученики, дѣлаясь взрослыми, знаніе свое о томъ, какъ правильно хозяйничать, вносятъ въ жизнь и тѣмъ самымъ поднимаютъ благосостояніе сельскаго хозяйства, способствуютъ его прогрессу.

Окружающіе школу крестьяне окрестныхъ селъ и деревень сначала изъ простаго любопытства, а послѣ и по убѣжденію также станутъ заимствовать для себя полезныя указанія по той отрасли своей дѣятельности, которая составляетъ основу ихъ благосостоянія и которая находится въ упадкѣ именно благодаря незнанію, благодаря тому, что дѣло ведется примитивными способами и опираясь не на научныя свѣдѣнія, а исключительно на то, что «такъ въ старину жилали дѣды».

Далѣе «Русск. Кур.» указываетъ на то, что надѣленіе школъ землею обезпечиваетъ учителя. Оно облегчаетъ его нужду, его одиночество, поднимаетъ и бодритъ его духъ, дѣлаетъ его своимъ человекомъ среди земледѣльческаго класса деревни, устанавливаетъ связь между имъ и крестьянствомъ.

Страхъ за то, что учитель, занявшись хозяйствомъ, не будетъ учить—глупый страхъ, во-первыхъ, потому, что зимою онъ землею не занятъ, а слѣдовательно освобожденъ для ученія, а лѣтомъ, занимаясь самъ, онъ практически занимается съ учениками тѣмъ дѣломъ, которое для нихъ та же наука и наука въ высшей степени важная... А, во-вторыхъ, если бы оказался такой учитель, который бы пересталъ учить, то стоитъ его только удалить, и снова встанетъ на свою законную почву».

Но, кромѣ того, замѣчаютъ «Харьв. Вѣд.», надѣленіе школъ зем-

лею послужить, такъ сказать, къ осѣдлости учителей. Многіе отчеты земствъ указываютъ, что учителя не дорожатъ своей службой, по причинѣ недостаточнаго содержанія и при первомъ удобномъ случаѣ, или переходятъ въ другія школы съ высшимъ окладомъ, или-же ищутъ другихъ занятій. Земля прикрѣпляетъ учителя къ школѣ, онъ найдетъ въ ней подспорье для себя и жаль ему будетъ бросить обработанный своими руками участокъ земли. А отъ этого конечно выиграетъ и школа, она не будетъ пустовать за немѣніемъ учителя.

— Недавно къ иконѣ великомученика Пантелеимона, находящейся въ Сосницкомъ храмѣ Полоцкаго уѣзда, принесена прекрасная рама однимъ изъ жителей г. Витебска, Э. И. Г., состоящимъ на службѣ по министерству юстиціи, семейство котораго сряду нѣсколько лѣтъ проживало въ нашей мѣстности на дачѣ, въ лѣтній сезонъ. Навѣщая свое семейство, г. Г. ежегодно, въ день памяти великомученика Пантелеимона, посѣщалъ нашъ храмъ и просилъ отслужить молебенъ предъ образомъ сего угодника Божія; во время молебна онъ всегда горячо молился. Заинтересованный этимъ, я возымѣлъ нескромность спросить Г., «почему онъ особенно благодарно чтитъ великомученика Пантелеимона?» Въ отвѣтъ на это жертвователъ сказалъ: «въ жизни моей были нѣкоторыя обстоятельства, при которыхъ я испыталъ дивныя милости Господни, чрезъ посредство сего угодника Божія, заставившія меня во всю жизнь благоговѣнно чтить и благодарственно прославлять его. Не очень давно, говорилъ жертвователъ, я былъ опасно болѣнъ общимъ разстройствомъ организма. Сначала меня лечили въ Витебскѣ, потомъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и Самарѣ и, наконецъ, въ Ялтѣ. Положеніе мое стало столь опаснымъ, что врачи посоветовали мнѣ ѣхать на родину, и я возвратился домой едва живымъ, съ твердымъ намѣреніемъ оставить всякое леченіе и предать себя въ руки Божіи. По возвращеніи домой, прежде всѣхъ посѣтилъ меня писмоводитель мой, который обратился ко мнѣ съ такими словами: «въ отсутствіе ваше мы много молились о здравіи вашемъ, но вижу, что молитвы наши не помогали вамъ. Вотъ вамъ икона великомученика Пантелеимона: помолитесь теперь предъ нею вы сами. Угодникъ Божій упробитъ Отца Небеснаго спасти васъ отъ смерти, возстановитъ ваши силы и возвратитъ вамъ здоровье». Съ глубокою вѣрою, продолжалъ жертвователъ, я принялъ добрый совѣтъ и, съ твердымъ упованіемъ на благодатную помощь цѣлителя Пантелеимона, сталъ молиться предъ образомъ его, повѣсивъ образъ

при одрѣ своемъ. Скоро я почувствовать себя лучше, затѣмъ стать выздоравливать и, наконецъ, сдѣлался совершенно здоровымъ.

Такая видимая милость Божія, помогшая мнѣ избавиться отъ болѣзни, безъ леченія, по предстательству великомученика Пантелеимона, заставила меня навсегда прибѣгать съ молитвой къ сему угоднику Господню; а иконописное изображеніе великомученика, принесенное въ даръ мнѣ, сдѣлалось съ тѣхъ поръ неоцѣненной святынею моего дома. Къ сожалѣнію, не долго мнѣ пришлось владѣть сею святынею. Приходитъ какъ-то разъ женщина-крестьянка и съ горькими слезами рассказываетъ, что у нея дочь въ домѣ умираетъ. Сжалившись надъ бѣдною матерью, я преподать ей кое-какіе совѣты и вручилъ ей икону великомученика Пантелеимона, настаивая, чтобы она, возвратившись домой, немедленно просила мѣстнаго священника отслужить предъ иконою молебенъ о здравіи больной и затѣмъ возвратила намъ святыню моего дома.

Но женщина эта не возвратила мнѣ иконы. Я былъ настолько довѣрчивъ, что не спросилъ тогда: откуда эта женщина, гдѣ она живетъ; а вслѣдствіе сего не могъ и принять мѣръ къ розысканію своей святыни.

Спустя нѣкоторое время послѣ сего заболѣлъ у меня сынъ малютка. Консиліумъ врачей призналъ его положеніе безнадежнымъ. Идя на службу, подъ давленіемъ горестныхъ чувствъ я помолился горячо и далъ обѣтъ: выписать икону великомученика Пантелеимона съ тѣмъ, чтобы поставить ее въ своемъ приходскомъ храмѣ, на поклоненіе людямъ. И малютка оправился и находится въ полномъ здравіи до сего дня. Икона, выписанная, находится нынѣ въ Покровскомъ храмѣ г. Витебска; предъ нею стоитъ аналой, на которомъ лежитъ всегда житіе великомученика Пантелеимона.

Вотъ почему я глубоко почитаю великомученика Пантелеимона и въ день памяти его, совершаемой св. Церковію 27 іюля, гдѣ бы я ни былъ, всегда стараюсь побыть во храмѣ Божіемъ и помолиться ему».

Этими словами жертвователь окончилъ свой поучительный рассказъ о чудныхъ обстоятельствахъ его жизни, которыя, на ряду съ другими подобнаго рода случаями, совершившимися въ безчисленномъ множествѣ, по молитвамъ святыхъ, свидѣтельствуется, что и нынѣ дивныя дѣла Божіи можетъ видѣть и испытать на себѣ всякій вѣрующій человекъ, лишь бы онъ молился съ теплою вѣрой и твердымъ упованіемъ на Бога.

— Въ «отрывкахъ изъ воспоминаній» А. С. Харламова, напеча-

танныхъ въ «Истор. Вѣстникѣ», встрѣчается любопытный эпизодъ изъ исторіи войны съ Турціей 1854 г. Взять моментъ переправы русскихъ черезъ Дунай, когда Могилевскій полкъ, переправившійся первымъ, понесъ большой уронъ, лишился старшихъ офицеровъ, сраженныхъ турецкою пулей, и былъ уложенъ въ рвахъ и кустахъ въ ожиданіи поддержки. Поддержка, дѣйствительно, не замедлила.

«Первымъ (пишетъ г. Харламовъ) прибѣжалъ на мѣсто отецъ Василій Пятибиковъ, старикъ—священникъ Могилевскаго полка.

— Гдѣ мои ребятушки? гдѣ они, родные мои?—спрашивалъ онъ, не обращаясь ни къ кому лично.

— Отецъ Василій! остановилъ я его. Сюда! вотъ ваши дѣтки лежать. Идите туда.

Между тѣмъ, успѣвшій переправиться Смоленскій полкъ бѣгомъ подходилъ къ мѣсту. Любо было смотрѣть на этихъ храбрыхъ молодцовъ, какъ они, пробѣгая мимо, кричали могилевцамъ: вставай! чего разлеглись? бѣги вмѣстѣ!

Смоленцы пробѣжали, а могилевцы все еще лежали въ рывинѣ, не рѣшаясь встать при видѣ раненыхъ смоленцевъ, которыхъ уже выбивала изъ фронта турецкая картечь. Офицеры поднимали людей, но не дружно, и поднявшіеся снова ложились.

— Голубчики! вдругъ закричалъ какимъ-то потеряннымъ голосомъ отецъ Василій, голубчики! за мной, родные! за святымъ крестомъ!—И этотъ достойный настырь выскочилъ изъ оврага и высоко поднялъ надъ головой св. крестъ.

Словно молнія прошла по полку... Въ одинъ мигъ все разомъ поднялось и грянуло «ура» порывистое, стихійное, то «ура», которое безъ содроганія сердечнаго нельзя слышать на полѣ сраженія... Могилевцы стремительно бросились впередъ толпою... и одновременно съ смоленцами ворвались въ редутъ. Я не утерпѣлъ... и побѣжалъ съ ними. Одну минуту я думалъ, что отецъ Василій убитъ, потому что онъ упалъ, но—нѣтъ! вотъ онъ поднялся и опять побѣжалъ. Крестъ высоко блестя надъ нимъ въ поднятой рукѣ. Навалъ я его почти внесъ: старику не подъ силу было взойти по очень крутой покатости. Впослѣдствіи оказалось, что эпитрахиль была у него пробита картечью и отъ св. креста оторвана часть. Мы овладѣли редутомъ; гарнизонъ былъ почти поголовно переколотъ.

Геройскій штурмъ турецкихъ батарей и истребленіе ихъ защитниковъ навели на непріятеля такой панической страхъ, что турки оставили позицію у Тульчи, бросили всѣ устроенные ими ретраншаменты у Исаки и противъ Сатуновской плотины и бѣжали къ Бабадагу.

Отецъ Василій былъ представленъ къ наперсному кресту на георгиевской лентѣ; но этотъ простой и безпритязательный человѣкъ, доказавшій на дѣлѣ свое самоотверженіе и правильное пониманіе своего пастырскаго призванія, — не полагалъ, въ смиреніи своемъ, чтобъ когда-нибудь его удостоили такой высокой награды.

Возвратясь въ Петербургъ въ концѣ августа, я счелъ долгомъ справиться и прослѣдить за дѣломъ о пожалованіи креста отцу Василю.

Дѣло не клеилось; оберъ-священникъ не пропускалъ представленія. Помогъ мнѣ гофмаршалъ двора Его Высочества Государя Наслѣдника Василій Дмитріевичъ Олсуфьевъ. Этотъ достойный и многоуважаемый человѣкъ радушно выслушалъ меня и сердечно общалъ свое всесильное содѣйствіе. Отъ него я и получилъ патентъ и наперсный крестъ для отсылки о. Василю. Могилевскимъ полкомъ командовалъ тогда полковникъ Фонъ-Брянкенъ, отличившійся при несчастномъ штурмѣ Арабъ-Табін: къ нему я и отправилъ наперсный крестъ для возложенія на о. Василя.

Н Е К Р О Л О Г Ъ .

Января 6 дня и. г. напутствованный Святыми таинствами, скончался заштатный діаконъ, Харьковскаго уѣзда, слободы Деркачей, Николаевской церкви, Іоаннъ Ѳомичъ Филевскій, 61 года; въ воскресенье, 8 января, помощникомъ благочиннаго, въ сослуженіе трехъ священниковъ и діакона, послѣ божественной литургіи, совершено было погребеніе, при стеченіи многочисленнаго народа.

Изъ послужнаго списка видно, что покойный о. Іоаннъ Филевскій, согласно его прошенію, по немѣннѣю средствъ, былъ уволенъ изъ словесности Харьковскаго коллегіума въ 1846 году, — въ этомъ же году поступилъ дьячкомъ въ слободу Маркову, Старобѣльскаго уѣзда, къ Преображенской церкви, въ слѣдующемъ году переведенъ дьячкомъ къ Харьковской Вознесенской церкви, а въ 1852 г. февраля 6 дня рукоположенъ во діакона къ Николаевской церкви слободы Деркачей, гдѣ и прожилъ всю свою жизнь, будучи уволенъ отъ занимаемой должности въ заштатъ, по болѣзни, съ 27 марта 1887 г., съ полученіемъ пенсіи по 65 руб. въ годъ, изъ государственнаго казначейства.

Покойный отецъ Іоаннъ Ѳомичъ Филевскій прослужилъ при храмѣ Божіемъ 42 года — не яко ваемникъ, но яко вѣрный рабъ Божій, исполняя всѣ свои обязанности съ величайшею охотою и любовью; не было случая, что-

бы онъ опустилъ богослуженіе, или не явился-бы на потребу; не было случая, чтобы онъ не участвовалъ въ совершеніи литургіи, или чтобы присутствовалъ къ ней безъ должнаго приготовленія,—даже за двѣ недѣли до смерти — въ день Рождества Христова онъ служилъ обѣдню, даже наканунѣ смерти, 5 января, уже ослабѣвшій, онъ, все же, самъ читалъ пареміи; съ давняго времени въ Деркачевской Николаевской церкви, Божественная литургія совершается не только въ воскресные, праздничные и высокаторжественные дни, но и во всѣ четверги и субботы, съ пѣніемъ акафистовъ св. Николаю чудотворцу и Божіей Матери, и, никто никогда не предварялъ о. Іоанна приходомъ въ церковь. Каждый разъ за часъ, за два, до пачала служенія, отецъ діаконъ приходилъ въ церковь, убереть святой престолъ, жертвенникъ, священные сосуды, одежды, просмотритъ уставъ, изготovitъ богослужебныя книги, а, если время позволяетъ, читаетъ въ слухъ собравшимся прихожанамъ или житія святыхъ отецъ, или святоотеческіе творенія, или ведетъ бесѣду о праздничкѣ дня, въ тоже время выслушаетъ всѣхъ, имѣющихъ нужды къ священнику и своевременно о всемъ доложить. Отзвучивый на все доброе, на всякую скорбь и нищету горемычнаго крестьянства, онъ всегда торопился исполнить все, что отъ него требовалъ прихожанинъ. Всегда трезвый, во всемъ, и въ словѣ, воздержный, ровный, неискательный, не корыстолюбецъ, всегда серьезный, не терпѣлъ обидныхъ шутокъ и держалъ себя съ должнымъ достоинствомъ.

Врагъ всякой неправды, всякихъ безпорядковъ, лѣности, пьяныхъ сборищъ, онъ безъ страха строго обличалъ тѣхъ изъ прихожанъ, которыхъ замѣчалъ въ безпутной жизни. Священника считалъ не только своимъ начальникомъ, но и отцемъ,—и это сыновнее почтеніе выражалось какъ въ обращеніи и тонѣ его рѣчи, такъ и во всегдашемъ, точнѣйшемъ и неслѣдственномъ исполненіи всѣхъ распоряженій священника по церкви, по приходу, по письменоводству и пр. Служа при двухъ священникахъ, составъ которыхъ, въ теченіе его службы, мѣнялся четыре раза, о. діакону часто нужно было имѣть кротость, глубину и мудрость змѣину, чтобы сумѣть сохранить добрыя отношенія и съ обоими священниками и съ низшими клириками. И онъ достигалъ этого не двуязычьемъ, не пререканіями, по кротостию, послушаніемъ, въ потребныхъ случаяхъ молчаніемъ, и аккуратнѣйшимъ исполненіемъ своихъ обязанностей. За то и пользовался полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ отъ всего причта. Всѣ денежные сборы въ пользу причта поступали непосредственно въ руки о. діакона, онъ ихъ получалъ, записывалъ и хранилъ до раздѣла, и это никогда не возбуждало никакихъ споровъ и ни малѣйшихъ сомнѣній.

Все, свободное отъ службы, время о. Іоаннъ всецѣло посвящалъ на устроеніе своего дома, на обученіе и воспитаніе дѣтей, на обезпеченіе семьи

своей. Будучи нестяжателемъ, всю свою жизнь избѣгая вымогательствъ отъ прихожанъ, онъ въ основу своего семейнаго довольствія полагалъ благость Божию и личный трудъ. Не имѣя работника, все работалъ своими руками,—и дворъ меля, и конюшню убиралъ, и повозку ладилъ, и дрова рубилъ, и воду тянулъ, и рыбу ловилъ, и пасѣку водилъ, и сѣно возилъ, весь день неутомимо работая, привлекая къ тому же и всю свою семью, не смотря на то, что обѣ его дочери воспитывались въ Епархіальномъ училищѣ, а сынъ, проходя дома такую, подражанія достойную, трудовую школу, въ тоже время съ честью окончилъ семинарію и теперь продолжаетъ образованіе въ Кіевской духовной академіи. Покойный отецъ діаконъ не имѣлъ у себя никакихъ друзей—пріятелей и потому никогда не разѣзжалъ по гостямъ и у себя не заводилъ никакихъ гульбищъ. Весь отданъ былъ церкви и семейству. Отъ того всѣ винопійцы и пршество-любители далеко обѣзжали его домъ; за то всѣ являющіеся къ отцу діакону по дѣлу, по родству, по нуждѣ—всегда встрѣчали въ домѣ его ласку, предупредительность, готовность быть полезнымъ, теплый уголъ и довольный кусокъ хлѣба, съ бѣдняками и всякими неимущими онъ дѣлялся не только хлѣбомъ, деньгами, но и одеждою. Всякаго, кто имѣлъ случай бывать въ домѣ о. діакона, поражали дружескія, мягкія, семейныя отношенія всѣхъ членовъ семьи, вѣжливость, благовоспитанность и опрятность дѣтей, необыкновенный порядокъ, чистота и довольство въ домѣ. Дочери, по окончаніи образованія въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, обѣ вышли въ замужество, одна—за сельскаго учителя и сама состоитъ сельскою учительницею, находясь на счету одной изъ лучшихъ въ уѣздѣ, а другая—за діакономъ, получившимъ богословское образованіе; до выхода же въ замужество, проживая въ домѣ отца, онѣ занимались хозяйствомъ, огородничествомъ, пчеловодствомъ, вели самую простую и трудовую жизнь; а въ часы досуга занимались чтеніемъ книгъ, но не такихъ, которыя возбуждаютъ фантазію и раздражаютъ нервы, а такихъ, которыя питаютъ умъ и сердце. Благочестіе, можно сказать, было семейною добродѣтелію въ домѣ покойнаго о. діакона.

При такомъ воздержномъ, трудолюбивомъ и примѣрномъ образѣ жизни, прослужа около 40 лѣтъ въ приходѣ, который, изъ конца въ конецъ тянется на 30 верстъ, въ которомъ числятся около 6000 прихожанъ, что же оставилъ послѣ себя о. Іоаннъ? Оставилъ намъ поучительнѣйшій примѣръ, како подобаеть въ дому Божиемъ ходити, како добръ чадъ воспитывати, примѣръ трудолюбивой, безкорыстной христіанской жизни, полагающей счастье и цѣль свою въ Богѣ, а не въ мамонѣ. Денегъ и имущества осталось послѣ о. діакона такъ мало, что расходы по погребенію его привялъ на себя причтъ церковный. Вѣчная тебѣ память приспомятныи нашъ братъ и сослуживецъ!

УВѢДОМЛЕНІЕ

ОТЪ

Магазина Парчевыхъ Товаровъ

И

ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ

Н. Д. АЛЕКСАНДРОВА

ИЗЪ МОСКВЫ

Открывъ постоянную торговлю ВЪ ХАРЬКОВѢ, близъ Собора въ Гостинномъ ряду, противъ Серебр. линіи, и пользуясь большимъ расположеніемъ и довѣріемъ г.г. покупателей, я въ настоящее время имѣю въ готовности БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ новѣйшихъ рисунковъ

ПАРЧИ

отъ 40 коп. до 75 руб. за аршинъ.

Газета, рытаго Бархата, Позумента, Воздуховъ, готовыхъ Облачений, Подризниковъ, Аналойныхъ и Престольн. Целень, Плащаницъ, Хоругвей,

ПАНИКАДИЛЬ и ПОДСВѢЧНИКОВЪ

семи и трехъ-свѣчниковъ, Запрестольныхъ Крестовъ и Иконъ, Дарохранительницъ, Евангелій, Кадиль, водосвятныхъ Чашъ, Крестовъ, все-нощныхъ Блюдь, Вѣнцовъ, Аналоеъ, Кропиль, Мірницъ, Лампадъ, Панихидницъ, Металлическихъ Свѣчъ и проч. Церковной утвари, равно какъ

РАЗНЫХЪ ПАРЧЕВЫХЪ И ЗОЛОТОШВЕЙНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

«СОБСТВЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ.»

Всѣ эти предметы продаются въ моемъ магазинѣ ГОРАЗДО ДЕШЕВЛЕ ЧѢМЪ ВЪ ДРУГИХЪ магазинахъ, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый покупатель, и на всѣ эти предметы принимаются заказы

ПО ФАБРИЧНОЙ ЦѢНѢ.

МАГАЗИНЫ МОИ НАХОДЯТСЯ:

1-й въ Москвѣ, на Ильинкѣ;

2-й въ Нижнемъ Новгородѣ, 18 линія, № 1-й;

3-й въ Харьковѣ, Гостинный рядъ № 1-й.

Н. Александровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ЦѢНА ЗА ГОДЪ:
4 руб.

ДЕНЬ

ЦѢНА ЗА ПОЛГОДА:
2 руб.

Въ программу входятъ всѣ обычные отдѣлы ежедневныхъ изданій, а именно: передовыя статьи; телеграммы, политическая хроника; изъ заграничной жизни; мнѣнія печати; изъ литературы и жизни; фельетонъ—разказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, научное обозрѣніе, очерки провинціальной жизни; письма изъ провинціи; внутренняя хроника; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книгахъ; биржевой указатель; торговли извѣстія; объявленія.

При недорогой цѣнѣ изданію придапа серьезная постановка. Сотрудники: *М. И. Амбовъ, А. А. Бастіаровъ, В. В. Бирюковичъ, В. Л. Величко, К. Говоровъ, П. В. Засодимскій, В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Крумовъ, А. И. Леманъ, Н. С. Лысковъ, Е. Д. Максимовъ, К. П. Медвѣдскій, В. П. Острогорскій, А. Н. Плещеевъ, А. Г. Сахарова, Н. Северинъ, В. В. Стасовъ, К. М. Фофановъ, М. М. Филипповъ, М. К. Пибрикова* и др.

Сроки выхода. Газета «День» съ 1889 года будетъ выпускаема ежедневно въ такомъ порядкѣ: пять разъ въ недѣлю листами обычнаго формата ежедневныхъ изданій по 5 столбцовъ на страницѣ и два раза (преимущественно послѣ праздничныхъ дней) въ формѣ прибавленій къ №№.

Цѣна за годъ—4 руб., за 6 мѣс.—2 руб., за 3 мѣс.—1 руб. Заграннпу на годъ 6 руб. Отдѣльные №№ по 5 коп. съ пер. Объявленія принимаются по 10 коп. за строку пепита.

Адресъ редакціи и конторы: С-Петербургъ, Преображенская 4.

Издатель А. А. Гресе.

Редакторъ И. В. Сиворцовъ.

1889 Г.

ГОДЪ IV.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКІЙ СЛѢПЕЦЪ

Журналъ для обсужденія вопросовъ, касающихся улучшенія положенія слѣпыхъ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Подписная цѣна за годовое изданіе: съ доставкою и пересылкою внутри Россійской Имперіи 1 р., съ пересылкою за границу 1 р. 50 к.

Адресъ редакціи: С-Петербургъ, Казанская ул., д. № 5, въ Канцеляріи Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ.

Объявленія принимаются за строчку или занимаемое ею мѣсто по 15 коп.

Программа журнала. Обсужденіе всѣхъ вопросовъ, относящихся до улучшенія положенія слѣпыхъ: цѣли рациональнаго образованія и призрѣнія слѣпыхъ, принципы воспитанія и образованія, психологія, методы обученія, учебныя программы, учебныя пособія, организація заведеній, техническое образованіе, занятія и ремесла для слѣпыхъ, полегченіе объ окончившихъ ученіе слѣпыхъ (патронатство), призрѣніе неспособныхъ къ труду слѣпыхъ, статистика и т. д.; окулистическія-медичинскіе вопросы; мѣры къ предупрежденію слѣпоты; иностранная литература и заграничныя періодическія изданія о слѣпыхъ.—Объявленія.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛѢ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.